

Сильва
ПЛЭТ

СЛОЖЕННЫЙ ВЕЕР

ПАРАДОКС КНЯЖИНСКОГО

КОРОЛЕВСКИЕ ВРАТА

ПЫЛЬНЫЕ УГЛЫ ВСЕЛЕННОЙ

Сильва Плэт
Сложенный веер (сборник)

«Грифон»

2011

УДК 82-312.9
ББК 84(4)6-445

Плэт С.

Сложенный веер (сборник) / С. Плэт — «Грифон», 2011

Трилогия несравненной Сильвы Плэт «Сложенный веер» – это три клинка, три молнии, три луча – ослепительных, но жгуче-прекрасных и неповторимых. «Парадокс Княжинского», «Королевские врата», «Пыльные углы Вселенной» – не просто фэнтези. Это – книга-вызов, книга, которая открывает читателям целый мир: его обитателей хочется любить или ненавидеть, обличать или оправдывать... Равнодушным не останется никто. Эпическая сага, парадоксальная ироничность, безудержный размах фантазии – и в то же время цельность и лаконичность. Встречи и расставания, стремительно развивающийся сюжет, увлекающий почти детективными поворотами... И в результате – возможность снова погрузиться в этот «прекрасный, новый мир». Действительно прекрасный. Для всех, кто ценит хорошую литературу.

УДК 82-312.9
ББК 84(4)6-445

© Плэт С., 2011
© Грифон, 2011

Содержание

Начало	6
Книга первая	8
Пролог	8
Часть первая	11
Глава I. У всех болит голова	11
Глава II. Всем хочется, чтобы это закончилось	20
Глава III. Дары и деле	26
Глава IV. Все входят в двери	31
Глава V. Все говорят и слушают	40
Глава VI. Все, наконец, встречаются вместе	44
Часть вторая	54
Глава I. Анакорос	54
Глава II. Жизнь оказывается богаче, чем представления о ней. У всех	65
Глава III. Все не отвечают на вопросы	75
Глава IV. Все ведут себя так, как от них ожидается	82
Часть третья	89
Глава I. Все пытаются разобраться	89
Глава II. Все шлятся там, где им совершенно не положено быть	96
Глава III. Все говорят «нет»	102
Глава IV. У всех есть что-то, за что стоит драться	112
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Сильва Плэт

Сложенный веер

У каждого из нас есть будущее. У каждой планеты, у каждой цивилизации есть будущее. Будет ли это будущее общим? Что нужно, чтобы оно стало общим – будущее двух мыслящих существ, двух разумных цивилизаций? Их общее решение? Или что-то другое? Когда кто-то решает, что у него со мною общее будущее, имею ли при этом значение я? Могу ли я создать общее будущее с кем-то, не ведая о его отдельном от меня предназначении? Зачеркнет ли наша общая судьба те возможности, которые раскрывались перед каждым из нас по отдельности, или станет единственной возможностью для нас? На эти вопросы нет и не будет ответов.

А. Княжинский, «Веер возможностей: блеск и нищета современных цивилизаций» II «Вестник астроантропологии», № 6, 25 год Звездной Конфедерации. С. 86.

Начало

Темны и безлюдны под двумя мутными зелеными лунами горы и болота Аккалабата. Но *безлюдны* не значит *мертвы*. На болотах рождается серый туман, а в горах – призрачные тени. Туман, порождение болот, ползет по лесу, неумолимо пробираясь между могучих стволов, кроны которых вознесены высоко в зеленовато-серое небо, с ледяным шипением втягивается в узкие долины между поросшими хмурым лишайником холмами, клубится там, извивается огромными белыми змеями и опадает холодной росой при восходе солнца.

Тени, порождение гор, блуждают по конным тропам, прячутся в распадках, шепчут, умоляют, взвиваются к вечно покрытым снегом вершинам, где лучи восходящего солнца сжигают их, заставляя сжиматься, съеживаться, и падают на дно глубоких каньонов, куда солнечным лучам нет дороги даже в зените.

Смена сезонов приносит здесь лишь смену волнения и покоя. Летом беспощадные ливни сминают темные травы предгорий, ветер разбрасывает по полям клочья тумана и высохшие скелеты гигантских папоротников. Шумят, извергая потоки воды, ревущие водопады Эль-Зимбера, несутся от них по склонам бурные потоки, Эль-Эсиль выходит из берегов, превращая столицу Империи в неприступную с земли крепость. Но спешат оттуда герольды, приглашающие высшую знать Аккалабата на турниры, охоты и званые пиры, тесно на трактах от караванов с продовольствием, оружием, тканями и разной домашней утварью, и ни колосющиеся хлеба, ни наливающийся соком виноград не обделены заботой поселянина, упорно гнущего спину над будущим урожаем.

Зимой же неподвижен становится воздух, останавливают свой бег скованные льдом реки, пустеют дороги и горные тропы, стынют вековые леса, замирают все дела в столице и даже своевольный Эль-Зимбер уступает всеобщему окаменению и превращается в нагромождение заиндевельх зеркал и острий. Молчат ветры, молчат небеса. Только изредка идет медленный, ленивый, крупными хлопьями снег, тающий, не успев долететь до земли.

Но болотный туман и горные тени не спят никогда. Ни летом, ни зимой не прерывают они своего ночного дозора. Ни зимой, ни летом не останавливается их перешептывание в серозеленом сумраке. И путнику, столь неосторожному, что ночь застала его вдали от обжитых мест, наедине с тенями или туманом, чудится в их зове одно мелодичное слово: «Дилайна... Дилайна...» Приходит рассвет, тени рассеиваются, туман выпадает росой, путник быстро забывает свои полночные страхи, складывает палатку, седлает коня и до следующей такой неудачной ночевки под открытым небом не вспоминает о намороченных тенями и туманом картинах, посетивших его сны или беспокойные видения.

Ведь так же, как темны и безжизненны горы и болота сурового Аккалабата, так ярки и душисты сады прекрасной Дилайны, светлы и полны жизни ее изумрудные холмы, теплы и безопасны золотые прибрежные дюны, спокойны прозрачные морские глубины. Те же две луны освещают ее, но преломленные особым составом атмосферы, смотрят они там по ночам не бледно-зелеными глазами сморщенной, уставшей от жизни старухи, а ослепительными фиолетовыми очами юной красавицы, восхищенной раскинувшимся под ней пейзажем, похожим на лоскутное одеяло, какие еще делают в провинциальных городках далеко от столицы.

По нежно-зеленому фону лесов вышито луговое разноцветье вперемежку со светящимися квадратиками городов, соединенных стежками мощеных дорог, которые от мельчайших слюдяных частичек красного камня тоже кажутся блестящими. А поверх всего этого – пуговички и стразы: графитовые горы и хрустальные озёра, алмазные ледники и рубиновые вулканы.

Правда, кто-то, видно, курил и стряхивал пепел прямо на дивное одеяло: то тут, то там на нем прожженные черные пятна – закопченные дымом развалины. Но с каждым годом все спокойнее становится взгляд фиолетовых лун: черные пятна исчезают, зарастают зеленым ковром плюща, жимолости и забвения. Скоро их не останется вовсе, и вновь будет сиять под небесами Дилайна в спокойной и неколебимой своей красоте.

Книга первая Парадокс Княжинского

Пролог

28 июля 35 года по календарю Звездной конфедерации японский ученый Такуда Садо доказал парадокс Княжинского, также известный под названием «веера возможностей». Точнее, не доказал, а предложил строгое математическое обоснование для идеи, которую за пятьдесят лет до этого высказал молодой астроантрополог Алекс Княжинский.

Княжинский, исследовав доступные ему данные по истории развития Земли и известных на тот момент антропоморфных и не антропоморфных цивилизаций, с удивлением обнаружил, что, чем более развитой является (или, что не одно и то же, считает себя) цивилизация, тем меньшего количества возможных сфер и объектов развития касается этот прогресс и тем более независимым от воли и желания самих творцов прогресса является направление эволюции.

Как написано во всех учебниках, на эту мысль Княжинского навели подаренные ему друзьями часы с кукушкой. Княжинский приехал в тот день домой из магазина, где они с женой провели четыре часа, пытаясь разобраться в сравнительных достоинствах предлагаемых им телекоммуникаторов и восхищаясь тем, как далеко шагнула технология всего за два с половиной года, с тех пор как семья Княжинских покупала свой прошлый коммуникатор.

Отягощенные массой полезной и бесполезной информации и нагруженные кучей пестрых буклетов о том, как «с максимальным удобством общаться со своими друзьями по всей Вселенной», Княжинские выгрузились из машины и обнаружили у себя на крыльце живописную группу из двух однокашников главы семейства по институту, ящика пива и подарочно упакованного параллелепипеда.

Однокашники Княжинского собирались с ним пить пиво, а так как все они по профессии были (как и предполагается у однокашников) астроантропологи, т. е. специалисты по поведению людей в ситуации межпланетного контакта, то в целях «позитивной модуляции реакций исключенного из общего процесса субъекта» (в переводе с астроантропологического языка на

русский, «чтобы задобрить мадам Княжинскую») в находившемся у выхода из супермаркета магазинчике под названием «Лавка древностей» ими был прикуплен подарок «для дома, для семьи» – часы с кукушкой, авторская работа, Земля, XIX век (хорошая подделка, разумеется). Подарок был принят благосклонно, гости допущены в дом на двух условиях: а) пить за столиком на веранде и не мешаться под ногами; б) через какое-то время, когда хозяйка определится, прервать процесс и явиться для установки часов на нужное место.

Спустя полтора часа, разморенные от жары и добрые от потребленного пива, Княжинский с гостями прибыли на объект – в комнату, где следовало водрузить часы. Проковыряв две дырки с помощью обнаруженной в кладовке электродрели какого-то дремучего года издания (все-таки Княжинский был гуманитарий), приятели прикрепили исторический артефакт к стене и перешли к стадии инициализации (в переводе с астроантропологического, решили часы завести). Инструкции к часам, разумеется, не прилагалось, чего и следовало ожидать от товара, купленного в «Лавке древностей». Поэтому действовать пришлось по наитию. Через сорок минут действий по наитию Княжинский воодушевленно воскликнул «Итить!..» и полез в астронет. Точнее, однокашники под аккомпанемент грозных вздохов мадам Княжинской вступили на шаткую почву Звездной паутины, а сам Княжинский забился в угол дивана с каким-то блокнотом и через полчаса выдал остолбеневшей супруге и своим братьям по астроантропологическому разуму примерно следующее. Как оказалось, все артефакты, которые любая цивилизация использует, так сказать, на синхронном срезе, можно разделить на:

- а) предметы, претерпевшие существенные конструктивные изменения, но не поменявшие названия (Княжинский грозно покосился на непокорную дрель);
- б) предметы, не эволюционировавшие существенно за последние сто лет, но тем не менее успешно находящиеся в эксплуатации (Княжинский подергал за занавеску);
- в) предметы, постоянно подвергающиеся модификациям и смене названия (чертов телекоммуникатор!);
- г) предметы, полностью вышедшие из обихода, украшающие музеи и пылящиеся до полного рассыпания в прах на чердаках и в чуланах (жена Княжинского грудью заслонила лестницу, ведущую на чердак).

При этом каждая современная техномедийная цивилизация, раз начав модернизировать артефакт, будь то кухонная утварь или сложнейшее электронное устройство, действует исключительно по принципу «Заставь дурака богу молиться...», вбухивает кучу сил и средств в развитие данного конкретного свидетельства своего развития, спиной поворачиваясь к альтернативным возможностям решения той же проблемы.

Например, земляне за несколько веков уверенно прошагали от колесной повозки до тяжелого межпланетного крейсера, ни на секунду не озаботившись мыслью «А зачем это нам?» и не предположив, что, может быть, никуда ездить (летать) не нужно. И первыми, на кого оседлавшие космические корабли земляне наткнулись во Вселенной, были аппанцы, абсолютно безразличные к «куда-нибудь полететь», зато ошеломившие гостей уровнем телекоммуникаций, посредством которых они уже лет триста Землю на расстоянии рассматривали, но не пошевелили пальцем, чтобы туда попасть. Нет, им, конечно, было очень интересно и даже радостно, что не одиноки они во Вселенной, но сама мысль о том, чтобы из родного теплого уголка махнуть в столицу Аппы посмотреть на явившихся братьев по разуму, показалась председателю аппианской научной ассамблеи, будущему почетному профессору десятка земных университетов, доктору Коэлебсу совершенно еретической. Трястись двести километров! А собственно, ради чего, если телекоммуникационные устройства аппанцев одинаково успешно передают и изображение, и звуки, и запахи, и температуру, обеспечивая полный эффект соприсутствия и тактильного контакта, буде таковой понадобится? Двигатель внутреннего сгорания аппанцы считали венцом технологического прогресса в области средств передвижения и больше не желали бессмысленно тратить время.

Все это, размахивая руками, и изложил обалдевшим слушателям Княжинский. Не забыв упомянуть и про представителя одной далекой планеты, который, стоя с Княжинским в лифтовом холле Дубнинского университета, зачарованно рассматривал мигающие цифры, показывающие, на каком этаже находится лифт, а затем спросил: «Зачем это нужно?» «Чтобы знать, когда лифт придет», – ответил Княжинский, не вполне врубившийся в суть вопроса. «Да, это понятно. Но зачем вам нужно знать, когда лифт придет?» – поинтересовался инопланетянин. Княжинский моментально выдал само собой разумеющееся объяснение, коллега изо всех сил попытался вникнуть. Когда у него ничего не получилось, разочарованно махнул щупальцами... так и разошлись один недоуменной другого.

В общем, по Княжинскому, получалось, что, начиная с определенного уровня, прогресс цивилизаций носит все более иррациональный и узконаправленный характер и все больше напоминает попытку обмахиваться сложенным веером вместо разложенного. Не существовало и не могло существовать ответа на вопрос, почему вместо того, чтобы усовершенствовать лошадь и вырастить ей какие-нибудь термоядерные крылья или самим научиться силой мысли переноситься на невиданные расстояния, как обещала научная фантастика XX–XXI веков, земляне заикнулись на разработке новых видов энергии для космических двигателей. «Торжество случайности и полная неспособность свернуть с однажды выбранного пути», – резюмировал растрепанный и охрипший Княжинский.

Немедленно все предметы, находящиеся в комнате, были рассортированы в четыре аккуратные кучки, а то, что нельзя было сдвинуть с места, было приписано к одной из четырех вышеуказанных категорий с помощью традиционных самоклеющихся листочков для записей и новомодного диномаркера (устройство, напоминающее лазерный пистолет и служащее для установки пометок на различных предметах, – мечта любого зам. директора по административно-хозяйственной части). К общему умопомешательству присоединилась даже жена Княжинского.

Ходики в тот день так и остались незаведенными, через месяц в «Вопросах астроантропологии» была опубликована статья «Веер возможностей: блеск и нищета современных цивилизаций», которой Княжинский в очередной раз подтвердил репутацию парадоксальнейшего астроантрополога планеты, а через пятнадцать лет Земля и пять ближайших к ней цивилизаций галактики подписали договор о создании Звездной конфедерации, включавшей в то время всего два треугольных сектора: Земля – Хоммутъяр – Аппа и Мхатма – Верия – Галлинаго.

Часть первая Туман и тени

Глава I. У всех болит голова

Хьелль Дар-Халем, маршал Аккалабата

– Ну почему именно у меня должна ТАК болеть голова в первое за триста лет на Аккалабате яркое солнечное утро?!!

Если ты являешься потомственным даром и главным военачальником Аккалабата, а у тебя все равно нет ответа – это симптом. Явный сигнал перейти от умственной активности к физической. Например, открыть глаз, хотя бы один, откинуть застилающие лицо спутанные черные волосы и тупо уставиться в стену свалявшихся серых перьев. Через которые не проникает ни один луч солнца, а значит, ослепительно яркие вспышки происходят у тебя в голове. Подобный вывод тоже симптоматичен и знаменует твою готовность вернуться к умственной деятельности. Потому что ни о какой физической быть не может и речи. Не в такое исключительно мерзкое утро после попойки со всем Генеральным штабом и руководством Вооруженными силами Ее Величества, в которую уже на десятой минуте перешло совещание по подготовке к встрече первой миссии Звездного совета на Аккалабате. Мерзкое утро, мерзкий Совет, мерзкие перья...

Лорд Дар-Халем раздраженно дернул затекшим крылом и мрачно уставился на открывшуюся ему картину. Покои похмельного аккалабатского аристократа, будь оно неладно. Не то чтобы с детства он проводил в них много времени. Философией семьи, как и всех древних родов Аккалабата, было отсутствие всякой философии и приверженность практике военного ремесла. Все предки лорда Дар-Халема были не просто хорошими воинами, они были лучшими. И в двадцать шесть лет перспектива обогатить столичное военное кладбище очередной могилой с традиционной для клана надписью «Здесь лежит тот, кому Вы завидовали бы, будь он жив» рисовалась весьма отдаленной, а потому менее неприятной, чем необходимость завтра явиться на космодром, а потом и во дворец для встречи с миротворческой миссией Звездного совета. Совета, помещанного на мире во всей Вселенной и неустанно сеявшего его – дипломатией, диверсиями, десантными операциями, но никогда не произносившего слов «военное вмешательство». Совета, не без чьей-то подсказки заметившего вдруг очередную горячую точку в отдаленном секторе Дилайна – Аккалабат – Локсия и в первый раз за несколько десятков лет холодно-отстраненных отношений запросившего Ее Величество Правящую Королеву Аккалабата о переговорах.

Удивительным было не то, что Ее Величество согласилась (пожар непокорной Дилайны еще свеж был в памяти). Поражала скорость, с которой земляне, представлявшие в этом году дипломатический сектор Звездного совета, снарядили корабль. Причиной не могло быть одно только академическое любопытство – узнать, каким образом замшелая средневековая¹ цивили-

¹ Когда-то из всего, что в утвержденном и рекомендованном педсоветом земного колледжа на Анакоросе учебнике по астросоциологии говорилось про планеты с цивилизациями средневекового типа (они же «средневеково-феодалные», они же МЦ), наследного лорда Дар-Халема больше всего потрясло сообщение о нежелательности употребления воды из-под крана. Сама мысль о блестящих никелированных кранах и эмалированных писсуарах, торчащих из каменной кладки в сортире королевского дворца в Хаяросе (не говоря уж о каком-нибудь значном заведении на окраине столицы Аккалабата), настолько выбила будущего главнокомандующего из колеи, что он, не спрашивая разрешения, пулей вынесся из класса и долго радостно ржал в коридоре. В оборудованные по последнему слову техники санитарные помещения колледжа он потом еще неделю входил с таким просветленным выражением лица (воображение услужливо подсовывало картины типа «Аккалабатский дар с двумя мечами на перевязи, вписывающийся в кабинку» или «Лорд-канцлер Аккалабата, намыливающий крылья под гидромассажным душем»), что однокурсники окончательно утвердились в мысли о полной несообразности феодальной «курицы» с

лизация, политическая структура которой держалась на слепом подчинении королеве, а главный военный навык составляло владение мечом, – так вот, эта нелепая, наряженная в длинные черные орады и до сих пор предпочитающая бумажные книги и свитки мерцающим компьютерным экранам цивилизация смяла, раздавила, выжгла и покорила Локсию с ее сканерами и парализаторами, скорчерами и радарными, пьезозащитными полями и лазерными лучами. Как нечего делать... За два с половиной года... Имея два с половиной космических корабля, тонну аккалабатской наглости и удачу, ошалелую, оглашенную удачу своего главнокомандующего, который в это отупляюще пасмурное, как и положено на Аккалабате, утро уже десять минут вяло любовался в зеркало на круги под глазами – темнее, чем радужная оболочка этих глаз, обветренные тонкие губы, наморщенный нос, длинноватый и кривоватый даже по аккалабатским меркам, и другие части лица, из которых его затуманенный взгляд пытался собрать общую картинку настолько же безуспешно, насколько приученный к железной дисциплине мозг аккуратно и точно обрисовал ему текущую политическую ситуацию.

Сид Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

– Чахи нас побери. Сто тысяч чахи, – лорд-канцлер Аккалабата со свистом вогнал два изогнутых меча в столешницу, по обе стороны от расправленного на ней проекта договора со Звездным советом. Все было бы не так плохо, если бы...

Швырять холодное оружие в календарь – не обязательная даже на Аккалабате утренняя процедура, но впервые в жизни канцлер Империи не чувствовал себя в силах удержаться. Календарь со стены вывел лорда Сид Дар-Эсиля из себя послезавтрашним числом, обведенным в синий кружочек. Погипнотизировав чернильную пометку тяжелым взглядом и убедившись в ее полном нежелании исчезнуть, лорд-канцлер плюхнулся в кресло перед широким столом, заваленным рукописями. Взвились и опали мягкими складками полы парадного орада – серого с серебряным орнаментом – полагавшегося по какой-то странной причуде отточенного веками придворного церемониала одному-единственному из всех высших лордов – даров Аккалабата. Миг – и словно не человек сидит в кресле умбреного мрамора, а выточенная из того же мрамора статуя, то ли берущая жизнь от соприкосновения с камнем, то ли отдающая ему свою силу.

Клан Дар-Эсиль – плоть от плоти этой земли, соки ее давно уже пропитали кожу наследников этого древнейшего рода, подарившего когда-то жизнь и надежду всем дарам Аккалабата. Низко забранные посередине спины в пышный хвост волосы цвета водяной пены кипящего Эль-Зимбера. Лицо, вырубленное из полупрозрачного умбрена, с заостренными скулами и непроницаемо серыми, почти белыми глазами, таящими то ли горные призраки, то ли туманы

окружающим миром технического прогресса. Собственно, чего они, дети техномедийных цивилизаций земного типа (ТМЦ), ожидали от попавшей в нормальные (человеческие!) условия жертвы средневекового невежества, рисовавшегося им в полном соответствии с учебной программой? А именно: добродетельный или зловредный монарх на троне, лорды с постными физиономиями в неудобных мешковатых плащах или обтягивающих камзолах вокруг, социально неразвитые и культурно отсталые крестьяне на полях, лисьемордые торговцы в лавках, никакого тебе огнестрельного оружия и газовых камер, ни, боже упаси, электричества, войны только за честь и место под солнцем, но не за ресурсы, абсурдное право первой ночи и обугленные фундаменты мятежных деревень, закопченные факелами потолки и потоки нечистот в придорожных канавах – словом, несусветная косность и полный конец всему, по меркам ТМЦ. Наследный лорд со злорадным нетерпением ожидал, что после чтения всех этих ужасов однокурсников наконец-то начнут мучить кошмары и уже можно будет хоть одну ночь на Анакоросе провести нормально (по-человечески!): выскакывая в черном ораде из-за угла или обрушиваясь с потолка на головы несчастным, ищущим спасения в направлении медицинского кабинета. Но, к его удивлению, техномедийная молодежь оказалась к медиевальному антуражу нечувствительна: нехорошая вода из-под крана, канавы с нечистотами и ведьмы на виселицах были выучены, сданы и на следующий день накрепко забыты. Кошмары снились только самому будущему маршалу. И он дал себе честное слово никогда не посещать жуткие, антисанитарные и антисоциальные миры с нечесаными феодалами, низко-технологичными мечами и малопродуктивными орадами. Ибо тихи и тенисты старые сады Хаяроса, звонок под конскими подковами в час дневной суеты и гулок под каблуками в одинокий рассветный час гранит его улиц и площадей, стройны и печальны его пронзающие небо храмы с распахнутыми окнами на высоких башнях, крепки и надежны вздымающиеся над каменистыми берегами Эль-Эсиля стены. Нет во Вселенной места прекраснее и суровее, чем Аккалабат, пусть там и встает из болот холодный туман и тянутся по горам упрямые тени.

аккалабатских болот, под девичьи длинными, но не пушистыми, а жесткими игольчатыми ресницами. Лорд Дар-Эсиль неотразим по меркам не только Аккалабата, но и всех гуманоидных планет. Откровенные взгляды мужчин и женщин ищут Сида Дар-Эсиля не только на королевской охоте, когда он, нарочито медленно, зная об этих взглядах, разгибает спину над звериной тушей и с чувством вытирает окровавленный кинжал о штанину или, расседлав своего жеребца, похлопывая его по вздымающемуся боку, от души смеется над сальными шуточками другого дара, высоко запрокинув голову, открывая белое горло, чуть ниже кадыка перечеркнутое темно-красной линией. Не только на дипломатическом приеме, или званом вечере в честь дня рождения королевы, или на дружеской пьянке даров в самой непотребной таверне предместий Хаяроса притягиваются взгляды к атласному серебру его орада. Не только в ложе судей на турнире, когда взор самого канцлера сходится в одну точку и лишь присвистывающее дыхание выдает сосредоточенность, с которой лорд Дар-Эсиль следит за поединком, чтобы успеть вовремя остановить, не допустив неоправданных жертв, и одновременно – за лицом королевы, чтобы не останавливать, если Ее Величеству сегодня хочется больше крови.

Даже если черты его лица искажены холодной яростью боя, когда посреди криков людей и пения стали лорд Дар-Эсиль выдергивает меч из поверженного тела, чтобы через мгновение в полуразвороте вонзить изогнутый клинок в следующую жертву, которая только что была охотником, подкрадывавшимся сзади... Даже если его тонкие губы кривят злоба и раздражение, когда в темном коридоре королевского дворца он спотыкается об очередную труп того, кто еще вчера был его другом, братом или шпионом... Даже если серые глаза затуманены беспомощностью и болью, когда его сильные и надежные крылья превращаются в бесполезные обшарпанные наросты на теле... и только мягкий, успокаивающий голос: «Тихо, тихо... не первый раз и не последний, все будет хорошо... а вот тут потерпи, сейчас будет неприятно...» и размеренные движения щеткой, от нежных до настойчивых, почти болезненных: там, где нужно, – нежных, там, где нужно, – болезненных. Только этот голос и эти движения спасают, и сильные руки, и знакомый запах... и лежащий пластом на скомканных простынях, перепачканных кровью и ошметками старых перьев, мужчина все равно прекрасен, хорош по меркам всех гуманоидных цивилизаций.

Но не сейчас.

Сейчас он некрасив: на лице его отвратительное выражение нерешительности и беспомощности, с которым канцлер смотрит то на проект договора на столе, зажатый между двумя изогнутыми мечами, то на календарь на стене, распоротый тонким кинжалом. Первый говорит о том, что с завтрашнего дня место верховного лорда Дар-Эсиля у правой руки королевы, во главе церемониального парада, возле руководителя прибывающей миссии – за банкетным столом, напротив него – за столом переговоров. Никто лучше канцлера на Аккалабате не умеет совмещать роль механического придворного истукана, раскланивающегося и отпускающего в нужный момент ничего не значащие комплименты или колкости, с изощренной (враг скажет «извращенной» и будет прав) работой мозга, оценивающего и анализирующего, не упускающего ни хитроумно поставленной запятой в дипломатическом акте, ни казалось бы, ничего не значащего поворота головы, румянца на щеках, приподнятой брови. *Нет, господин посол, мы не уверены в Ваших добрых намерениях... Да, господин посол, королева подумает над Вашим предложением... Ох, ну что же я могу, что я могу, я всего лишь бедный ее подданный, выполняющий волю властительницы Аккалабата... Не может быть и речи, я решил, и так оно и останется, подпишите, Ваше Величество, просто подпишите здесь...*

Будьте спокойны, Ваше Величество, преданность Вам у нас в крови, несмотря на вечно роящиеся под дворцовыми сводами измены и заговоры – классические прелести средневековой цивилизации.²

² «Чахи знает, зачем мне всё это читать... впитанное с молоком матери», – хмыкнул десять лет назад тощий длинноволо-

Сид пошевелил затекшими плечами, правая рука невыносимо привычным жестом потянулась к шраму на шее. Указательным пальцем почесал старый рубец, как всегда, автоматически нашел какую-то зазубрину, чтобы подцепить, расковырять до крови. Недовольно нахмурился, не глядя взял со стола платок, приложил к ранке, уставился на маленькое красное пятнышко посередине белого полотна. Благородная кровь Дар-Эсилей: повышенное содержание аристократизма, оптимальное соотношение риска и осмотрительности, ну да, разумеется... преданность Королеве. Но у него в крови преданность не только Королеве. И именно об этом напоминает покалеченный календарь на стене.

Завтра лорд Хьелль Дар-Халем, командующий вооруженными силами Ее Величества, еще будет стоять у трона возле ее левой руки, идти вместе с ним во главе церемониального парада, сидеть за банкетным столом... все более бледный, все чаще неуютно поводящий плечом, с все возрастающим выражением беспомощности и боли на дне темных, как самые темные чалы из садов Хангафагона, глаз. Но послезавтра, во время официальной экскурсии по столице (включая посещение королевского арсенала, военного корпуса, провалиться ему сквозь землю, главной торговой пристани и т. д. и т. п.) и прочих протокольных мероприятий...

Его не будет рядом. Потому что пришла его очередь метаться в полубреду по скомканным простыням.

Ведь никто же не виноват, что в каталоге Звездной конфедерации, в который ты и твой лучший друг с таким безнаказанным удовольствием совали нос в детстве в королевской библиотеке соседней Дилайны (*мальчики должны навещать кузин, это придаст им аристократического блеску*), в томе «Биогенотипический классификатор» описание расы, господствующей на объекте Аккалат, начинается с прилагательного «птероантропоморфная». Чем кончается это описание, лучше не вспоминать. По крайней мере, сейчас не вспоминать, потому что иначе от стола, договора, стены и календаря через пять минут останутся рожки да ножки. (Дипломатические способности сами по себе, а владеть мечом будущего лорд-канцлера учили наравне с остальными). Да, там, конечно, еще много нейтральной информации: средний рост – 200 димов (1 дим равен 0,9 сантиметра по системе мер Звездной Конфедерации), цвет волос – черный или белый, цвет глаз – черный или серый, две руки, две ноги, по пять пальцев на каждой... Информацию о наличии двух крыльев, которые вполне себе используются по назначению, можно тоже считать нейтральной. Впрочем, таким же нейтральным тоном составители

сый подросток в меховом ораде, яростно шелкая клавиатурой в компьютерном классе закрытого дипломатического колледжа на Когнате в попытках реанимировать сайт, посвященный истории наемных убийств и дворцового шпионажа. Настенные часы, осмелившиеся намекнуть, что осталось десять минут до выпускного экзамена по «Сравнительному анализу цивилизаций», заткнулись от первого же прилетевшего кинжала. На Когнате с ее вечной зимой, в отличие от стерильного Анакороса, студентам разрешалось оставлять при себе оружие – невозмутимо-примороженные наставники ограничивались требованиями о возмещении материального ущерба, буде таковой обнаружится. Сид сдал мечи – их все равно негде было хранить в маленькой, по-спартански обставленной комнате – но короткие ножи с тяжелыми рукоятками оставил. Кольчужную защиту на Когнате он тоже не носил, дипломную работу, посвященную «проблемам предотвращения государственных переворотов, мятежей и подрывной деятельности в условиях средневековой цивилизации», процентов на восемьдесят скачал из астронета и за четыре года умудрился не покалечить ни одного однокурсника, который неожиданно подходил к нему со спины на расстояние вытянутой руки. Но, возвращаясь, натянул кольчужную безрукавку под орад еще в каюте и ступил на потрескавшиеся плиты того, что на Анакоросе называлось космодромом, в такой же полной готовности достать любого, кто приближается сзади, без предупреждения и наверняка, в какой он за четыре года до этого покинул Хаярос. Непрерывной линией крови дары Эсильских болот были обязаны не идеальному владению мечом, в котором они не могли сравниться со своими соседями, облюбовавшими для строительства замка заросшие темной травой холмы Халема, а патологической предусмотрительности и невероятному чутью. Чутью политическому, позволявшему им не первую сотню лет удерживать почетное место возле королевского трона, и чисто животному, физиологическому, благодаря которому любой, считавший себя вправе называться Дар-Эсилем, успевал пригнуться на тысячную долю секунды раньше, чем отравленный дротик врезался в стену в том месте, где только что была его голова. Ни один Дар-Эсиль никогда не был отравлен, ни один Дар-Эсиль не был зарезан в переулках нехорошей части Хаяроса, ни одного Дар-Эсиля не приносили с охоты с резаной раной в боку, полученной в странных обстоятельствах (хищные звери на Аккалате так же, как и на других планетах, холодным оружием не пользовались). Подобные несчастные случаи имели обыкновение происходить с врагами Дар-Эсилей, на что и отец, и дед, и прапрапра... дед нынешнего лорд-канцлера печально качали головой и приговаривали: «Ну вот, видите...» или «Бывает...». Нынешний лорд-канцлер предпочитал «Бывает...»

классификатора сообщали и об альцецо – происходящей два раза в год линьке – смене пера, научно выражаясь, – обязательной для всех даров мужского пола на планете.

Так и надо. Если бы Сид сам писал этот чертов классификатор, он так бы и поступил. Констатировал факт. Не писать же о том, каким беспомощным ты становишься в это время, как болит и ломит все тело, как не слушаются тебя руки и ноги, как то жарко, то холодно тебе и страшно, и хочется орать в голос, и ты жалок и не красив, и мучительно боишься всех – любого присутствия, любого приближения, потому что не можешь ответить ударом на удар, не можешь, обводя кистевым движением вокруг себя меч, подняться в воздух и... ты просто лежишь плашмя, ожидая кинжала под ребра или веревки на шею от того, кто хочет стать следующим лорд-канцлером или прибрать к рукам твой замок в Эсильских болотах, или просто ты ему не нравишься, потому что на каком-то ничего не значащем турнире припер его к стенке и врезал в лоб рукоятью меча вместо того, чтобы убить (был дурак, исправлюсь). И единственный, кого ты подпускаешь к себе в эти дни, это твой лучший друг, который, когда вам было по двенадцать, тоже припер тебя к стенке – он ведь неизмеримо лучше в бою – и врезал рукоятью меча под дых, а потом подхватил за плечи, отволоч куда-то в сторону и бросил на лавку. Потом, фирменно-нахально по-хьелльски наклонив голову, постоял перед Королевой: «Виноват, Ваше Величество. Нет, правил турнира не читал. Никогда не читаю. Смертельные поединки? Правда? Я его потом убью, чес-слово. Могу два раза. Убираться с глаз? Слушшшаюсь...» и через несколько секунд, фирменно-тревожно по-хьелльски наклонившись над тобой, загоразивая от всего мира, отер рукой в черной перчатке твою морду, залитую кровью: «Ты че на меня полез? Дураааак, дурааак, я сильнее. Я всех сильнее здесь сейчас, не лезь больше, дурааак, я обещал ей тебя убить. Не лезь больше». Перчатку ты ему тогда не прокусил. Позже.

Итак, мой дорогой лорд-канцлер, никто не виноват в том, что, пока ты будешь расшаркиваться в дипломатических реверансах и ужом вертеться на сковородке, улаживая потенциальный межпланетный конфликт, твой лучший друг будет валяться на грязной, засыпанной обломками перьев постели, спиной вверх. Спиной с нелепо распластанными облезлыми крыльями. Незащищенной, неприкрытой спиной. Впервые за двадцать лет. *Почти впервые. Ты не знаешь, что было на Анакоросе. Он так тебе и не рассказал.*

Прижимать лоб к лезвию меча, чтобы охладить расплавленные мозги, не лучшая идея. Впрочем, Сид Дар-Эсиль уже давно не был уверен в том, что жизнь аккалабатского дара сама по себе идея лучшая. Он только отметил краешком сознания, что, чтобы вытащить мечи из столешницы, сегодня потребовалось небольшое усилие. Обычно он интуитивно вгонял их ровно настолько, чтобы потом извлечь без труда. «Это еще не плохо, Сид, но уже очень нехорошо», – подведя таким образом итог своим размышлениям, двадцатишестилетний лорд-канцлер Аккалабатской Империи – оставшейся в результате эффективного правления здравствующей королевы единственным государством на планете – стянул со спины и закатал в походную стяжку орад, расправил и тщательно оглядел свои черные с едва намеченным по краю рулевых перьев темно-фиолетовым узором крылья и запрыгнул на широкий подоконник. Идти пешком во дворец он сегодня не намерен: слишком много времени для новых размышлений, пропади все пропадом.

Антон Брусилов, лейтенант десанта

Что может быть самым приятным в момент пробуждения? Большую часть своей жизни Тон знал ответ на этот вопрос и ни за какие блага, земные и небесные, не согласился бы его изменить (вообще говоря, Тон привык соглашаться со многим и принимать изменения, не претендуя ни на какие блага взамен, но не в этом случае). Самым приятным в момент пробуждения было точно знать, где ты находишься. Легкое потрескивание за стенами и непрерывное характерное гудение двигателей свидетельствовали, что в данное конкретное утро командир отряда особого реагирования лейтенант десанта Антон Брусилов проснулся на борту межпла-

нетного корабля, в своей каюте. Корабль при этом находился в нормальном полетном режиме, а каюта была положенной в его положении (Тон внутренне передернулся при этом слове) каютой, а не грузовым трюмом, где он мог бы находиться, выполняя диверсионную операцию, или пыточным отсеком, где ему бы пришлось проснуться в случае провала задания на ситийском или хортуланском крейсере. Другие варианты даже с самим собой обсуждать не хотелось. Тон потянулся и вскочил с постели.

Оставшиеся сутки пути до места назначения придется провести, гоня ребят по первое число. Ведь на Аккалабате (если он имеет хоть какое-то представление об Аккалабате, а он имеет) им даже из корабля не дадут носа высунуть. А вот если их посадят на Локсии... Тридцать человек десантников с опытом ведения боевых действий, и вооруженных не только штатными парализаторами. У аккалабатских лордов не должно быть никаких шансов, если проблему не удастся решить дипломатическими усилиями и он и его ребята получают приказ.

Вот только бы лучше дипломаты постарались. Потому что у локсиан тоже были не только парализаторы и их было далеко не тридцать человек, но за два с половиной года аккалабы, подчинив себе всю территорию планеты, дошли до столицы Локсии и... остановились, заставив локсиан задуматься, чего они ждут, в ужасе содрогнуться и броситься в объятия Звездного совета с хорошо продуманным воплем: «Спасите!»

Совету заняться в тот момент было нечем, ордена, повешенные на грудь за эффективное решение «проблемы Дилайны», бодро позвякивали, и решение об отправке «дипломатической миссии с военным обеспечением» (так называлось запланированное предприятие на языке официального крючкотворства) было принято незамедлительно. Настолько незамедлительно, что при комплектовании «военного обеспечения» какая-то неопытная штабная сволочь не удосужилась заглянуть дальше открытых для общего доступа файлов спецназовца, назначенного командиром отряда поддержки. Не заметил штабной дальтоник небольшой фиолетовой полоски на уголке личного дела. Или заметил, но не пожелал копаться. Его же торопили сверху: быстро, быстро, давай кандидатуру, формируй отряд... и чтобы завтра (а лучше сегодня, а еще лучше вчера – так все делается в Совете) они уже были на космодроме.

И вот три дня назад они были на космодроме, а сегодня утром он просыпается в каюте на борту корабля, входящего в пограничную зону сектора Дилайна – Аккалабат – Локсия. И никто до сих пор не дернулся, никто не обратил внимания на то, кого они послали обеспечивать боевой поддержкой дипломатические усилия миссии на Аккалабате.

Тон застегнул последнюю молнию на комбинезоне: «Завтрак, наверное, уже подан. Пора идти жевать Ваш королевский бутерброд... командир».

Олег Краснов, руководитель миссии

Вопреки устоявшемуся в кулуарах Звездного совета мнению, Олег Краснов не считал себя плейбоем. Что бы там ни говорили, он видел себя в будущем действительным членом вышеупомянутого Совета, полностью соответствующим высокому статусу – внутренне («Я, представитель Земли в Звездном совете, Олег Краснов, своим именем накладываю вето на военное разрешение конфликта между X и Y», – на репетицию этой фразы у него уходило ежедневно не менее десяти минут рабочего времени) и внешне (уж он-то не будет приходить на заседания в легком летнем костюме, как Гетман, в потрепанной юкате, как Такуда, или в греческом развевающимся хитоне, как Лисс – Краснов собирался таскать положенную струящуюся мантию и в зной, и в холод).

Некоторая плейбоистость тем не менее была необходимой в его статусе сегодняшнем – выпускника Дипломатической академии, личного (хотя и не единственного) стажера самого Гетмана, блестящего дипломата Земли с безукоризненным послужным списком, советника Звездного совета (единственным, что смущало его в этом почетном звании, была корявая тавтология) и в настоящий момент – одного из руководителей миротворческой миссии на Аккала-

бат. Первой (заглавные буквы, полужирный шрифт, двойное подчеркивание) миссии на Аккалабат. Более того, назначение соруководителем миссии официально уравнивало его с Мымро-Лиссой, которая, по глубокому убеждению Краснова, прервала свой долгий мораторий на межпланетные перелеты (гнать, гнать надо за такую саморасслабуху из Совета!) и отправилась на Аккалабат исключительно загипнотизированная буквосочетанием «МЦ» (медиевальная цивилизация) в классификаторе.

Мымро-Лисса, как презрительно характеризовал ее Краснов, или тетушка Лисс, как называли ее между собой многочисленные практиканты Звездного совета, всегда плотной толпой окружавшие это чудо небытия-в-этом-мире, интересовалась исключительно древними рукописями, орнаментами, подсвечниками, катапультами и способами изготовления ветхих пыльных хламид, в которых ходили предки нынешних техномедийных цивилизаций за тысячи лет до ее рождения. Каким образом существо подобного рода просочилось в Совет, с успехом там заседало и единогласно переизбиралось на очередной срок, – эта задачка была неподвластна уму Краснова. И стала еще неподвластней, когда, роясь в мымро-лиссьем досье при подготовке к экспедиции на Аккалабат (он всегда полагал, что в лицо, то есть со спины, нужно знать не только врагов, но и друзей), Олег обнаружил три замечательных факта.

Во-первых, Лисс была, как бы поаккуратнее выразиться, ксенофобка. И в школе, и в академии ее оценки по обязательному предмету «ксенотолерантность» были вопиюще низки на фоне всех прочих. Грубо говоря, с таким отношением к разумным существам, обладающим щупальцами, защечными мешками, украшенными ядовитыми шипами по периметру, «хоботовидными отростками между тремя левыми фасеточными видеоманипуляторами» и прочими аксессуарам, отличающими их от нормального с земной точки зрения гуманоида, Лисс должны были не просто даже близко не подпускать к Звездному совету, но и ни-ку-да и ни-ког-да не выпускать с планеты Земля. Тем не менее, оба «должны были не» тетушкиным досье явно опровергались.

Вторым поразившим Олега фактом был факт совершенной неорганизованности и абсурдности тетушкиной жизнедеятельности. Для начала он обратил внимание на то, что Лисс – по имиджу и по сути своей круглая отличница (в старомодных очках на противном курносом носу!) – постоянно куда-то исчезала во время учебного и рабочего процесса. Не предоставляя объяснений и отчетов. Или она отбывала и... не прибывала. Или прибывала... но ничем не могла подтвердить факт отбытия. Возьмем хотя бы конференцию по межпланетной коммуникации на Хоммутьяре четыре года назад. По всем имеющимся данным, Лисс там была (к досье прилагался видеоролик с ее выступлением и фотографии с дружеского чаепития, где она нежно обнималась с каким-то инопланетным антропологом – десять щупалец с ядовитыми шипами по периметру некоего органа, функцию которого Краснов затруднился определить). В то же время, по всем имеющимся данным, Лисс там не было, так как ровно в момент проведения конференции эта оголтелая любительница старины руководила практикой студенческой группы на Мхатме (видеоролик, на котором тетушка в ярко-голубой соломенной шляпе с залихватски загнутыми полями бодро скакала по руинам в сопровождении внимающих ей студентов, естественно, прилагался, равно как и датированные фотографии и отчеты участников поездки).

Новый штрих к образу чертовой Лисс добавил третий факт: будучи членом Звездного совета – высшего органа конфедерации, включавшей ни много ни мало сотню цивилизаций, Лисс не раз голосовала за непопулярные решения и накладывала вето на, казалось бы, очевидные.³ «Элиза, вы дура», – пропел Краснов голосом профессора Хиггинса, просматривая

³ Такой выпендрег и неслияние с коллективом обычно не проходили даром: высокоупорядоченные хоммутьяры и несурзные, но юридически грамотные ребята с Галлинаго, вместе составлявшие в Совете фракцию, равную по численности земной, не выносили неединогласных решений и при перевыборах, сплотив ряды, устраивали обструкцию членам Совета, особо отличившимся наличием собственного мнения. В результате никому из всем вечно недовольных и голосующих поперек тече-

файлы голосований. (Совет всегда голосовал в открытую – один из недостатков в его работе, от которых он, Краснов, обязательно избавится, когда станет действительным членом). Однако белобрысой гусыне все сходило с рук: к ее вето прислушивались.

Лишь один раз за восемь лет сидения тетушки в Совете его члены пошли на использование весьма неприятной процедуры «вето на вето», которая лишала ее исполнителей права радикально вмешиваться в ход голосования на последующие двенадцать месяцев. Это показалось Краснову расточительным, тем более, что ситуация была донельзя ясная: ретроградка и консерваторша Лисс заступалась за очередную спятившую МЦ, оборзевшая аристократия которой учинила планомерное истребление низших классов и геноцид не себе подобных. Члены Совета проявили неслыханную твердость, заткнули Лисс рот и поручили космофлоту и вооруженным силам ближайшей к нарушителям прав человека техномедийной планеты «разобраться». Оборзевшая аристократия зверски сопротивлялась, применив какие-то нетрадиционные средства массового поражения и даже сравняв с землей пару-тройку инопланетных посольств, включая земное, но в конце концов была вырезана под корень. Власть перешла в руки демократически настроенных классов, справедливость восторжествовала. Благодарности были высказаны и приняты. Но Лисс продолжала заседать в Совете и через полгода после описанного случая была переизбрана на очередной срок. Единогласно.

А в остальном все с ней было ясно. Настолько ясно, что Краснов решил не усугублять полученные из объективных источников знания личными беседами по душам. Пользуясь тем, что мырра была человек неутренний, а сам Олег, несмотря на свою пресловутую плейбоистость, вставал рано (что бы ни было вчера – рано, ибо в здоровом теле, как известно, здоровые возможности для дальнейшего карьерного роста), руководитель Первой Дипломатической Миссии на Аккалабат постарался завершить завтрак в столовой, предназначенной для командного состава, до появления соруководительницы. Тем более, что еще один повод быстренько допить кофе и удалиться в свою каюту на совещание с доступными электронными базами данных как раз нарисовался в дверном проеме, небрежно кивнул и направился к стойке с чистыми тарелками.

И как только при такой массе тела этим наемникам удастся двигаться настолько тихо и плавно? Он же выше Краснова, шире в плечах, плюс мышцы, плюс на нем, наверно, живого места нет, одни швы и штифты из лаксармита вместо костей. Ладно, парень, жуй свой завтрак, а мы пока посмотрим, что у нас про тебя (хочется надеяться, что и на тебя) есть. Краснов поздоровался не сразу и сквозь зубы, словно сомневаясь, что командир отряда «боевой поддержки» имеет право находиться в столовой для командного состава, бросил грязную посуду в утилизатор и вышел.

Алиссия Ковальская, действительный член Звездного совета

Утром Лисс не человек. Это знали все – ученики, коллеги, члены Звездного совета. Даже Такуда с его полным отсутствием такта и двенадцатичасовой разницей во времени соображал, что разбудить Лисс раньше часу дня – преступление, чреватое наказанием. Наказания варьировались. В лучшем случае она могла забыть привезти ему с очередной планеты образец холодного оружия, которое он любовно коллекционировал. В худшем – сказаться больной или занятой, и тогда Совету ничего не оставалось делать, как отправить на Мхатму по просьбе ее законного императора, владевшего гордым титулом Носитель эбриллитового венца, для присутствия при попытке вражеского шпиона (МЦ, а вы что думали?) действительного члена Такуду, поскольку, кроме Лисс, он единственный, кто может присутствовать на подобном мероприя-

ния представителей далекого и супертехнологичного Делихона не удавалось удержаться в составе Звездного совета на второй срок. Хоммутяры и галлинаго наглядно демонстрировали, что отсутствие рук и вообще сколь-нибудь убедительных конечностей не может быть помехой при голосовании. Делихоны обижались, присылали нового представителя, и через два года все повторялось сначала.

тии, а потом спать спокойно (*спокойно?*). Но одиннадцать часов утра на межпланетном крейсере, даже если им командует твой старый приятель, – это слишком даже для Лисс.

Лисс пригладила волосы пятерней, без интереса посмотрела на губную помаду (все равно сейчас булки есть, кофе пить – смоемся) и потопала кормиться. По крайней мере, Краснов уже должен был очистить от себя помещение. Лисс не любила Краснова. Работать вместе с человеком, полностью лишенным того, что Лисс называла гуманитарным сознанием, ей было, по меньшей мере, неприятно. Но увидеть наконец Аккалатат... Даже в составе дипломатической миссии с военным прикрытием. Представления Лисс о том, во что амбициозный советник первого ранга Краснов постарается превратить эту миссию, были вполне четкими. Как и представления о том, что нужно сделать, чтобы его старания пропали втуне, а цель посольства была выполнена. Будет ли она это делать – вот в чем вопрос. Лисс не любила не только вставать рано утром, она не любила бороться. Сражаться, спорить – со своими ли, с чужими – все равно. «Есть два пути к простому человеческому согласию, – любила говорить Лисс, – Человеческое согласие и... хорошо наведенный скорчер в уверенной руке».

Уверенная рука подхватила стакан с соком, уже спланировавший с подноса, который замечтавшаяся Лисс наклонила слишком сильно, и аккуратно водворила его на стол. Лисс краем глаза зарегистрировала наличие вышеуказанной руки в окружающем пространстве, краем сознания одобрила уместность жеста, улыбнулась руке краешком губ, расположила поднос на самом краю стола, уселась по своему обыкновению на край крайнего стула и со вздохом девяностолетнего камнетеса сказала-спросила: «Спасибо. Доброе утро. А вы кто?..»

Можно было и не спрашивать. Рост под два метра, щедро расписанные татуировками от плеч до запястий руки, форменный комбез защитной раскраски с отстегнутыми рукавами... Гладко выбритый череп, аккуратно заштопанный шрам под правым глазом. Не наш, не землянин: слишком уж белая кожа, слишком яркие глаза. Не так смотрит, не так дышит, двигается, пахнет... а как? Одно Лисс могла сказать точно: на планете, с которой за какие-то грехи, и грехи серьезные, судя по нашивке особого спецназовского подразделения на рукаве, попал в военное обеспечение Совета этот парень, она была. Образы, возникавшие на мозговой подкорке, были неразборчивыми, но не только зрительными... Лисс смутно ощущала полузабытые запахи, слышала приглушённые звуки чужой речи, испытывала тягучее чувство знакомой, чуть отличающейся от земной, гравитации и организации пространства. Такие волны ощущений генерировали только собственные воспоминания, а не сухие строчки справочников и дистиллированные кадры видеохроник и учебных фильмов. Волны воспоминаний, однако, оказались весьма неподатливыми: при попытке погрузиться глубже и определиться все-таки поточнее сомкнулись и вытолкнули Лисс на поверхность. Она растерянно заморгала глазами, щурясь на широкоплечую фигуру, расположившуюся напротив.

– Утро доброе. Я командую вашим военным прикрытием. Меня Антон зовут. Если нужно, могу представиться по уставу, – спокойно, но с подтекстом примерно следующего содержания: «Я командую. Вашим прикрытием. И командовал. Не вашим. Много раз. Если у вас есть вопросы и пожелания, то изложите их в письменном виде, распечатайте в трех экземплярах через два интервала и направьте в Звездный совет. А еще лучше – засуньте себе в...»

– Да нет. Я не разбираюсь в званиях и родах войск. Мне в сущности все равно, – спокойно и без подтекста, потому что то, что у других в подтексте, она привыкла озвучивать. Так ей проще: – Я Лисс. Действительный член Звездного совета от Земли. Сорководитель миссии.

И ответ на незаданный вопрос:

– Антон, если ты будешь хорошо командовать, то в твои дела я лезть не стану. Но если мне нужно будет что-то тебе приказать, я это сделаю. И ты выполнишь, хотя я не разбираюсь не только в званиях и родах войск.

Улыбнулся, умный мальчик. Много умнее, чем попадают обычно на таких миссиях. Хотя экскурсия в его владения все же не помешает. Просто чтобы быть в курсе. И он чтобы был в курсе...

– Можешь дотянуться до кофейника, чтобы мне не вставать?

Какие мы грациозные! Не вериец, не аппанец, не... я не буду сейчас перебирать все тридцать планет, где я была за эти годы, тем более, что из них три четверти МЦ, а этот парень (сколько ему? двадцать с небольшим? под тридцать?) командует высоко технически оснащенным военным формированием. Значит, у него выше среднего по рукопашному бою, гораздо выше среднего по огнестрельному и прочим видам поражающего оружия, много выше среднего по техническим средствам обеспечения военных действий... (программа аттестации военных при Звездном совете автоматически прокручивалась у нее в голове)... колоссально выше среднего по ментальным техникам и сколько угодно, хоть ниже плинтуса, по холодному оружию. Холодное оружие, согласно последним учениям наших тактиков и стратегов из Академии, тебе не нужно. Если ты умеешь убивать быка ударом кулака и парализовать взглядом рефлексы противника, на кой тебе нужны сабля, ятаган, кунай и малая саперная лопатка? Просто чтобы потрафить зануде и консерваторше Лисс, которая утверждает все программы обучения и аттестации, проходящие через Совет? Кабинетные тактики и стратеги в академии могли *полагать* так, но пара-тройка суровых вояк из Совета с перечеркнутыми шрамами лицами, спинами, щупальцами и манипуляторами *знали* по-другому.

Зануда и консерваторша потянулась чашкой поближе к кофейнику...

– Поставьте на стол, пожалуйста. Я на весу не наливаю.

Это сработало. Кликнуло на какую-то невидимую клавишу в ее памяти. Поставив чашку на стол и задумчиво наблюдая, как в нее падает струя дымящейся ароматной жидкости, Лисс перелистывала список планет, на которых «не наливают на весу». Хотя «перелистывала» – это было сильно сказано. В ее мысленном реестре цивилизаций, отмеченных этой на удивление редкой культурной мелочью, значились только три: Земля, Аппа и... только не говорите мне, что у нас в штабе работают ТАКИЕ идиоты! Волны разомкнулись, и Лисс почувствовала, что она тонет.

– Ммм... мадам, я уже налил. Что-то не так?

Ой, все не так, парень. И ты это знаешь. И ты согласился на эту миссию. А я очень хочу знать, почему; и не дай бог, мои предположения окажутся правильными. Словом...

– Знаешь, мальчик, тетушке из Совета совершенно нечем заняться сегодня утром. Так что я решила... (*паузу и как можно беззаботнее*) осмотреть твоих бойцов... солдат... эээ... воинов, да? Ну там, как они тренируются, в какой боевой форме... Надеюсь, возражений нет?

Последний раз, подумала Лисс, у меня было такое идиотское лицо, когда на Мхатме я выцганивала у рыночного торговца статуэтку местной богини (II век эпохи Мгхары, эбриллит без примесей, аукционная стоимость... страшно даже представить), которую он считал ничемной безделушкой, как и всё в своей лавке. Последний раз это у меня получилось. Надеюсь, что не в последний раз.

Выпучив глаза и задрав брови (не чрезмерно, как раз для бездельничающей интеллектуалки бальзаковского возраста, имеющей возможность бесплатно полюбоваться накачанными ребятами в спецназовских безрукавках), Лисс радостно уставилась в ослепительно яркие зеленые глаза, стараясь ни за что (ни в коем случае!) не опустить взгляд на орудующие вилкой и ножом руки, на запястьях которых змеилась традиционная татуировка десанта Звездного совета.

Глава II. Всем хочется, чтобы это закончилось

Антон Брусилов, лейтенант десанта

Твою мать! Десять раз, двадцать раз твою мать! Значит, самое приятное в момент пробуждения у тебя что? Знать, где ты находишься? И надолго тебе этого знания хватило? Ровно на пятнадцать минут: умыться, одеться, проверить, что парни проснулись и завтракают, отдать короткие ежедневные распоряжения, отправиться завтракать самому... и понять, что где ты находишься сейчас и где будешь находиться завтра, это большой вопрос, Тон, очень большой вопрос. Потому что крашенная блондинка с расфокусированным «я-с-вами-но-я-не-здесь» взглядом, вкравшаяся в широко открытую дверь (ну скажите, чего ради нормальный человек, особенно если он «представитель командного состава», будет входить в собственную столовую с таким видом, будто он ни в коем случае не имеет права здесь находиться?), ухитрившаяся с полупустого подноса уронить (почти) стакан с соком и вообще не способная представлять для такого человека, как ты, никакой опасности, не смотрит на твои руки. Она старательно на них не смотрит, на запястья, покрытые такой замысловатой татуировкой, что взгляд любого собеседника в первые же минуты притягивается к ним неотрывно. Не смотрит не из вежливости, а сознательно так не смотрит, потому что... знает что там? Под татуировками?

Ты, что, не мог просто тупо взять кофейник и лить, куда сказано? в тебе, как всегда, в самый неподходящий момент проснулось воспитание? Дать ей этим кофейником по башке, и дело в стороне. Ага, себе дай, умник. Убийство члена Звездного совета во время выполнения миссии. Вплети себе фиолетовую ленточку в челку и строй невинность.

Нет, теперь уже у меня нет никаких возражений. Вы можете идти куда хотите, мадам, и смотреть на моих ребят сколько влезет. Можете даже переспать с ними со всеми, только времени не хватит до прилета. Можете сами влезть на перекладину или на какой тренажер и там свернуть себе шею. Только посмотрите на мои руки. Нормально посмотрите, как мужики смотрят – с опасливым уважением, как девки смотрят – плотоядно облизываясь, как мальчишки – с восхищением и завистью (еще бы – лейтенант космического десанта) или как этот урод Краснов – с презрительной усмешкой (сдохнешь, лейтенант, сдохнешь, а я себе карьеру сделаю – из таких, как ты... на таких, как ты). Посмотри на мои руки. Потому что я хочу знать, где мы находимся.

Хьелль Дар-Халем, маршал Аккалабата

Отличие от рассудительного и предусмотрительного Сида, Хьелль Дар-Халем никогда не следил за датой начала линьки. Просто не заморачивался. Легкое покалывание в плечах, потягивание в несущей поверхности крыльев, ночной озноб, заставлявший проснуться в непонятной тревоге – ему хватало этих симптомов. Чтобы подготовиться. Подписать и раздать приказы, обеспечить тылы и прикрыть фланги. Запереться в родовом замке и запретить пускать кого-либо, кроме лорд-канцлера.

* * *

Он помнил это, как будто вчера, хотя прошло уже двадцать лет. Его отец и отец Сида, верховный лорд Дар-Эсиль, вернувшиеся с охоты в каком-то странном настроении, бросающие на него, шестилетнего, испытующие взгляды... В ответ на вопрос, почему Сид не взял с собой, напряженное:

– Он плохо себя чувствует.

Хьелль одеревенел, ноги как-то сразу перестали слушаться. Шесть лет – это уже достаточный возраст, чтобы знать: дары почти не болеют, но если они заболевают, то обычно для того, чтобы умереть. Планета и гены многих поколений сделали свое дело: стабильность популяции и зачистка слабых особей. Но шестилетнему мальчишке не было дела до стабильности популяции. Его лучший и единственный друг не пришел, потому что не смог, потому что заболел... Так почему же отец Сида как ни в чем не бывало отправился охотиться? А теперь сидит

здесь с его собственным отцом у камина с бокалом тяжелого хрусталя в руке и разглядывает сквозь этот хрусталь его, Хьелля? Будто Хьелль виноват в том, что Сид заболел. Будто он сам больной или заразный. Хьелль смотрит на своего отца – сначала робко, потом требовательно: он требует объяснений. Но отец отводит взгляд и, не глядя ни на сына, ни на сидящего напротив в кресле лорда Дар-Эсиля, бормочет:

– Им уже по шесть лет.

Лорд Дар-Эсиль молчит, тянет мутную жидкость из прозрачного хрусталя, и лорду Дар-Халему ничего не остается, как начать снова:

– Я понимаю, что мы принимаем решение за них. Но лучше не ждать, когда они это сделают сами. Нам с тобой пришлось ждать слишком долго. *Давай хотя бы попробуем.*

Лорд Дар-Эсиль продолжает молчать, но уже не пьет. А Хьелль, про которого все забыли, на какой-то минуте этого напряженного молчания, пропитавшего, как ему кажется, уже и портьеры, и ковры, и стены старого замка, вдруг вскакивает со своего места у отцовских ног и кричит – отчаянно, словно от громкого этого крика Сид может выздороветь:

– Прекратите! Перестаньте немедленно! Сидеть здесь! Давайте поедим к нему! Полетим! Я хочу его увидеть! Я должен знать, что с ним!

Не скрытые плащом, крылья на его спине смешно топорщатся, отбрасывая причудливую тень на стене. Лорд Дар-Эсиль следит за ней взглядом как замороженный, потом резко встает, скидывает орад и подходит к открытому окну, в котором за еще мерцающим в сумерках извилистым течением реки и громадой застывшего леса видны сигнальные огни замка Эселей. Дар-Эсиль вскакивает на подоконник и оборачивается к отцу и сыну Халемам, застывшим у камина:

– Ну?

Как всегда, холодящий душу полет – над рекой, над лесом, над синими полями Эсиля – и приземление в парадном дворе замка. Окна – помимо обыкновения – затворены. Мрачная прислуга с факелами переговаривается шепотом. Тейо Тургун, вечный оруженосец и телохранитель верховного дара, что-то шепчет ему на ухо. Тот упрямо трясет головой и, жестом приглашая за собой Хьелля, проходит вглубь помещений. Тургун шарахается от него, как от чумного, и во главе прислуги следует за ним на некотором отдалении. Хьеллю страшно. Он не хочет, чтобы Сид умирал. Он не хочет идти сейчас по каменным коридорам замка, который на сотни лет старше родовой твердыни Дар-Халемов. Он не хочет знать какую-то нехорошую правду, которую он только что потребовал, чтобы ему рассказали. Ему шесть лет, и ему хочется, чтобы неизвестность поскорее закончилась.

Сид Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

Мне хочется, чтобы это мучение поскорее закончилось.

Лорд-канцлер стоит в почтительной позе возле трона Ее Величества, зажав под мышкой проект мирного договора с Локсией, полученный им «по своим каналам». Тот самый проект, который завтра привезут с собой земляне и станут уговаривать подписать. Старейшим дарам, призванным для обсуждения политической ситуации, не надоест распинаться еще часа полтора, не меньше. Придется потерпеть. Потом старики отправятся ужинать и плести очередные придворные интриги, а ему еще предстоит проверять состояние так называемого космодрома. Землянам повезло, что у их кораблей антигравитационные подушки и им не надо «садиться» в полном смысле этого слова. «Страшно представить, что было бы, если б на наши руины плюхнулся тяжелый ситийский крейсер», – устало думает Сид. На самом деле, ему не страшно. Ему все равно.

Он один из немногих (таких на Аккалабате можно пересчитать по пальцам, и это не преувеличение), кто на задрипанном «космодроме» не только встречал, но и улетал. Его детские путешествия к королевской крови пятиюродным сестрам были предметом зависти менее при-

ближенных к трону сверстников. «И заруби себе на носу, Сид, они не гадкие заносчивые девчонки, а благородные *деле*, перед которыми мы со всей своей родословной, – грязь из канавы!» – рычит старший Дар-Эсиль, запихивая сына в неприветливый люк звездолета, прилетевшего забрать «мальчиков» для шлифования их манер и полезного знакомства с дальними родственниками. Какой смысл знакомиться и играть с девчонками, ни одну из которых тебе, «грязи из канавы», никогда не отдадут в жены, Сид Дар-Эсиль не понимал с четырехлетнего возраста. Он не хочет вспоминать про эти путешествия, но виной тому не детская обида. То, что казалось незыблемым и разбилось, как хрупкое стекло, не стоит воспоминаний.

Сид не позволяет трубному гласу очередного старейшего дара, просящего слова, отвлечь себя от размышлений. В стрельчатом окне плывут облака. Сегодня витражные рамы открыты: старики предпочитают традиционный способ прибытия во дворец. А может быть, им просто тяжело ходить: ноги стареют быстрее, чем крылья.

Лорд-канцлер незаметно, почти не меняя позы, поправляет под мышкой проект договора. Расположенный Чахи-знает-за-сколько световых лет от тронного зала Хаяроса Звездный совет существует для того, чтобы портить ему жизнь. Как четырнадцать лет назад, как десять лет назад.

* * *

– С возвращением, – старший лорд Дар-Эсиль не считает нужным разомкнуть руки, скрепленные под хлопающими на ветру полами орада, чтобы поприветствовать сына. Шаг вперед он тоже не делает, продолжая стоять посреди выложенного неровными шестиугольными плитами пространства, пока Сид спускается по трапу и преодолевает разделяющее их расстояние.

– Охаде! – младший Дар-Эсиль салютует коротким мечом, еще секунду назад дремавшим в подвесе на правом боку, и снова вгоняет его в ножны. Отец еле заметно морщится. Утонченные царедворцы, Дар-Эсили не любят армейских словечек и ритуалов. Щеголять военными манерами – удел даров попроще, таких, как Халемы. Но сегодня традиционное приветствие младшего старшему простительно: ребенок хочет показать, что не забыл, кто он, после всех этих лет вдали от дома.

Старший дар еще раз повторяет: «С возвращением», – поворачивается и идет к выходу с посадочной площадки. Слова и знаки благодарности экипажу с Делихона, забросившему на Аккалабат по дороге домой с Когнаты наследника одного из древнейших родов Империи, передадут и без него. По его поручению. Лорд Дар-Эсиль – правая рука королевы и пользуется всеми привилегиями, которые дает это положение. Однако, как бы велики ни были эти привилегии, возможность отправить сына на Когнату стоила могущественному дару нескольких новых морщин – по одной за каждую бессонную ночь, которую он провел, убеждая королеву и старейших даров, что пришло время, когда даже уединенный Аккалабат будет чувствовать себя неуютно без современной дипломатии.

Он чувствует, что шагающий за спиной сын беспокойно осматривается, словно не хочет уходить с космодрома, и, не замедляя темпа, бросает через плечо: «Он не придет. Не спрашивай, почему». За спиной носок сапога спотыкается о край вывороченной из земли плиты, Сид ругается сквозь зубы. По крайней мере, старшему дару кажется, что ругается: слова на языке Конфедерации звучат отрывисто и грубо.

Вечером в замке торжественный прием для самого узкого круга. Глава рода Дар-Эсилей не афиширует возвращение сына, но втайне гордится им. Сид в новом темно-лиловом ораде, неубранная паутина волос серебрится на плечах, в руке – впервые за несколько лет – бокал, играющий хрустальными гранями. Он почтительно кланяется старшим, отвечает, скромно опуская игольчатые ресницы, сам задает вежливые вопросы, изящно наклоняется к руке деле,

прибывших вместе со своими дарами засвидетельствовать уважение Дар-Эсилям в связи с возвращением наследника.

Когда ректор военного корпуса Дар-Пассер, непревзойденный в искусстве воздушного боя, живая легенда Аккалабата, с трудом поднимается с кресла, волоча израненную ногу, Сид уже здесь, он помогает великому старцу дойти до распахнутой балконной двери и еле сдерживает вздох восхищения, когда тот – почти беспомощный на земле калека – мощными взмахами крыльев взвивается в воздух и, делая прощальный взмах рукой – Охаде! – исчезает за деревьями. Отбытие Дар-Пассера – знак всем гостям. Дары клана Эселей, прощаясь, хлопают Сиду по спине или по плечу, зовут в гости и на охоту, велят заглянуть, когда будет в столице. Прекрасные деле просто улыбаются и провожают глазами. В семье подрастает хороший мальчик, и надо отдать должное старшему Дар-Эсилью, все колени протершему у королевского трона: дипломатическая академия, пусть даже на какой-то Когнате, придает лоску. Младший Дар-Эсиль неутомимо любезен, несомненно умен и ненавязчиво обаятелен, особенно когда, принимая комплименты, он слегка склоняет голову набок и улыбается.

Когда последние гости взмывают вверх с мощенного черно-белой плиткой балкона, Сид ощутимо трясет. Вне себя от ярости он поворачивается к отцу и, уже не сдерживаясь, орет: «Почему?!!» Старший Дар-Эсиль недоуменно поднимает брови:

– Извини?

– Где. Этот. Сукин сын? – Сид выдавливает из себя этот вопрос, стоя спиной к балкону, распахнутому в сторону реки, за которой светятся, словно в насмешку, высокие окна Халема. Но отцу и так прекрасно ясно, о ком идет речь. Он взвешивает варианты, рассчитывает, сколько продержится, если решит играть в непонимание. В конце концов это его сын... И в конце концов не на все в мире наплевать лорд-канцлеру Аккалабатской Империи. И, может быть, потому, что отец на самом деле рад возвращению Сиды, или потому, что он не вполне трезв, или потому, что он, самый влиятельный дар Аккалабата, просто свихнется в один прекрасный момент со своими внутренними заговорами и внешними договорами, если не будет регулярно напиваться в компании Дар-Халема старшего...

– Только я тебя прошу обойтись без этого плебейского «Охаде!» – светло-серый орад летит на пол, и лорд-канцлер Империи, по-мальчишески разбежавшись с середины комнаты, перепрыгивает через балконные перила, чтобы из свободного падения развернуть крылья...

– Ияя! Лови меня, па! – манер в воздухе у Сиды как не было, так и нет. Полное пренебрежение безопасностью полетов. Четыре движущиеся плоскости черно-фиолетовых перьев, чудом не задевая друг друга, преодолевают сопротивление туманных спиралей, прогибаются, рефлекторно выбирая угол атаки на встречный воздушный поток. Светящиеся окна Дар-Халема приближаются с каждым взмахом крыльев.

Олег Краснов, руководитель миссии

Уже пять минут Краснов тупо пялился в монитор. По спине у него крупными градинами катился пот, ногти бессознательно царапали край стола, а глаза уже в который раз (двадцатый? сороковой?) перечитывали одни и те же слова на равнодушно мерцающем экране.

Какие идиоты! Какие идиоты могли нас так подставить? Что это – приобретенная за долгие годы мира во всем мире безалаберность сотрудников штаба? Или это целенаправленная, злонамеренная акция, нацеленная против Звездного совета, против Земли, против него, Краснова, лично?

Нет, началось все очень даже пристойно. Личное дело лейтенанта особого подразделения спецназа Звездного совета Антона Брусилова представляло собой обычное личное дело наемного убийцы высочайшей квалификации. Почти напротив каждой миссии стояло «выполнено успешно», цифры понесенных под командованием сержанта, а затем лейтенанта Брусилова потерь были минимальны. Черные галочки, обозначающие проваленное задание, встречались

исключительно редко. Единственное, что было непонятно, это, почему такой блестящий солдат торчит в специальном подразделении ака батальон чрезвычайного назначения, или «чрезвычайка», изредка отвлекаясь на одиночные миссии, когда по всем показателям место ему в академии. Но ведь не зря ж здесь фиолетовая ленточка в уголке прибилась...

Краснов повысил уровень допуска (чтобы просматривать дела с фиолетовой ленточкой требовалось ввести личный код советника первого ранга), вывел на экран первую страницу... и похолодел. Вместо простых русских имени и фамилии, наверху странички значился кодовый номер, а в графе «Место рождения» вместо банального «Волгоград, Россия, Земля» стояло одно слово:

«Дилайна».

Алиссия Ковальская, действительный член Звездного совета

Экскурсия в ту часть корабля, которую можно было бы охарактеризовать как казарму, совмещенную с тренажерным залом, обещала быть интересной и познавательной. Поколебавшись между имиджами дурочки-снегурочки и непреклонного инспектора Синий Чулок, Лисс не сочла ни один из них подходящим и просто молча следовала за провожатым, привычно натываясь на предметы, спотыкаясь обо все попадающиеся на пути пороги и радуясь, что свойственная ей погруженность в себя помогает скрыть от спутника истеричную работу мозга и органов чувств.

Конечно, спецназовцы Совета пользовались особыми средствами, скрывающими запах тела, конечно, все они передвигались с характерной опасной грацией хищного зверя, готового к нападению. Но все же... глядя в широкую спину сопровождающего, которая по законам дипломатической миссии с военным обеспечением должна была служить ей надежным прикрытием в самых экстраординарных ситуациях, Лисс испытывала странное ощущение узнавания и незнания, уверенности и безнадежности... и необходимости в следующий раз провести ночь за компьютером, изучая личные дела участников экспедиции, а не в десятый раз перечитывая скудные архивные, туристические и агентурные данные о месте назначения. Дался мне этот Аккалабат! Кой черт понес меня на эту галеру!

– Вот, собственно, и наша часть корабля, – зеленые глаза смотрят в упор, не мигая. Хозяин их стоит вполоборота, медля нажать на переключатель, открывающий дверь в помещение. Одним плечом облакачивается на стену коридора, рука упирается в противоположную стену чуть выше ее макушки. Лисс моментально врывается в нее головой и смущенно останавливается, глядя в пол.

Он несколько секунд изучает ее скептическим взглядом, потом наконец хмурится, отворачивается, нажимает кнопку и, пока слайд-дверь неторопливо отъезжает в сторону, она различает его бормотание (под нос, но несомненно, чтобы она слышала: лейтенант слишком опытен, чтобы было по-другому): «Приставить, что ль, к тебе специально пару ребят... Споткнется и шею сломает, дурища. А мне отвечать». Эту мысль в разных вариантах Лисс слышит уже шесть лет, с тех пор как вообще возникла необходимость ее охранять, поэтому никак не реагирует, а сосредотачивается на преодолении трех ступенек вниз.

Вычислительная машина в голове, наконец, замирает, закончив просчитывать варианты, сопоставлять признаки, и Лисс осознает, что они уже на месте – в тренажерном зале, а она еще не решила, зачем сюда пришла: смотреть шоу или шоу показывать.

– Всем все бросить и строиться? Или Вы способны и так удовлетворить свое любопытство? – на этот вопрос она изображает неопределенный жест рукой. Мол, делай, как знаешь, мальчик, делай, как знаешь. А я хочу знать, что ты будешь делать.

Хьелль Дар-Халем, маршал Аккалабата

Им была нужна эта война с Локсией. Ему лично была нужна эта война. Не эта, так какая-нибудь другая. Любой повод махать мечами, нападать и защищать, быть мужчинами. Пока они нужны королеве как мужчины, как воины, у них есть шанс, что им не нужно будет... Это проходят в школе. Это ясно как день и элементарно как формула воды.

Глава III. Дары и деле

Население Аккалабата, как любая другая разумная раса во Вселенной, сформировалось в результате многовекового естественного отбора, который природа ведет из материала, поставляемого ей человеком. Когда-то появились на Аккалабате и построили себе неприступные каменные замки на травянистых холмах и вершинах скалистых гор суровые бледнокожие воины – *дары*, несущие тяжелые широкие мечи и легкие размашистые крылья, со своими детьми и прекрасными женщинами, которых они называли *деле*.

На каменистых берегах Эль-Эсиля, прорезающего Аккалабат с юга на север, поднялись стены Хаяроса – столицы королевства даров, в центре города встал дворец Дар-Аккала, а в парадном зале дворца на троне сел король. Короли сменялись королевами, тенистые сады Хангафагона вознесли свои кроны вокруг дворца, и многие поколения даров танцевали и смеялись, наносили оскорбления и бросали вызовы, скрещивали мечи и свивали руки и крылья в объятиях под раскидистыми кронами темнолистых чалов.

От смешанных браков с исконным населением Аккалабата – *итано* – родилось новое сословие крылатых – *тейо*, присягнувшее на верность дарам и получившее от них право строить такие же замки, носить такие же мечи и умирать без страха и упрека по первому приказу правящей монархини. Королевские чалы тянули к небу морщинистые ветви, роняли семена в неблагоприятную почву, в замках праздновали рождение новых даров и деле и с почетом хоронили стариков. Дары стали чувствовать себя на Аккалабате не гостями, а хозяевами.

Но всякому гостеприимству приходит конец. Значительная удаленность планеты даже от ближайших соседей и малочисленность исходной популяции даров не могли не привести к генетической катастрофе. Пока поколения рождались и умирали, все еще было терпимо, но они начали *вымирать* – из-за обилия внутрисемейных браков, из-за дефектов развития, вызванных скудостью генофонда.

Главным и самым опасным генетическим дефектом оказалась исключительная подверженность женщин целому ряду заболеваний, приводивших к неспособности вынашивать детей, истощению организма и резкому падению продолжительности жизни.

Мужчины Аккалабата, даже сражаясь и погибая в постоянных клановых войнах – за лучший кусок земли, свободный от ядовитых испарений болот, за единственную на тысячу километров каменоломню, дававшую не мягкий известняк, а крепкий умбрен, годный для строительства замков – жили дольше и лучше справлялись с болезнями, чем их деле, изможденные неудачными родами, захлебывающиеся в приступах удушливого кашля, страдающие от хрупкости костей и от неизлечимых кожных язв. В мирное время кланы Аккалабата нуждались в женщинах, которые могли бы производить на свет будущих воинов. Во время военных столкновений каждый воин был на счету, а женщины – слабые и болезненные – оказывались ненужным балластом.

Кроме того, в результате какого-то сбоя в экосистеме, природные условия Аккалабата, которые и раньше нельзя было назвать благоприятными, резко изменились в худшую сторону. Трудно сказать, было ли причиной осушение полей, вызванное необходимостью прокормить не только самих крестьян, но и владетельных лордов, или бесцеремонное проникновение в сердце гор – за металлами для мечей, камнем для строительства замков, самоцветами для благородных деле, или не вынесли непокоя многовековые чащи, в которые уходил зверь, вспугнутый охотничьими кликами даров, но пришел момент, когда дары и тейо заметили, что даже в мир-

ное время рождений в их замках празднуется меньше, чем совершается похоронных обрядов. Ядовитые туманы поднялись с болот, призрачные тени спустились с гор, лорды Аккалабата затворились в своих замках. Опустели сады Хангафагона, все реже призывали вассалов королевы сигнальные флаги Хаяроса.

И тогда рассерженный Аккалабат вновь сменил гнев на милость: планета предложила своим названным детям единственный выход, который сначала показался им тупиком. Рождение девочек в семьях аккалабатских даров прекратилось.

Вначале Империю охватила паника. Но вслед за пугающими вестями о том, что в очередном замке умерла последняя деле, в столицу, в королевский дворец, затянутый траурными стягами, к погруженной в отчаяние королеве, для которой, как и для минимального числа женщин королевской семьи, были созданы в столице тепличные условия, позволявшие им доживать до 25, а иногда и до 30 лет, стали стекаться другие сообщения.

В то время шла война на юге. Глава древнейшего и благороднейшего рода лорд Корвус Дар-Эсиль командовал войсками Ее Величества. Пехота итано месила грязь, легкая конница тейо совершала диверсионные вылазки в тыл мятежников, элитный легион даров наносил сокрушительные и победоносные удары по врагу. Маршал Дар-Эсиль строчил депеши королеве и запивал очередной военный успех крепким эгребским вином, доставка которого на передовую была оговорена им заранее и организована со всей знаменитой предусмотрительностью Дар-Эсилей, помноженной на благородное нежелание терпеть походные неудобства. Начальник штаба и друг детства верховного главнокомандующего, лорд Дар-Акила гарцевал на тонконогом жеребце, носился демоном Чахи над строем на бреющем полете с непотребными ругательствами или истощным улюлюканьем, выкрикивал приказы. Так же, как и маршал, колот и рубил с плеча, жил в свое удовольствие, пленных не брал. В общем, кампания близилась к закономерному завершению, последний оплот мятежников был окружен (мышь не проскочит!) по всем правилам осадного искусства, генетические проблемы волновали придворные умы где-то страшно далеко от палаточного лагеря, а весенний вечер был свеж и нежен...

Маршалу Ее Величества было двадцать два, начальнику штаба – двадцать один. Отсутствие деле ощущалось ими как походное неудобство, женщины итано – как безусловное табу, а детская дружба всего лишь как проявление предусмотрительности. Поэтому когда на следующее утро, проснувшись в одной кровати со своим другом детства и отведя рукой в сторону его крыло, чтобы дружески чмокнуть того в спинку, Дар-Эсиль ощутил, что крыло само по себе, а спина сама по себе, он сдавленно захрипел и зажмурил глаза с намерением никогда больше в течение ближайших пяти минут не возвращаться в этот мир, столь ужасно устроенный и полный разочарований. Но изворотливый и предусмотрительный мозг продолжал работать по подсказке не желающего терпеть неудобства тела.

Воспользовавшись тем, что Дар-Акила не подавал пока никаких признаков жизни, маршал выбрался из постели и, в чем был, уселся за походный письменный стол. Через несколько минут, уже одетый, он отдавал стоящей у входа охране приказ как зеницу ока стеречь находящегося в палатке начальника штаба, оказавшегося внезапно шпионом и предателем, при этом внутрь не заходить и не заглядывать под страхом смертной казни. В течение следующих пяти дней вялотекущей осады в палатку входил только сам Дар-Эсиль, оставался там подолгу, вынес один раз какой-то тюк окровавленных тряпок (охрана сразу догадалась, что маршал сам подружески пытается Дар-Акилу). На шестой день был отдан приказ к штурму, к вечеру на развалинах вражеской крепости пылали костры аккалабов, а ночью маршал Дар-Эсиль отбыл в столицу, чтобы «ни одна сволочь не успела доложить Ее Величеству о победе раньше, чем он». Однако, несмотря на спешку, маршал все же нашел время заехать в родовой замок и провести там некоторое время, оставив часть свиты и лошадей.

Известие о долгожданной победе несколько подняло настроение королевы на фоне преобладающих печальных новостей, и Ее Величество даже не сразу впала в ярость, когда Дар-

Эсиль, вручив ей акт о капитуляции и вражеские знамена, снова опустился на одно колено и попросил разрешения сочетаться браком с прекрасной деле, с которой его давно связывают нежные отношения. В зале воцарилось недоуменное молчание. Дар-Эсили никогда не отличались чувством юмора, поэтому принять заявление маршала за идиотскую шутку было труднее, чем предположить, что это следствие помутнения рассудка, вызванное тяжелым ранением в голову. Сама идея, что, находясь в течение трех месяцев исключительно на полях сражений, маршал получил в свое распоряжение то, чего днем с огнем не могли сыскать придворные дары, казалась абсурдной. Но череп Дар-Эсиля под копной серебристых волос выглядел целым, голос звучал твердо, и никаких признаков тихого помешательства высокородный дар не выказывал. Так что королева не нашла ничего лучше, чем спросить голосом, каким обычно разговаривают с больными:

– Ммм... а скажите, сиятельный дар, Вы уверены?

– В чем? – поинтересовался по-прежнему склоненный у трона Дар-Эсиль. – В том, что я хочу сочетаться браком? В том, что у нас с моей избранницей нежные отношения? Или в том, что она – деле?

Королева вдохнула с шумом, не подобающим деле королевской крови:

– Во всем этом сразу, мой лорд.

– У вас есть какие-то сомнения, Ваше Величество, что я могу отличить деле от дара? Или от женщины итано? – в голосе маршала зазвучали ядовитые нотки.

– Вы три месяца были вдали от столицы. Наверное, слухи о том, сколько деле мы потеряли за это время, не доходили до действующей армии, – печально проговорила королева, уже овладев собой. – Не говорите мне, лорд, что шутите так жестоко.

– Ваше Величество, это не только не шутка, и более того – не жестокая. Это мой подарок Вам, властительнице Аккалбата, стоящий десятка таких знамен, которые я только что положил к Вашим ногам. И если мне будет позволена аудиенция наедине...

Королева была не только озабоченной судьбой своих поданных властительницей, но и женщиной, скупаемой любопытством. И аудиенция в самом надежном и защищенном от чужих ушей покое дворца была немедленно предоставлена Дар-Эсилью. Длилась она ровно десять минут, после чего к королеве срочно были вызваны старейшие дары. Трое из них вылетели из кабинета Ее Величества как ошпаренные спустя полчаса после начала собрания, и до самой смерти ни один из них так и не подал руки лорду Дар-Эсилью. Остальные просидели за закрытыми дверями до рассвета. Только несколько крылатых теней метнулись в холодный туман из занавешенных окон, растворились в сумрачном воздухе по направлению к владениям Дар-Эсильей и вскоре, рассекая зеленую ночь, вернулись обратно.

Утром не успели еще герольды объявить о предстоящем бракосочетании верховного главнокомандующего Аккалбата, а старейшие дары уже стучались в окна своих сыновей. Взматали пыль с широких подоконников их крылья, когда обессиленные они падали в комнаты и шептали на ухо. О том, что теперь есть надежда и у даров Аккалбата будут новые деле. Не все лица освещались радостью при этих известиях, передаваемых торопливым шепотом, некоторые из молодых даров содрогались от отвращения, другие – раздражались крепкими ругательствами и хватались за мечи.

Имя лорда Дар-Эсиля эхом повторялось во всех знатных домах Хаяроса и замках от долины Эсиля до хребтов Умбрена – с завистью, с ненавистью, с презрением, с восхищением, пока спустя месяц он торжественно не въехал в столицу и его деле, не скрытая ни черным капюшоном, ни струящимися вуалями, под которыми прятали свои уродства благородные женщины Аккалбата, не заставила замолчать последние сомнения даров. Она была принята при дворе и доверительно сообщила королеве об ожидающемся прибавлении в семействе ее самого верного вассала. Эта новость, которую венценосная особа обещала держать в строжайшей тайне, в тот же день стала известна далеко за пределами садов Хангафагона. Мечом была переруб-

лена нить судьбы в храме прекрасной Луллулы – первой королевы, пришедшей на Аккалабат с родной планеты даров, жрецы воскурили сухие листья чалов и вознесли моления за здравие, а не за упокой.

Спустя полгода на ежегодном приеме в честь дня рождения королевы уже не меньше десятка лордов представили своих новых леди. Шуршали бархатные платья с широкими рукавами, скрывающими бледные тонкие кисти, и воротниками, беззастенчиво открывающими точеные плечи, переливались пышные волны черных и серебристых волос, в которых сверкали лучшие самоцветы Умбрена, шелестели тихие голоса. Смотрели с любовью и грустью на высоких даров, несущих изогнутые и прямые мечи, задумчивые глаза с поволокой, и плыли по залам дворца дурманящие ароматы садов Ямбрена, отнятые у синих и золотистых циконий, цветущих только в светлые ночи июля. Ибо все органы чувств должны были радовать деле Аккалабата, наполняя своих даров новым желанием жизни. Утонченные и уверенные в себе, стройные, гордые, источающие внутреннюю силу и завораживающе изящные в движениях, эти новые деле не были похожи на прежних спутниц аккалабатских даров и тейо – измученных болезнями, с землистыми лицами и напряженными от попыток держаться прямо спинами.

Впервые за много лет на королевском приеме танцевали. Седовласый мажордом сбился с ног, пытаясь втолковать молодым слугам, в каком порядке подают блюда и наливают вино, если за столом присутствуют не только кавалеры, но и дамы. Начальник королевской охраны, потев от напряжения, судорожно перелистывал извлеченный с верхней полки библиотеки том «Придворного этикета». Пыль с обложки забила ему в нос, отчего он безудержно чихал весь вечер, но благородные пары были пропущены во дворец и отправлены по домам со всей возможной благопристойностью.

И королева вздохнула спокойно. Сексуальная трансформация, открывающая перед дарами новые перспективы, получила название дуэм («вторичная плоть»). Указ, задним числом санкционирующий произошедшее, был подписан на следующий день. Гораздо больше времени заняла разработка Регламента дуэма, которую на протяжении нескольких лет сопровождали слезы и кровь, заказные убийства и то тут, то там вспыхивавшие искры клановых войн. Была даже усилена охрана территории военного корпуса, в котором учились мастерству владения мечом, рукопашному бою, тактике и стратегии юноши из семейств, не преуспевавших в военном искусстве и не имевших потому права с восьми до двенадцати лет держать своих отпрысков в замках.

Но спустя пять лет споры по поводу правила первенства, составлявшего основу Регламента, прекратились, Империя расправила могучие крылья и обратила свой взор на все еще неподвластные ей земли по обе стороны своих владений. Королева официально провозгласила завершение века борьбы за жизнь и начало века завоеваний.

И стало так. И донныне при рождении не знает своей судьбы ни один лорд Аккалабата. Самые разумные из молодых даров предпочитают об этом не задумываться: точить и полировать клинки, скакать на ямбренских породистых жеребцах по извилистым горным тропам или скалистым берегам Эль-Эсила, пролетать редкими ясными ночами над бурлящим Эль-Зимбером, всей кожей впитывая его холодные брызги, убивать и умирать за свои земли, за королеву, сходить с ума от скуки в лагерях, умирять мятежные пограничные замки. Вернувшись в родные стены, сбрасывать перчатки и плащи на руки подросшим слугам, снимать мечи, приказывать ледяного белого с собственных виноградников и неспешно цедить его в каминном зале, перебрасываясь редкими словами с другим высокородным даром, чей замок возвышается в нескольких милях за полосой леса, с другом, с которым сидели за одной партией в корпусе и стерли о крылья и спины друг друга уже не один набор щеток и шпателей для альцеда. Белый туман укрывает подножия равнинных замков, цепкие тени карабкаются по стенам горных твердынь, и хорошо, и в открытый балкон смотрит обеими мутными лунами зеленая ночь Аккалабата.

Но против природы и обязательств перед кланом не пойдешь.

И в какой-то день старший из двух даров отставит бокал на резной деревянный столик, замолчав на середине фразы, и, неотрывно глядя в черные или светло-серые глаза напротив, медленно встанет, зайдет за спину, положит руки на плечи... Потянет на себя, запрокидывая голову – тому, с кем два дня назад вместе стаскивал грязные знамена со стен поверженного города (еще на несколько километров раздвинулись границы Аккалабата) – и вопьется губами в губы. Или неловко прикоснется, лишь намечая желание поцелуя. Второму ничего не остается, кроме как ответить, ведь ты старший дар – старший по крови и по возрасту (пусть хоть на несколько дней) – и у тебя право первого – право каруна. Вы оба знали об этом праве, когда в первый раз в бою прикрывали друг другу спину, когда в первый раз он провел щеткой по твоим спутанным перьям, когда пришла твоя очередь утешать, защищать, гладить по волосам, умиряя тягучую боль. Ты уводишь его в спальню, суетливо раздеваешь (сколько бы тебе ни было лет, но это твой – и его – первый раз)...

На следующий день он не выходит из комнаты, а ты, встав пораньше, отправляешься в тот самый замок за полосой леса. Тыходишь туда, как к себе домой. Тебя и раньше принимали здесь как своего, но теперь как хозяина. Ты объявляешь челяди, что их лорд больше не вернется, а ты намерен посетить их через пару недель вместе со своей деле, которая, несомненно, будет расстроена, если обнаружит какой-то беспорядок. Дворецкий, садовник, оружейник смотрят в землю, шепчутся, но почтительно кланяются тебе и обещают, что постараются, что госпожа будет довольна.

Ты возвращаешься домой вечером, после отчаянной скачки под грохочущим ливнем по бездорожью, через канавы, прорезающие необработанные поля, сквозь ветки прибрежной рощицы, расцарапавшие тебе лицо, через мелкую речушку, разделяющую (вчера разделявшую) два дариата. Или после яростного, бессмысленного полета сквозь сухой, как твои глаза, воздух над истомленной долгим ожиданием дождя землей. Слуги смотрят на тебя с почтением – их господин обзавелся деле. Им не предстоит встречать другого дара с новой госпожой. Детки пойдут, веселые холостяцкие пирушки и тихие вечерние молчания у огня (на двоих, для двоих) сменятся изысканными балами, куда будут съезжаться женатые соседи со своими деле.

Радостные хлопоты захватывают домочадцев. Садовник с утра пораньше заложил под окнами клумбу («На ней будут золотые и розовые циконии, мой господин. Цикония – это цветок счастья. Пусть все у Вас будет хорошо»), а кастелянша успела перетряхнуть все гобелены на нижнем этаже, и управляющий жалуется, что она требует денег на новый обеденный фарфор. Где господин изволит ужинать? У себя или в большой столовой? Да, все, конечно, понимают, что новая деле сегодня не выйдет. Завтрак и обед, изысканно сервированные на подносе у ее дверей, остались нетронутыми.

У господина кровь стучит в ушах, в горле першит от горячего воздуха, отравившего за несколько часов безумного полета все мысли и парализовавшего чувства. Господин чувствует себя почти счастливым, потому что только так – с мертвыми мыслями и застывшими чувствами – он может открыть дверь в свою семейную опочивальню. Новая деле ждет. На свежем белье, почти прижавшись к стене лицом, повернув к тебе неестественно белую и совершенно голую спину. Вдоль торчащих лопаток выделяются черные мазки спекшейся крови. Но лучше смотреть на эту спину, чем на огромный нелепый узел в углу. В нем не только окровавленные простыни.

Теперь все зависит только от них двоих – дара и его новой деле. Если у них получится, то через неделю новая хозяйка замка выйдет в вечернем платье (не забыть заказать в столице!) к ужину, сопровождаемая восхищенными взглядами слуг. Нужно будет обзавестись камеристкой из местных тейо, прекрасная деле пока не умеет укладывать волосы в высокую прическу и красить губы. И снять мечи, украшающие каминный зал, – перенести и запереть их в оружей-

ную: деле не любят оружия. Оно навевает грустные воспоминания. А никто в замке не желает огорчать свою деле.

Когда дар представляет новую деле ко двору, не все бывают довольны. Старейшины клана, в котором стало на одного лорда меньше, отворачиваются и поджимают губы. Маршал Аккалбата может нахмурить брови, недосчитавшись хорошего мечника.

И не стоит поворачиваться спиной к тому, сторбившемуся в углу, мимо кого твоя деле идет не узнавая, не притрагиваясь, хотя каждый сантиметр его спины ей знаком, каждое перо в его крыльях ею ухожено, так же, как твое. Был знаком, было ухожено. Ты успел первый. И тому, другому, хоть он и глядит на тебя как на отвратительное насекомое, придется погасить ненависть во взоре и смириться. Ты поступил как должно, исполнил Регламент и свое предназначение. Но все-таки не стоит поворачиваться к нему спиной...

Думай о хорошем. Одноклассники по военному корпусу одобрительно хлопают тебя по плечу и наперебой приглашают новую деле танцевать. Королева кивает головой молодой паре, и жизнь идет своим чередом.

Глава IV. Все входят в двери

Антон Брусилов, лейтенант десанта

Ему уже давно не было так скучно и так мучительно неудобно.

Неудобно за себя и за своих ребят, и перед своими ребятами.

Чертова баба *действительно* пришла сюда на экскурсию. И ему, скрутив в кулак всю свою волю, сдерживая накопившееся раздражение, пришлось эту экскурсию проводить. На них пялились.

Большинство из парней, конечно, уже бывали на миссиях с гражданскими и с дипломатами, работали с ними на заданиях (найти, спасти, вытащить, вернуть или – найти, допросить, выкрасть, уничтожить) и вообще – не в безвоздушном же пространстве мы живем. Хотя особую группу спецназа, которой он командовал уже не первый год, высшее командование предпочитало держать подальше от гражданского населения.

Огражденные, вынесенные за зону рекомендованного по медико-биологическим параметрам проживания тренировочные лагеря, отдельные госпитали вдали от инфраструктуры, в которых дошли иногда просто потому, что не успел добраться врач, вовремя не доставили сыворотку... а для развлечений, пожалуйста, есть Рипария, есть Кризетос, есть другие субпланеты и искусственные спутники в карантинной зоне. С дешевой выпивкой и доступными девочками, с 4D-кинотеатрами и оборудованными пляжами. «Твои парни это заслужили, лейтенант. Развлекайтесь на всю катушку». И они развлекались. До следующей миссии. На которой обязательно находился кто-то «из руководства», кто спускался в тренировочный отсек «понаблюдать за ходом подготовки» или «проверить состояние боевого духа».

Иногда проверки кончались головойкой, выговорами в личное дело (кто-то из ребят грязно выругался при председателше Торговой палаты Делихона), иногда дряблые дядьки и накрашенные суки из административных органов Звездного совета не скрывали, что спускаются «в народ» за сексуальными партнерами.

Тон хмурился, играл желваками на скулах, но грязная армейская мудрость гласила: «Фиолетовая ленточка крепится не на волосы, а на личное дело, но делает тебя в чем-то бабой». Фиолетовыми ленточками в службе безопасности отмечали дела «особо отличившихся». И Тон пожимал плечами, когда кто-то из его парней уходил на ночь наверх, утром сам волок его в душ, держал минут двадцать то под обжигающей, то под ледяной струей, отпаивал аспирином, давал по морде, если начинался скулеж. Всё. Это было просто и понятно. Либо они нас инспектируют, либо они нас имеют, либо они нас инспектируют и после имеют.

Дамочка тем не менее пришла просто на экскурсию. С выражением участливого интереса рассматривала новую модель защитного жилета, весьма внимательно пронаблюдала за подготовкой огнестрельного и лазерного арсенала, близоруко сощурившись, чуть ли не носом обнюхала парализаторы. Вокруг каждого из парней обошла по три раза, опять же по-собачьи принюхиваясь.

В какой-то момент Тон подумал, что у нее либо аллергия на запах пота, либо он имеет дело с фетишисткой, которую этот запах возбуждает. Красноречивые взгляды сержантов, свидетельствующие об их полном согласии с его точкой зрения на нормальность мадам из Совета, командир проигнорировал. В конце концов, его дело маленькое. Пока они не сядут на Аккалабате. Если, конечно, им дадут там сесть...

Так, об этом сейчас не думаем. Целеустремленно сопровождаем даму. Ей осталось всего только тир и... не попретса же она в личные комнаты?

– А можно я постреляю... из чего-нибудь?

Вопрос застал его врасплох. Насколько вообще можно заставить врасплох профессионального солдата его уровня. Подавив раздраженный вздох, Тон приглашающе махнул рукой в сторону тира.

– Разумеется. Из чего вы хотите *пострелять*?

Интонация последнего слова была однозначной. Дамочка, однако, не обиделась, а устремила на Тона безоблачный взор, который он упаднически охарактеризовал как «впервые в космосе, и мне здесь интересно».

– Ну, вот это, например.

Рука ее опустилась на приклад компактного скорчера – быстрозаряжающаяся многозарядная модель, стандартный класс. Такие находятся на вооружении у регулярных частей Совета уже лет десять. Ну, конечно, она его видела, наверное даже, ей уже давали *пострелять*. Дама хочет блеснуть. Пусть блещет. *Или блистает?* Тон поднял оружие, привычно передернул затвор и протянул его члену Совета. *Или членище?* Голова после «экскурсии» решительно отказывалась ему служить. Хотя минимально все же работала: он не снял скорчер с предохранителя, предоставив дамочке самой разбираться с этим.

Она задумчиво взяла оружие одной рукой, провела пальцем по стволу и прошествовала к контрольной стойке. До последнего момента ожесточенно лупившие по движущимся целям бойцы остановились, не позволив себе даже недоуменного взгляда на появившийся в их поле зрения объект женского пола.

– Ребят, отставить пока. Госпожа член Звездного совета пострелять желают. Не путайтесь под ногами.

Ироничная натура Тона все же взяла верх над напускной вежливостью. Спецназовцы дружно нажали на переключатели режима стрельбы, щедро украшавшие стойки, хаотично движущиеся мишени затихли, дымовая завеса (режим номер 5с – «Сезон засухи на Галлинаго») спала, боковой ветер (модуляция режима 4/4П – «Ситийская пустыня») прекратился. Оба сержанта каменными изваяниями замерли за спиной.

Тон на мгновение расслабился. А чертова баба угрюмо доковыляла до стойки и вместо того, чтобы, как это делает любой нормальный вышестоящий чин, в кои-то веки дорвавшийся до реального оружия, тупо начать палить в пространство, тыкнула пальцем в одну из кнопок настройки. Свет в тире погас.

Алиссия Ковальская, действительный член Звездного совета

Тридцать человек: семеро с Верии, шесть землян, по трое делихонов и аппанцев, остальные с малых планет. Сто сорок четыре раза проверенные службой безопасности, все – с безукоризненным послужным списком и черт знает чем в прошлой жизни, но какое это имеет значение, если они верят своему командиру как Святому Писанию.

Так, об этом сейчас не думать. Изобразить полномочного представителя дурдома на выезде – Звездного совета на инспекции.

В тире было хорошо. Лисс действительно уже давно не была ни в тире, ни на стрельбище (недели три, не меньше) и соскучилась по характерному щелканью переключателей на контрольных консолях, по особому озонированному воздуху, по ощущению собственной компетентности, очевидной сразу, а не после того, как тебя неделю мурьжат коллеги по Звездному совету за твое очередное вето, а потом ты оказываешься права: не надо было нам лезть на ту Руганду (действительно, вожди племен прекрасно разобрались между собой).

Мальчик не снял скорчер с предохранителя. Это хорошо, он действительно профессионал. Если бы он, видя ее первый раз в жизни, протянул ей снятый с предохранителя ствол, даже стоя на расстоянии захвата, даже зная, что она член Звездного совета и руководитель миссии, это было бы плохо. Она бы не стала спать ночью в посольстве, зная, что ее охраняет *такой* спецназ. Она вообще плохо спит ночами в посольствах с некоторых пор.

Кстати, о ночи. Пожалуй, все-таки пришло время принять более активное участие в шоу. Ночь – это хорошо, это правильно, ночью темно. Дети боятся темноты. Кнопка ТТ – «Тотальная Тьма» на военном жаргоне – находится в левом нижнем углу стандартной консоли. Лисс не надо смотреть на поверхность стойки, чтобы попасть в нее пальцем.

Какие там были последние настройки у этих ребят: движущаяся мишень, дым, боковой переменный ветер? Не отпуская ТТ, дотянуться мизинцем до ВВ – «вернуть ввод» – проще простого.

Оценка по «ксенотолерантности» была у Лисс всегда самой низкой, на фоне всех остальных. *Всех* обязательных и факультативных, включая «боевую стрельбу на поражение», которую ей преподавал сам Гетман. Индивидуальные уроки после занятий. После того как полностью лишённая координации, концентрации, близорукая на оба глаза белобрысая первокурсница, быстренько выбила 98 из 100, впервые оказавшись на стрельбище во время спортивного университетского праздника. На всех студентов, кто изъявил тогда желание попробовать и набрал больше 50, сразу же попыталась наложить лапу Академия косслужбы, суля манну небесную в клубничном сиропе. «98 из 100» представители Академии окучивали в индивидуальном порядке. Лисс от блестящей карьеры отказалась: желтые страницы старых манускриптов на пыльных полках притягивали ее куда больше, чем желтые зрачки звезд над головой. Гетман не стал уговаривать, но...

А лейтенант, действительно, отличный профессионал. Судя по тому, что она закончила стрелять и не почувствовала холодка между лопаток или в основании черепа, какой бывает, когда тебе к спине или затылку приставляют ствол. Он сдержался сам и удержал других, хотя черт знает, что он там подумал, когда нелепая тетка из Звездного совета вырубил свет, держа в руках скорчер А4-87. Сейчас нужно проверить мишени (пустая формальность, но обязательно входит в шоу) и, пока спецназовцы будут отходить от шока, попросить тот усовершенствованный парализатор. *Лейтенант – отличный профессионал, и это очень плохо, если он летит на Аккалабат за тем, о чем я сейчас думаю.*

На соседней консоли щелкнул выключатель. Зажегся свет. Лисс на мгновение зажмурилась, потом скосила взгляд влево и задохнулась от неожиданности, встретив выражение самого восхитительного, самого разъяренного бешенства во Вселенной. Зеленые глаза, мечущие молнии, сжатые зубы, раздувающиеся ноздри...

– Вы... вы...

– Я. Ты же сам разрешил пострелять.

Мишени подъехали не просто вовремя. Очень вовремя. Хотя ты уже все понял, мальчик. Да, я успела снять скорчер с предохранителя и выпустить всю обойму примерно за то же время, за которое это в среднем делают твои ребята. Да, все эти дырки в мишенях тебе не мерещатся, они находятся именно там, где они есть, где они должны быть. Но я не буду тебе мешать спо-

койно в этом убедиться. Я рядом «пешком постою», пока ты, присев на корточки, будешь разглядывать, проводить, не веря, рукой, прищурившись, прикидывать... Я не буду тебе мешать, потому что, чем скорее ты поймешь, что я не собираюсь тихо спать в посольстве ночью, тем целее мы будем. И ты, и я.

Антон Брусилов, лейтенант десанта

Да за кого она меня держит? Стаканы у нее с подноса падают, видите ли. Обо все пороги споткнулись, в дверной проем вписаться не можем...

Бросив беглый взгляд на электрическое табло, где несколько мгновений назад высветилось будоражаще-красное трехзначное число (уровень «А» по земному рейтингу, мастер оружия по верийскому рейтингу, четвертая звезда в военной иерархии Аппы – напомните мне, если я что-то забыл), не обращая внимание на нервно сглотнувших сержантов, лейтенант спецназа Антон Брусилов аккуратно водил пальцами по киберплексовым мишеням.

Киберплекс использовался для изготовления мишеней только в профессиональных тирах: киберплексовые щиты непредсказуемо изменяли форму и угол наклона при каждом попадании. Относительно непредсказуемо, конечно. Никакими рефлексами эти изменения не брались, только голой интуицией, способностью в каждый предыдущий момент знать, что произойдет в следующий.

У натыкающейся на предметы тетки из Звездного совета не могло быть ни таких рефлексов, ни такой интуиции. Тем не менее они у нее были, равно как и неплохой боевой опыт: она наблюдала за тренировкой ребят минуты две-три от силы и успела просчитать направление и силу ветра и динамику дымового потока. Потрясающее, редкостное сродство с оружием, годы неустанных, хорошо продуманных опытным учителем тренировок... и боевой опыт. Откуда у нее боевой опыт, черт возьми?

Поставив диагноз, Тон расслабил плечи и поднялся с колен. Нельзя сказать, что молча ждать объяснений было не в его характере. Как раз в его характере это и было. Но в этот раз он изменил своему обыкновению:

– 360 баллов. 40 снято за неравномерную интенсивность. Если бы вас атаковали по...

– Знаю, – отмахнулась она. – Представляю, какое бы тут поднялось веселье, начни я активно перемещаться с этой штукой. А с места я не умею – слишком шикарно было бы... для кабинетной дурочки из Звездного совета.

Он не поддержал предложенный шуточный тон:

– Для кабинетной умницы из Звездного совета это и так слишком шикарно. Вы должны знать, что в мои непосредственные обязанности входит не только демонстрация силы в случае, если вы не договоритесь с аккалабами дипломатическими средствами, но и защита вас – членов миссии. Для выполнения этой последней задачи я должен иметь точное представление о способности каждого моего подопечного позаботиться о себе... если что. Вы меня понимаете.

Тон не спрашивал, он утверждал, не отводя взгляда от ее лица, принявшего при первых же его словах выражение отчужденной враждебности. Тем не менее, уловив предназначенную для ее реакции паузу, Лисс кивнула.

– Продолжаю. При том минимальном уровне доступа к вашим личным данным, который отдел безопасности считает нужным мне предоставить... (Он не смог сдержать горькой усмешки: даже за этот уровень информации о членах миссий каждый раз приходилось сражаться.) ...я садился на этот корабль, зная, что под нашей охраной делегация из восьми человек, уровень боеспособности каждого из них приближается к нулю, и – черт возьми – это было более... комфортно, чем обнаружить, что у меня за спиной каждую минуту будет находиться человек, стреляющий из скорчера на уровне верийского мастера оружия.

– Комфортно? – она вопросительно подняла бровь.

– Да. Комфортно. Естественно. Целесообразно. Нормально. Выбирайте, что вам больше нравится. И если вам нравится безопасность, мадам, я хочу объяснений.

– Например?

– Где?

– Где? – усталое недоумение на (*симпатичном?* – *Тон, о чем ты думаешь?*) женском лице.

– Где? Кто? Как? И когда? Учил вас стрелять. Пользоваться оружием. Что вы умеете. Насколько хорошо. Чего вы не умеете. As simple as that.

И конечно, портативный передатчик на ее руке запищал на его последнем слове.

Алиссия Ковальская, действительный член Звездного совета

Краснов. Хочет срочно ее видеть. Узнав, где она находится, впал в форменную истерию. Ах, у них же тактика переговоров! Стратегия поведения! Сбалансированные цели и задачи миссии! И все это срочно требует обсуждения. Бегу и падаю.

– Интервью придется отложить, лейтенант. Чтобы тебе не было совсем грустно, докладываю: усовершенствованный парализатор, который ты мне показывал, я сегодня видела в первый раз... Дашь его мне в руки – и я совершенно беспомощна. Как ребенок, – с этим сомнительным утверждением Лисс заложила руки в карманы. Спецназовцы, во главе с командиром, сопровождали ее к выходу. Молча.

В слайд-дверь на этот раз ей удалось вписаться почти безошибочно.

– Увидимся, воин.

В конце коридора Лисс оглянулась. Инстинктивно, не услышав звука закрывающейся слайд-двери. Антон стоял в проеме, как и раньше, опершись спиной о дверную раму. И смотрел ей вслед с выражением, которое, она была не уверена, что ей нравится.

Сид Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

– Поднять руку, тупо согнуть ее в локте и три раза ударить кулаком в дверь. Это называется стучаться, – лорд-канцлер Империи отрывается от двадцать восьмой статьи трехстороннего договора «Конфедерация – Локсия – Аккалабат», в которую он только начал вносить изменения, и грозно смотрит в направлении широко распахнутой двери.

– И тебе вечер добрый.

Главнокомандующий Аккалабата никогда не стучит в двери. «Не хотите меня видеть – запритесь», – глубокомысленно заявляет Хьелль Дар-Халем всем недовольным. Желающих спорить, как правило, не находится.

– У тебя послезавтра...

– Знаю. Уже сороковой раз в жизни. Переживаемо, – лорд Дар-Халем, перегнувшись через стол, вылавливает в углу комнаты старую медную лейку и начинает сосредоточенно поливать цветы на подоконнике.

– У нас завтра...

– Знаю. Первый раз в истории. Ты с ними справишься. Обманешь, охмуришь и обведешь вокруг пальца. В худшем случае отравишь, – Хьелль стоит спиной к лорд-канцлеру и обрывает с растений на пол сухие листья.

– Хьелль, я на тебя сержусь.

Резкий поворот на сто восемьдесят, взгляд в упор.

– Я на тебя тоже. Кто первый?

– Хьелль, ты вчера собирал Генеральный штаб. Под лозунгом «обсуждения тактики и стратегии военных Аккалабата в свете предстоящих дипломатических переговоров»... – читает Сид по мелко исписанному листочку, неизвестно откуда вдруг оказавшемуся у него в ладони.

– Так тебе доносят твои шпионы? – прерывает его маршал, делая угрожающее движение рукой.

– Да, так мне доносят мои шпионы. Потому что без них я вообще бы ничего не знал о том, что вчера происходило. Ты не удосужился не только поставить меня в известность, ты даже не запросил никаких материалов ни по составу миссии, ни по ее задачам, ни по тем дипломатическим целям, которые мы ставим в связи...

– Сид, заткнись.

Глаза лорд-канцлера округляются:

– Извини, что?

– Заткнись, пожалуйста. Потому что я тоже вообще ничего не знаю о том, что происходит, кроме того, что ты паникуешь. Паникуешь и скрытничаешь.

Сид открывает рот, чтобы возразить. Хьелль поднимает руки ладонями вверх, останавливая.

– Это ненормально, Сид. Чтобы ни происходило, какая бы очередная дипломатическая миссия ни сваливалась нам на голову, у тебя всегда за неделю до ее прибытия был готов план, с полностью расписанными ролями для всех и каждого, вся информация о том, кто, что, где, когда и зачем. Ты обычно носишься с этими бумажками как с писаной торбой, раздаешь указания направо и налево... в результате – все довольны, у нас налаженные дипломатические отношения с несколькими десятками планет, при этом ни одна из них не суется сюда со своими посольствами. Твои подчиненные летают несколько раз в год на Когнату, благодаря чему мы знаем все обо всех. Информация же об Аккалабате в классификаторе и астронете ни на йоту не увеличилась за последние годы. Твоими стараниями. Мы перешли на систему мер Конфедерации, чтобы пользоваться их кораблями, и никому ничего не должны. Это чудеса твоей дипломатии. Мне продолжать?

Сид, отвернувшись к окну, делает вялый жест рукой, означающий «как тебе угодно». Свиток с проектом договора снова лежит у него на коленях. Всем своим видом лорд-канцлер демонстрирует желание поскорее закончить разговор и вернуться к работе.

– Сид, ты хоть представляешь, в каком состоянии я явился проводить этот... консилиум? Ты голым меня туда отправил! Без штанов. Без единой бумажки с цифрами, именами, данными! Хочешь уверить меня, что на вчерашний день у тебя не было ничего, с чем я мог прийти на заседание Генерального штаба? Никаких документов, прикидок, планов? Я два раза заходил к тебе, ты даже дверь не открыл!

Лорд Дар-Эсиль медленно поднимает голову от лежащего перед ним свитка, смотрит в окно на где-то там за плотными облаками заходящее солнце.

– А у меня, Хьелль... у меня и сегодня ничего нет, – вялым голосом сообщает он. И продолжает смотреть в окно.

Лорд Дар-Халем подходит вплотную к столу и ставит на него лейку, которую до сих пор крутил в руках. Вид у лейки жалкий, бока помяты, носик изогнут на сторону. Сид откидывается на стуле, дотягивается рукой до лейки, рассматривает ее и резким махом запускает в мусорную корзину:

– Вот так у нас всегда. Один ломает, второй чинит, – задумчиво продолжает он. – Папка с агентурными данными вон, на столе. Рядом – межгосударственная переписка, дипломатические бумаги... состав миссии, официально заявленные цели... наслаждайся. Потом я с удовольствием тебя выслушаю. Особенно если у тебя есть какие-нибудь предположения, почему (Сид говорит все громче и громче и в этом месте, наконец, срывается на крик)... Почему, Чахи меня заberi, они начали крушить Дилайну??!

Рука Хьелля застывает. Потом тяжело опускается на папку с агентурными данными.

– Причем. Здесь. Дилайна? – нарочито медленно спрашивает он.

Сид уже не может остановиться. Напряжение, сдерживаемое с того самого момента, как он узнал о предстоящем прибытии послов Конфедерации, выплескивается наружу.

– Оооо... конечно! Дилайна здесь ни при чем! Если не считать того, что нота, направленная нам, почти слово в слово повторяет ту, с которой началось вторжение на Дилайну!

– У них такие бумажки, наверное, генерирует компьютер. Автоматически. Вписывается только название планеты.

– Поздравляю тебя, маршал. Ты дошел первый по всей Вселенной. Автоматическая генерация военных переворотов. Выделите нужную, точнее ненужную, меченосную монархию и нажмите «Enter», – Сид явно перебарщивает с иронией, но Хьелль решает пока не обращать внимания.

– Ты когда компьютер-то последний раз видел, лорд-канцлер? Десять лет назад на Когнате?

– Ошибаешься, дорогой. Я, в отличие от тебя, летал на Локсию не только мечом махать.

– Но и шпионить. стыдно, высокородный дар.

Сид делает неприличный жест.

– Фу, как грубо. И это... – Хьелль на секунду замолкает, как бы подыскивая слово. – Это беспринципное хамло – главный вершитель нашей внешней и внутренней политики. Чего хочет от нас Конфедерация?! Бедные мы, бедные!

В притворном отчаянии он всплескивает руками.

– Хьелль, – голос у лорд-канцлера едкий, как кислота, которой обрабатывают клинки в умбрениских кузнях. – Я безумно рад, что мой лучший друг наконец удосужился заметить... Я – главный вершитель нашей политики. Сижу, знаешь, здесь – вершу. И ни одна живая душа в мире не может мне помочь.

– Чем тебе помочь? – вопрос звучит совершенно серьезно.

– Ну, например, помоги мне понять, чем мы можем не понравиться Звездному совету. Манерой одеваться? Крыльями? Архитектурным стилем?

– Подожди. Насколько я знаю, миссия Конфедерации летит сюда с конкретной целью: попросить, уговорить, вынудить нас оставить в покое Локсию. Твой режим питания и предпочтения в одежде их мало волнуют. Все, что тебе надо решить, это будешь ты с ними торговаться или нет. Я подозреваю, что не будешь, потому что нам от них ничего не надо. Помуржишь их с неделю, потом дипломатичненько дашь от ворот поворот: «Никуда не уйдем, будем воевать с Локсией до одурения. Очень нам нравится скрежет наших мечей об их секиры... и парализаторы».

– И земляне начнут бомбить Хаярос.

– С какой стати? – Хьелль чувствует, что никак не может свести концы с концами, нащупать мысль, которая так тревожит Сида.

– Ну, мы же сказали «нет».

– Это не повод. Они внесли предложение, мы его не приняли.

– Отлично. Вот мы и снова вернулись к Дилайне. Там, как ты помнишь, десять лет назад Конфедерация, явившись, как снег на голову, внесла предложение об отречении королевы и введении парламентского правления. Королева и лорды отказали. Внезапно начались народные волнения, о которых раньше и слыхом не слыхивали. У восставшего народа обнаружилось неведомое доселе чувство собственного достоинства и желание перемен, не говоря уже о многозарядных скорчерах и лазерных пушках. Очевидно, склепанных в амбаре из телег и сенокосилок. Наши дальние родственнички, лорды Дилайны, разумеется, тоже были не лыком шиты и разнесли восставший народ по кочкам вместе с его так неожиданно материализовавшимися средствами дистанционного поражения. Все. На этом, с моей средневеково-феодальной точки зрения, данный сценарий должен был завершиться. Однако Конфедерация продолжила... генерировать. Ты меня слушаешь?

– Да, слушаю. И даже, кажется, начал понимать.

– Тогда я выхожу на новый уровень обобщения, – подмигнул лорд Дар-Эсиль и, не обращая внимания на Хьелля, простонавшего: «Никогда в жизни, даже если у меня будет такая возможность, не отправлю своих детей в дипломатическую академию на Когнату!», продолжил:

– Реши задачку. На планете Д в результате столкновения двух сил – Л и Н – победила сила Л. Планета Д с Аккалабатов практически не общается за неимением космического транспорта, находится от него жутко далеко и вообще Аккалабату плохо понятна. Населена какими-то извращенцами и злобными тварями. Ничего полезного для Аккалабата не производит, не продает и вообще дать не может. Как реагирует Аккалабат на результат конфликта Л и Н?

– Ну, примерно как Умбреньские горы на падение лепестка в садах Хангафагона.

– Ответ правильный.

Некоторое время лорд-канцлер и верховный главнокомандующий сидят в молчании. Сид чешет рукой спину, задумчиво тербит ленточку, которой прихвачен роскошный хвост белых волос, с силой стягивает ее, облегченно встряхивает головой.

– Конфедерация, как ты знаешь, прореагировала по-другому. И теперь я мучаюсь вопросом, Хьелль: либо они настолько отличаются от нас, что движущие силы и мотивы их поступков нам непонятны, либо какое-то из условий нашей задачи не выполняется? Например, конфедераты нашли на Дилайне нечто полезное, какой-нибудь редкий элемент, настолько редкий, что, позабыв про все на свете, кинулись на завоевание территории.

– Не вяжется, Сид. Они не завоевывали территорию. Просто уничтожили лордов и все, что было с ними связано, и ушли. Там даже посольств конфедеративных сейчас нет, ты сам говорил.

– Значит, первое. И как я должен общаться с разумными существами, у которых, как у нас, две руки – две ноги и непонятно что в голове? Может, у них аллергия на черный цвет и нам всем лучше переодеться в розовое? Может, на них наши луны так действуют?

– Ну, отключи на время – будем без лун. Я не возражаю. Розовый с зеленым – ужасное сочетание. Только прекрати паранюю. К тебе летят не ненормальные сколопаксы, которые, убивая человека, смеются и поют гимны богине Анко, а зем-ля-не. Королева, лорды, мечи, замки – они несколько веков с этим жили. Потом решили развиваться. И это у них неплохо получилось, знаешь ли. А в розовое переоденься, да. Трясешься, как девчонка.

Губы у лорд-канцлера, и без того почти невидимые, истончаются в нитку. Злые глаза буравят невозмутимую физиономию Хьелля. «Задел, слава Лулулле, – думает лорд Дар-Халем. – Сейчас последний взрыв, и все. С ним можно будет нормально разговаривать». Он поудобнее разваливается в кресле. Последний гвоздь надо вбить наверняка.

– И давай уже отвечать за свои поступки. Не подготовился ты, Сид. К приему инопланетной делегации. Всю неделю жрал эгребское, шатался по кабакам, дрых до полудня. В результате не предоставил верховному главнокомандующему Аккалабата и Генеральному штабу никаких гениальных планов, никаких наводок, что отвечать нашим дорогим гостям, когда они станут браниться: «Ах, нехорошие, ах, зачем вы обидели Локсию?» Проспал и пропил всю подготовку к переговорам. А потом (перед лицом неумолимого возмездия в лице означенного главнокомандующего) придумал отмазку: «Боюсь я иррациональных землян, они нам сделают больно, как Дилайне».

Голос маршала сочится ядом. И действительно, лорд-канцлер, как ужаленный, вскакивает с кресла и орет, в ярости сжимая и разжимая кулаки, даже не пытаясь отвести с лица растрепавшиеся волосы:

– Ты..! Ты..! Да мне каждую ночь снится огонь на руинах Дилайны! Я крики девчонок целую ночь слышу! Они гадкие твари были, конечно, и о нас с тобой ноги вытирали всю дорогу, но... Чахи побери, Хьелль, я не должен допустить, чтобы здесь это повторилось! Я жизнь отдам за каждую ступеньку в Хаяросе, за каждый трехсотлетний чал в Хангафагоне! А ты...

Хьелль сразу сменяет гнев на милость:

– Ну, в таком случае, если речь пошла об отдавании жизни... почему бы нам не перерубить их в капусту еще на космодроме?

– Хотя бы потому, дурья твоя башка, что у них не один военный корабль. Это аргумент?

– Ладно, дай мне хоть что-нибудь почитать про эту гребаную миссию.

– Я же сказал... Вот одна папка, вот другая... расслабься и получи удовольствие. Только не мешай мне работать.

Сид растягивает рукой ремешки орада, будто они мешают ему дышать, и вновь склоняется над договором. Статья двадцать девятая...

Через двадцать минут, исчеркав красными чернилами все тридцать пять статей договора, лорд-канцлер обращает внимание, что верховный главнокомандующий не продвинулся дальше первого листа официальной переписки. Не то, чтобы там было, что читать: состав миссии и даты прибытия. «У него плечи болят, – покаянно думает Сид, – и крылья. И он пришел. А я тут со своими претензиями... Почему не сообщил, почему не поставил в известность... Скотина!» Наклонившись вперед, Сид ухватывает двумя пальцами черную прядку, угнездившуюся на длинном носу, разматывает... чувствует обычный твердый захват на запястье, но руку не убирает.

– Ты уже лейку сломал, – говорит примирительно.

– А? Да тебе завтра новую принесут. Это же служебный кабинет. Ты сядь, послушай.

Повинуясь твердому движению мускулистой руки, лорд-канцлер присаживается на краешек стола. Хьелль смотрит из кресла снизу вверх.

– Сид. Я... наверное, могу помочь.

– Ты? Чем? Твои способности к дипломатии равны нулю. Вызовешь их по одному и «перерубишь в капусту»? Ах, да, у тебя альцецо, ты не боеспособен. Тогда... а, знаю! Напугаешь до смерти видом облинявшей спины! Они решат, что это заразно. Не смей.

– Не иронизируй. Просто пообещай мне одну вещь.

– Обещаю. Какую?

– Почему именно в таком порядке? А не «какую», а потом «обещаю»?

– Первый раз заметил? За столько лет... Поздравляю. Или это меня надо поздравить с твоей... наблюдательностью, – последнее слово Сид будто выплевывает. Ему страшно надоела эта бессмысленная дискуссия, и он сдерживается только потому, что думает, что у Хьелля болит спина.

– Ладно. Отвечаю на твой вопрос. В течение недели никто из землян не выпивает недоброкачественное вино и не травится просроченным балыком. Не пропадает без вести, не тонет в болоте, не падает с балкона. Не теряется в горах Умбрена. И еще много всяких *не*. В общем, ты обещаешь мне, что они все будут живы, несмотря на охватившую главного дипломата нашей Империи паранойю. В этом случае я, в свою очередь, обещаю тебе, что через неделю их пребывания на Аккалабате наш сиятельный параноик будет знать: а) что у них в голове и б) почему они изуродовали Дилайну. После этого наши взаимные обещания считаются исчерпанными и, если лорд-канцлер Аккалабата будет склоняться в сторону «перерубить в капусту»... маршал Аккалабата выполнит приказ. Идет, мой карун? – от сдерживаемой усмешки в черных глазах мерцают острые звездочки.

Тысячелетнее бремя Империи Аккалабата падает с плеч лорд-канцлера так ощутимо, что, кажется, расправляется серебристый орад.

– Я обещал. Не пойму, зачем тебе это надо и что ты сможешь сделать в твоем состоянии... но их не тронут. Всю первую неделю. А теперь иди домой. Мне еще к королеве, узнавать, что она думает про сочиненную для нее речь.

– Да ничего она не думает, – Хьелль лениво поднимается с кресла, машет рукой на прощание. – Лучше тебя никто не пишет приветственные речи. Во всей галактике.

– И про меня не думай, – добавляет он, останавливаясь в дверях. – Я воплощение военной мощи Аккалабата, сеющий ужас в стане врагов, злобный и непобедимый маршал Ее Величества, безукоризненный и непревзойденно боеспособный главнокомандующий ее вооруженными силами... потомственный лорд Хьелль Дар-Халем. Не то, что ты... крыса белая.

Сид давно знает, что изогнутый клинок не успевает долететь до дверного проема за то мгновение, которое требуется воплощению военной мощи Аккалабата, чтобы исчезнуть под сводами коридора. Поэтому он даже не пытается... только намечает движение к ножнам правой рукой.

Глава V. Все говорят и слушают

Алиссия Ковальская, действительный член Звездного совета

Краснов распинался уже второй час. Слайды презентации сменялись один за другим: протокольная одежда дипломатов конфедерации, рассадка за столом переговоров в соответствии со всеми тонкостями межпланетного этикета... Шесть из восьми членов миссии, отобранные самим Красновым, молодые атташе и специалисты по межкультурной коммуникации, внимали благоговейно.

Лисс стервенела. С одной стороны, она прекрасно понимала, что Краснов был обязан. Инструктаж. Что говорить, о чем не упоминать, как здороваться и прощаться, что есть и пить, от чего отказываться... Любой руководитель межпланетной миссии предпочитал проговорить даже самые очевидные из этих вещей сам, а не полагаться на инструкции, справочники, астро-нет и речь куратора миссии от Звездного совета, произнесенную на Земле за день до отбытия и слово в слово повторявшую поток запретов, предписаний, советов и рекомендаций, лившийся сейчас из Краснова.

Но даже эту нейтральную информацию Краснов ухитрился превратить в форменное краснобайство. Конечно, без историй из собственного опыта, душераздирающих и поучительных, в данном жанре не обойтись: молоденькие референточки должны были вострепетать, преисполниться и осознать, а как иначе? Но советник Краснов явно перегибал палку. Уж все-то он знал без сомнения, до конца и досконально.

Прямо диву давалась Лисс, зачем мы вообще летим на этот Аккалабат? Почему для решения возникшего конфликта не было достаточно одного разговора великого и ужасного миротворца Краснова с Ее Величеством королевой Аккалабата по интеркому? Он бы все ей достойно изложил, ее аргументированно убедил и с ней мигом договорился. Так по всему выходило. Тем более, что в изложении Краснова оказалось, что Аккалабат не такая уж зашоренная медиэвальная деревня на окраине Вселенной, что у Империи есть перспективы, нужно только признать ошибки и задуматься о последствиях. На что вполне способен лорд-канцлер Аккалабата, который закончил дипломатическую академию на Когнате, продолжал посылать на Когнату своих агентов, а значит держал руку на пульсе последних тенденций в конфедеративной политике.

В общем, у Краснова получалось, что все руководящие лица на Аккалабате белые и пушистые, только заблудшие. Мы их наставим на путь истинный, и будет всем от этого счастье. Только убедительная просьба не забывать девушкам про зеленые форменные галстучки Конфедерации, а мужчинам – про то, что рукава белых рубашек должны на 3–4 сантиметра высываться из-под пиджаков. Ноблесс, понимаете ли, облич. Красивые самолеты плохо не летают.

Где-то на заднем плане Краснов, правда, упомянул про антинародные обычаи и традиции Аккалабата, такие, как дуэм и альцедо, не могущие существенно повлиять на политический расклад. Предупредил, что гигиенические удобства на планете самые элементарные и потому базироваться придется на корабле и тщательно мыть руки. Напомнил, что придется

мириться с дурацкой привычкой лордов одеваться во всё черное и таскать на боках килограммы остро отточенного железа. Но все эти мелочи бледнели на фоне грандиозной картины будущих дипломатических свершений. Референтки млели и делали пометки в нетбуках. Лисс чувствовала себя у клетки с мартышками в зоопарке.

Единственным оплотом здравого смысла в этом бедламе выступала спина командира корабля, решительно повернутая к Краснову. Гарик сидел, уткнувшись в мониторы, над приборной доской и принимал последние распоряжения с Земли.

Капитана Гарика, Игоря Каверина, Лисс знала давно. С ним она летала в недоброй памяти инспекцию на ситийские шахты, он вытаскивал ее и еще немногих выживших после знаменитого на всю Конфедерацию шоу «Ночь в посольстве». В общем, из всех звездных крейсеров Конфедерации для участия в операции без гарантированного хэппи-энда Лисс предпочитала именно каверинскую «Альтею», а из всех возможных подходов к организации спасательных, десантно-штурмовых, разведывательных и какие-еще-там-бывают операций – каверинскую же рассудительность в планах и молниеносную непредсказуемость в действиях.

Гарику тоже предстояло выступить с инструктажем, поэтому он предусмотрительно отправил всю свою немногочисленную команду отдыхать и пригласил членов миссии провести собрание в капитанской рубке. Здесь он мог позволить себе терпеливо ждать, пока поток красновского красноречия иссякнет, и заполнять паузу решением мелких технических вопросов, которые неизбежно накапливались на любом звездном судне за несколько дней пути. Опыт подсказывал, что пауза может затянуться (с Красновым Гарик тоже уже летал).

Игорь Каверин, капитан «Альтеи»

– Лучше бы тетушка Лисс вещала, а этот... плейбой сидел и учился уму-разуму, – раздраженно думал капитан Каверин. – И молодежи толку больше было бы. Прогрессивный средневековый лорд-канцлер... с ума можно сойти. Надеюсь, Тон ему вложит. Здравого смысла. По самое не-могу. В парламентских и непарламентских выражениях.

Тон, с которым Гарик тоже уже летал, (*а с кем я не летал из лучших специалистов своего дела в Конфедерации?*) сидел, а точнее висел, в пластиковом кресле, как марионетка без ниточек, всем своим видом демонстрируя полную неспособность воспринять сложную общественно-политическую информацию, изливавшуюся на аудиторию. Никакого желания выпрямиться и «вложить по самое не-могу» на его лице не читалось. Читалась только скука неимоверная – ярко-зеленые глаза потемнели и полуприкрыты, уголки рта опущены в усталом раздражении: мели, Емеля, твоя неделя... Первые десять минут и двадцать слайдов бритоголовый десантник еще слушал и вникал, а потом, как будто нажали на кнопку «Стоп», отключился... «Вошел в кому. Плавали – знаем, – хмыкнул про себя капитан Гарик. – Сейчас мы тебя быстренько реанимируем. И Лисс повеселится, а то вон ей совсем гнило...»

Сам-то командир «Альтеи» ждал окончания красновского бенефиса с радостным предвкушением. Бог знает в какую рань сегодня его вытянули из постели на переговоры с Землей (до посадки в пункте назначения он оставался главным на борту). На мониторе обнаружился небритый и недовольный Гетман. Который с Гариком не летал принципиально. *Капитан, если мы с тобой дружно гробанемся, кто же в лавке останется? Или: если идет группа кораблей, то остатки здравого смысла этой галактики должны быть распределены по ним как? Правильно, равномерно.* В общем, шутки шутками, а капитан Каверин был для командора Разумовского не для «закинуть на званый ужин на Делихоне» или «подвезти до ближайшей войнушки», а для «прикроешь и в случае чего уже без меня решишь проблему». За такое доверие Гарик Гетмана взаимно уважал и в высказанную ему с экрана точку зрения вник немедленно.

Во-первых, оказалось, что миссию на Аккалат готовили и отправляли в отсутствие Разумовского, который как раз был в командировке в месте, о котором знать Гарику было

не положено. В результате миссия получила ранг опасности на уровне жалкого «С» со всеми вытекающими последствиями, включая полный приоритет гражданского (дипломатического) руководства над военным. Грубо говоря, посол Краснов мог приказывать лейтенанту Брусилову, но не наоборот. А это, по мнению Разумовского, когда имеешь дело с медиевальной цивилизацией в самом чертовом секторе галактики, было смерти подобно. Поэтому командор нажал на все педали и ранг миссии был заменён с благообразного «С» на вызывающий у любого, кто когда-либо имел дело с инопланетным разумом, покальвание в кончиках пальцев «В».

За непосредственные цели миссии отвечает ее гражданский руководитель, за безопасность и благополучное возвращение всех членов миссии домой – командир отряда боевой поддержки. В случае открытого конфликта интересов при непосредственной угрозе жизни членов миссии приоритет отдается приказам последнего. То есть, если Краснов скажет «налево», а Антон – «направо», все должны, не рассуждая, топтать направо. Или падать. Или ползти. «Но будем надеяться, что до этого не дойдет», – резюмировал Разумовский.

И перешел к не менее неприятному «во-вторых», которое оказалось еще и слегка невнятным. По мнению Разумовского, соединение в одной миссии Лисс и Тона было то ли взрывоопасным, то ли весьма позитивным, то ли недопустимым ни при каких обстоятельствах, то ли единственным верным решением. «Антон вообще не должен был туда лететь», – сказал Разумовский со вздохом. И устремил на капитана Каверина совершенно невыносимый, нечитаемый взгляд. «Понял», – как всегда при встрече с этим оптическим феноменом,отреагировал капитан Каверин. *Либо в Гетмане говорит интуиция, либо он что-то знает, о чем не может сообщить открытым текстом. Он хочет, чтобы я проконтролировал. Это мы запросто, знать бы только что. Во всяком случае можно спросить у Лисс: этого мне командор не запрещал.*

Третий пункт, по которому командор решил посоветоваться с Кавериним, удовлетворил капитана «Альтеи» значительно больше, чем два предыдущих. Следовало передать соруководителям миссии, что дипломатическая процедура и переговоры целиком и полностью ложатся на Краснова, ему передаются все необходимые полномочия, и он волен решать, как и куда вести дипломатический корабль Конфедерации в мутных аккалабатских водах.

– А Лисс? – поинтересовался Каверин, зная о том, что некогда теплые отношения между Гетманом и его любимой ученицей в последнее время значительно охладели.

– А Лисс пускай погуляет. Отдохнет, что ли. Позанимается своей любимой медиевальной цивилизацией в натуре. Соберет материалы. Напишет статью. Погрузится в среду. В общем пусть не считает себя обязанной отсиживать за столом переговоров круглые сутки. Нечего ей там делать. Так и передай. Краснов договаривается, Лисс изучает. Думаю, у них не будет протеста против такого распределения обязанностей. И будь там вообще... повнимательней.

На этом сеанс связи закончился.

С сообщения о новом распределении обязанностей между соруководителями миссии капитан Каверин и начал собрание. Протестов действительно не возникло. Краснов еще больше надулся, Лисс приложила руку к «пустой голове»: «Слушаю и повинуюсь, мой капитан». Атташе и референтки, которым следовало задуматься над проведенной рокировкой, пропустили сообщение капитана мимо ушей: они и так ходили за Красновым по пятам и другого руководителя над собой не знали. Зато Антон, со стороны которого никакого недовольства не ожидалось, буркнул что-то про «в этом случае надо было послать не тридцать, а шестьдесят человек... и тяжелые бомбардировщики».

Почему погружение Лисс в феодально-средневековую среду должно сопровождать звено тяжелых бомбардировщиков, капитан Каверин выяснять не стал. На Ситии погружение Лисс в шахту, где при каждом шаге инспектора натывались на человеческие трупы и полутрупы, не сопровождалось ничем: там боевое прикрытие вообще было не предусмотрено. Ничего, выкарабкались, и даже личный заказ одного высокопоставленного землянина выполнили. Надо бы

рассказать Антону. А то что-то он к уважаемому члену Звездного совета без всякого пиетету... «Стрелять она, видно, ходила...» – поразился Каверин.

Алиссия Ковальская, действительный член Звездного совета

Краснов, наконец, перешел к ответам на вопросы. Вопросы полностью соответствовали содержанию и форме лекции. У Лисс впервые за годы работы в Звездном совете появилось желание на ходу выйти из космического корабля. Так, проветриться. Хуже уже не будет.

– У них, что, действительно, нет огнестрельного оружия?

– Правда ли, что у них нет ни газет, ни журналов? Откуда же они узнают новости?

– Неужели у них десятилетние мальчики пьют вино и убивают друг друга на турнирах?

– Разве Конфедерация не может заставить их разместить больше информации о себе в астронете?

«Куры... – злобно подумала Лисс. – Инфантильные высокоцивилизованные куры». И тут же спохватилась: ей почему-то не хочется называть этих мальчиков и девочек курами. Это обзывательство совсем для другого... О чем там говорит Гарик?

Гетман, как всегда, великолепен. Быстр в принятии и продавливании решений. Повышение ранга миссии. Только не говорите мне, что он тоже дальтоник или пофигист и не видел файлов под фиолетовой ленточкой. А скорее всего, он и так все знает. И все же предпочитает расширить полномочия десанта, дать ему возможность спасать и защищать нас, как вздумается. Это от чего же нас, по мнению Разумовского, может понадобиться спасать и защищать, если командор склонен предоставить нашему лейтенанту свободу действий в экстремальной ситуации?

Эй, а зачем наш лейтенант встает и выбирается на середину рубки?

Антон Брусилов, лейтенант десанта

– Значит, так. Я не обязан это вам говорить, это не входит в мои полномочия. Но все-таки... Никакой колледж Конфедерации не сделает из аккалабатского лорд-канцлера такого «цивилизованного, взвешенного и разумного политика», о котором толковал сейчас посол Краснов. Нет там разумного и прогрессивного лорд-канцлера. Средневековый маньяк-убийца в капюшоне. Не в черном, кстати, а в сером. Может, не совсем маньяк, но мне будет спокойнее, если вы будете так думать. Ничего из его рук не за общим столом не пить и не есть. Никуда с ним и его подчиненными по одиночке не ходить. Ни одному его слову не верить. Спиной не поворачиваться. Утром принимать максимальную дозу профилактического противоядия широкого спектра действия – на корабле есть аптечка. Вечером осматривать себя с ног до головы на предмет отравленных игл и прочих прелестей средневековой алхимии. Ношение плексикольчужных водолазок обязательно. Сверху можете повязать зелененькие платочки. Смотреть под ноги и по сторонам. В конфликты и вообще лишние разговоры не вступать. На королеву взирать с почтением и любовью, кланяться и благодарить, благодарить и кланяться. К виду крови привыкнуть: если при вас кому-то распорют кинжалом живот или снесут голову двуручным мечом, реагировать спокойно и с интересом...

– Может быть, достаточно? – подал голос Краснов, откинувшийся на спинку кресла с выражением глубокого презрения на красивом лице. – Или следующим советом будет вообще из корабля не выходить? Как я понимаю, вас послали обеспечивать нам военное прикрытие, вот и постарайтесь. А не перекладывайте ваши проблемы на наши плечи.

– Из корабля, полагаю, не выпустят нас – военное прикрытие, – задумчиво отозвался Антон. – А придерживаться или нет моих рекомендаций – личное дело каждого. Это ваша жизнь, в конце концов.

– Ты на Аккалабате-то был когда-нибудь, воин?

– Вы же читали мое досье... (*Так, я опять наговорил лишнего, гиперответственный дурак. Надо срочно менять тему*). Кстати, а госпожа член Звездного совета тоже со мной не согласна?

– Я-то? – Лисс потягивается, заложив руки за голову. – Ты же читал мое досье... – передрознивает она. Потом серьезнеет: – Я ведь специалист по медиевальным культурам, вообще по цивилизациям, которые при антропоморфном облике страшно далеки от нас по моральным представлениям, ценностям, образу жизни, пониманию добра и зла, порядка и хаоса... И изучала их далеко не в лабораторных условиях. Ну, да вам это не интересно. Во всяком случае, могу тебя успокоить, лейтенант, я и без твоей лекции собиралась наложить лапу на все противоядия на этом борту, натянуть до ушей плексикольчугу и облачиться в самый незаметный темный балахон, который только имеется во Вселенной. Лорд-канцлера я буду обходить по дуге, но если он пригласит меня на сожжение ведьм или какую другую показательную кровавость, то обещаю, как ты выразился, спокойно и с интересом отсидеть до конца представления. Что-нибудь еще?

По неуверенным взглядам, которыми обмениваются атташе и референтки, Тон понимает, что слова «послицы» произвели впечатление на дипломатическую молодежь. «Так-то лучше...» – без всякого облегчения думает он.

Дальше все происходит в незатейливом рабочем режиме. Пару объявлений касательно распорядка на борту перед прибытием и после делает капитан Каверин. Краснов, оставляя последнее слово за собой, закрывает собрание. Гарик приглашающе машет рукой: мол, Тон, останься, надо поговорить.

Тон идет к свободному креслу по левую руку от капитана. По пути натывается (это ж как надо встать, чтобы я наткнулся!) на вновь-отбывшую-в-путешествие-по-иным-мирам (судя по ее отрешенному взгляду) любительницу средневековой экзотики. Госпожа полномочный посол снисходит до кивка, мол, увидимся, лейтенант, и вдруг придерживает его рукой за локоть:

– Спасибо.

– За что?

– Ты, действительно, мог не рассказывать. Многим рискуешь. Мало ли что кому может привидеться...

Тон понимает, что она имеет в виду, и тихо холодеет. Спина с весело подпрыгивающими белобрысыми косичками удаляется к выходу. Тон с размаху плюхается в кресло:

– Гарик, ты что хотел?

Глава VI. Все, наконец, встречаются вместе

Олег Краснов, руководитель миссии

Краснов торжествовал. Лорд-канцлер Аккалабатской Империи оказался именно таков, как он предсказывал. Не считая серебристо-серого орада. Жалко, что нахальный лейтенантишка может убедиться в этом только с помощью корабельного монитора. Дары категорически отказались разрешить спецназу спуститься на планету. В остальном же были крайне кооперативны, особенно сам лорд-канцлер, источавший улыбки и позитив.

Безукоризненные манеры и витиеватое красноречие, сознание собственной значимости, сквозившее в каждом шаге, и полная упертость в правила дипломатической церемонии – верховный лорд Сид Дар-Эсиль сразу же показался Краснову более родственной душой, чем Мыро-Лисса. От последней, впрочем, удалось избавиться сразу на космодроме.

Только услышав о разделении целей миссии на политические и гуманитарные и о желании «нашего крупнейшего теоретика и практика межзвездной истории, социологии, филологии, археологии и культурологии, члена Звездного совета и прочая, доктора Алиссии Ковальской» познать и погрузиться, лорд-канцлер дал зеленый свет исследовательским порывам

Лисс. Были, естественно, выделены сопровождающие для гуляния по «вечно тенистым и неизъяснимо прекрасным садам Хангафагона», вскарабкивания на «величественные и неприступные крепостные стены Хаяроса» и «устремленные из глубины веков к зеленым лунам Аккалабата, вверх и вдаль зовущие башни храма прекрасной Лулуллы», просиживания штанов, а точнее безразмерного черного балахона, в который обрядилась кошмарная тетка, в «бесконечной сокровищнице открытого и тайного знания – королевской библиотеке».

Все эти определения канцлер изрыгал без малейшего усилия, видно, давно уже знал наизусть, а не вызубрил специально к сегодняшнему дню, что тоже Краснова подкупало. Штампы и клише всякого рода он обожал: они полностью автоматизировали речевой процесс и освобождали от необходимости думать и слушать. Сам он мог порождать подобные речи без устатку на протяжении... в общем, сколько было надо. Так что мысленно руку канцлеру снова пожал.

Охране (они же сопровождающие, они же шпионы – на сей счет никаких иллюзий Краснов не питал) было поручено доставлять любознательную мымру к каждому официальному мероприятию и приему пищи, с чем гуманитарная часть миссии и отправилась в свободное плавание.

Краснов же продолжил знакомство с высшими чинами в аккалабатской иерархии. Лорд Дар-Халем, верховный главнокомандующий, который-то и стоял всей своей армией у ворот локсианской столицы, Краснову решительно не понравился. Высокий и стройный, но болезненного вида мужик уже с первых минут церемонии нетерпеливо морщился и переступал с ноги на ногу; когда Краснов обратился к нему с приветственным словом, коротко кивнул головой в ответ и за все время обмена верительными грамотами не произнес ни слова, цепко оглядывая всех сотрудников миссии, как горный орел, выбирающий себе барана. В отличие от других верховных даров, присутствовавших на том, что эти чудилы называли космодромом, лорд Дар-Халем даже сдержанную полуулыбку не пытался изобразить. Как и чем это больное нервным тиком и, по всей видимости, несварением желудка крылатое несуразие могло главнокомандовать – этот вопрос, на мгновение возникший в голове, Краснов отбросил как несущественный.

Лишь один раз за все время стояния на космодроме лорд Дар-Халем проявил активность. Когда речь зашла о выделении охраны для медиевально озабоченной мымры, он придвинулся к канцлеру и тихо сказал ему несколько слов. После чего двоим из четверых сопровождающих было приказано вернуться в строй, а их место возле Мымро-Лиссы тут же заняли другие фигуры в черных плащах, возникшие из-за спины маршала. Краснов догадался, что на Аккалабате, очевидно, придворная группировка, возглавляемая лорд-канцлером, не очень ладит с военными, поэтому главнокомандующий настоял на присутствии в эскорте Лисс своих собственных согладатаев. Шпионов, как говорится, много не бывает.

Краснов внутренне хихикнул, представив, как разочарованы будут маршал и лорд-канцлер, узнав, что Лисс, действительно, ничего не интересуется, кроме аккалабатских древностей. Она же вконец ухайдокает своей любознательностью всех четверых бедняг, попавших ей в лапы. Они вместо обеденного перерыва будут за учебниками сидеть по истории родного края. Ай да Гетман! Ай да молодец! Все продумал, все взвесил. И как рассеять силы и внимание вражеской контрразведки, и как изолировать бесполезную Лисс от переговорного процесса. Жалко только, что передал свои распоряжения через капитана Каверина, а не лично самому Краснову.

Алиссия Ковальская, действительный член Звездного совета

- Так как давно построены эти стены? – Лисс постукивает пальцами по замшелой кладке.
- Им около двух тысяч лет, моя госпожа. Эпоха королевы Лулуллы.

Лисс довольно улыбается. Молодые тею хорошо подкованы. Спасибо, очевидно, следует сказать маршалу Дар-Халему. Фотографировать и пользоваться видеокамерой разрешили,

поэтому на обзорной площадке на самой высокой точке крепостной стены Хаяроса придется задержаться надолго. Грандиозность архитектурных замыслов древних аккалабов и смелость их воплощения ошеломляют. Более, чем удивляет сходство аккалабатской архитектуры со средневековыми европейскими памятниками. Последнее вполне объяснимо. Архитектура как вид искусства и как утилитарная деятельность (дома, чтобы жить, мосты, чтобы переправляться через реки, и стены, чтобы защищаться от врага...) непосредственно связана с человеческими пропорциями, с масштабом и устройством тела тех, кто будет жить, переправляться, защищаться, а главное – строить. Поэтому единственное бросающееся в глаза отличие от городов средневековой Европы (помимо того факта, что аккалабы и сегодня строят как полтора тысячелетия назад, их зодчество как будто полностью лишено идеи прогресса) – широкие наружные карнизы (Лисс уже догадывается, что им соответствуют такие же широкие подоконники внутри) и просторные балконы с парапетами и без. От множества открытых площадок на верхних этажах и крышах домов и башен кружится голова. Окна в жилых сооружениях и храмах Хаяроса функционируют одновременно как двери, поэтому одни из них украшены, подобно парадным воротам, гербами и знаменами, другие выполняют чисто утилитарную роль – имеют на себе замки, молотки, чтобы стучать, щели, очевидно, для писем, трети, замаскированные, напоминают потайные калитки.

В качестве завершения здания плоская, открытая площадка в Хаяросе значительно популярней, чем шпиль или скатная крыша. При этом бросается в глаза, что полет как средство передвижения имеет в столице Аккалабата меньше приверженцев, чем «просто пешком» или на лошади. Улицы полны народа, а в небе никого не видно. Даже крылатые – дары и тейо – явно предпочитают ходить и ездить по земле. Лисс делает зарубку на память: «Спросить у...» Интересно, у кого это можно спросить? Словно в ответ на ее вопрос, один из сопровождающих дотрагивается до ее руки.

– Если Вас интересует наша архитектура, Вы несомненно оцените это, – почтительно поклонившись, спутник Лисс (интересно, кто он – тейо или один из младших даров?) указывает вниз, на один из наиболее затейливых особняков, примыкающих к самой ограде Хангафагона.

– Столичная резиденция верховного лорда Дар-Халема. Дворец не из самых древних, ему всего пятьсот лет, но весьма примечательный с точки зрения внутреннего и внешнего убранства.

– Верховному лорду Дар-Халему можно позавидовать. Он живет один?

– Разумеется. У лорда Дар-Халема нет своей деле. Он сам дойе лорд-канцлера Дар-Эсиля.

Внутренне Лисс передергивает, но она благосклонно кивает. Судя по всему, такие подробности входят на Аккалабате в стандартную формулу представления. «Здравствуйте, я лорд такой-то, дойе лорда такого-то. Через полгода или когда захочет мой карун, я стану его деле, и мы познакомимся снова. Хвала королеве!»

Необходимая пауза выдержана. Теперь можно спрашивать:

– Скажите... у нас на Земле хозяева подобных дворцов охотно демонстрируют их публике. Нет ли возможности осмотреть резиденцию верховного главнокомандующего? Прошу прощения, если я сказала дерзость.

– Это я прошу нас извинить, госпожа, но такие визиты разрешены в исключительных случаях, и только, – черный страж склоняется перед ней и, разгибаясь, добавляет, словно между прочим, в самое ухо:

– ...И только по личному приглашению главнокомандующего.

Антон Брусилов, лейтенант десанта

– Да, ночь нежна, определенно, – думал лейтенант Брусилов, стоя на внешней площадке конфедеративного крейсера и вглядываясь в зеленоватый полумрак. – Тепло, практически

светло, и в целом очень подходящая атмосфера, чтобы кое-кому прилетело в мозжечок миниатюрной локсийской секирой. У самого входа на космодром. Или лошадью чтобы ее задавило... под душистыми кронами Хангафагона.

Время перевалило за полночь, а неутомная мадам Ковальская еще не возвращалась. Краснов и его присные уже давно дипломатически храпели в своих каютах, команда перешла на ночной режим работы, только капитан Гарик что-то настукивал на клавиатуре пилотной консоли. Чертовой бабы не было.

Тон уже раза четыре перешел в своих мысленных построениях от «задушу сам собственными руками» к «вернись, я все прошу» и обратно, а членша Звездного совета продолжала шататься где-то по вполне небезопасным в это время переулкам и закоулкам Хаяроса. «Или валяться в одном из них с прорубленной головой, – мрачно спрогнозировал Тон. – С нее станется. Чур, еще полчаса – и я иду искать. Пусть Сид засунет в ж... свое предписание о том, что я могу покидать „Альтею“ только днем и в сопровождении их военных. Мне в послужном списке не хватает только трупа вверенного моему попечению члена Звездного совета».

Задуматься вплотную над тем, чего еще не хватало в послужном списке десантника Антона Брусилова и на хрена ему, вообще, этот послужной список сдался, Тону помешал стук копыт, донесшийся от западной оконечности космодрома. Копыта сменились шорохом одежды и коротким глухим звуком, который получается, когда на землю спрыгивает уверенный в себе наездник. Слов, произнесенных приглушенными голосами, Тон не расслышал, но отдельных долетевших до него тембральных ноток хватило, чтобы понять: очумелая снайперша явилась и, слава богу, с сопровождением. Тон оторвал локти от перил и размял руки.

– Голову оторву, – с удовольствием сообщил он в пространство. – Прямо у трапа.

Однако, когда взъерошенная белобрысая голова появилась в поле его зрения, решимость Тона несколько поугасла. Уж больно усталый вид был у члена Звездного совета, и даже какой-то печальный. Добравшись до подножия траповой лестницы, дама вздохнула так обреченно, что Тон не удержался и, позабыв все планы отмщения, сделал несколько шагов вниз, протягивая руку. В руку снайперша моментально и очень благодарно вцепилась, забралась с самым жалобным видом наверх и, вместо того чтобы пожелать Тону доброй ночи и удалиться в свою каюту, установилась возле него на площадке. Тон вопросительно воззрился на нее.

– Красиво, правда?

Тон неопределенно пожал плечами.

– Ты когда тут последний раз был?

– В моем послужном списке сказано, что никогда.

– Антоооон, – раздраженно пропела мадам Ковальская. – Даже если бы я была такой идиоткой, как выгляжу... Моего уровня допуска к личным делам хватит на три таких фиолетовых ленточки, как на твоём файле. Я же не спрашиваю тебя, как ты попал к нам в десант с Дилайны.

– А я бы на Вашем месте спросил.

– А смысл?

– Ну, например... чисто гипотетически... – несмотря на призрачность июльской ночи, Тон знал, что Лисс не видит выражения его лица. Поэтому он неслышно усмехнулся и продолжил:

– Чисто гипотетически... У Конфедерации хорошие отношения с нынешними властями Дилайны. Я попал в спецназ восемь лет назад, спустя пару лет после... революции, – Тон замялся. Пауза перед словом «революции» была заметной, но тем не менее он решил добавить:

– ...И резни в посольствах.

– Я в курсе, – в голосе Лисс проскользнула жесткая нотка.

– То есть я, очевидно, натворил что-то из ряда вон выходящее у себя дома. Это могло быть рядовое убийство в драке, но могло быть и политическое выступление. Скажем, сидел

на руинах королевского дворца и размахивал флагом с надписью «Вся власть – лордам Дилайны»... – Тон испытующе посмотрел на Лисс. Лисс наслаждалась ночным воздухом.

– Так вот, если я был выслан или вынужденно уехал сам по политическим мотивам... значит, я не согласен и с тем, что вы сделали на Дилайне тринадцать лет назад. Могу лелеять планы мести, вынашивать всякие завиральные идеи по поводу реставрации королевской власти на родной планете... А вы меня берете в спецназ, делаете лейтенантом, команду даете из тридцати человек...

– ...С которой ты на Хортулане при температуре плюс сорок пять по Цельсию в адских условиях три дня без воды и пищи прочесываешь пепельные барханы, чтобы найти и вывезти десять человек наших медиков... через три месяца в одиночку лезешь в газовый колодец на Хирундо, чтобы перекрыть там какой-то чертов вентиль, из-за которого все газовые запасы планеты должны рвануть в течение получаса... А через полгода под сплошным обстрелом держишь семь суток оборону на космодроме на Ситии, пока планеты Конфедерации грузят свои посольства со всем скарбом и документами. Напомни мне, сколько ты потом в госпитале валялся? У тебя правая плечевая кость из чего сделана?

– Лаксармит. Без всяких примесей естественной костной ткани. И мне еще очень повезло с хирургом.

– Мне продолжать?

– А спать не хочется? Я бы уже пошел... – демонстративно позевывая, Антон щелкнул молнией куртки и повернулся в сторону входного люка. За его спиной раздался тихий смешок:

– Антон, не обозначай движений, которые ты совершать не собираешься.

– Да я, правда, спать хочу. За... стоялся тут уже, Ваше сиятельство ожидаючи.

– Я не о данном конкретном моменте, я о ближайших днях.

Он вернулся к поручням, задумчиво погладил их руками. Не глядя на Лисс, сказал:

– Продолжайте.

– Неважно откуда, но я знаю, как это происходит, – такого серьезного и убежденного тона от госпожи члена Звездного совета он еще не слышал. – Когда люди, которые еще недавно были для тебя чужими, а их интересы и желания казались странными и неприемлемыми, постепенно становятся понятными и родными. И защищать их становится гораздо проще, чем воплощать какие-то общие, абстрактные принципы. Прежде чем дать тебе лейтенантские нашивки и команду профессиональных солдат впридачу, тебя самого не раз и не два вытаскивали на себе из-под обстрела, тушили на тебе горящую одежду, полудохлого волокли в госпиталь, подставляя под лазерные лучи свои спины, такие же, как ты, парни... с Земли, Делихона, Верии, Аппы. Не спрашивая, за что ты попал в «чрезвычайку».

– Нам платят за то, что мы делаем.

– Много ты этих денег потратил?

Тон отвел взгляд. В восемнадцать лет бордели и ночные кабаки Рипарии его еще интересовали, к двадцати двум от них начало подташнивать. В зарплатный файл он заглядывал пару раз в год, не чаще. Чертова баба тем временем не унималась:

– С чем в голове и душе ты пришел к нам, я не знаю. Но ты не мог за эти годы не измениться. Все эти неписанные законы людей, держащих в руках оружие во имя Конфедерации... Их не татуируют на коже, но если бы они не были впечатаны в твой мозг и кровью товарищей вписаны в твое сердце, ты бы не стоял здесь сейчас со мной. Ты бы не выжил. *Своих не оставляют. Мирное население не должно пострадать. Корабль всегда придет.*

– Вы-то откуда знаете? – не сдержался Антон. Вот тебе и научно-дипломатическая мымра! Ходячая «памятка молодого бойца». Сколько раз перед строем он произносил, как заклинание, эти слова. И в пещерах Сколопакса, когда уже кончался воздух и они, оставшиеся от батальона десанта, впятером сидели на корточках в дальнем от завала углу, пытаясь сквозь каменную толщу расслышать гул двигателей. И в хортуланской пустыне, когда после очеред-

ного прорыва через зыбучие пепельные дюны он рывкал, заглушая стоны тех, кого эти дюны не выпустили, и глядя в отчаянные глаза тех, кто только что не смог выполнить первую заповедь «Своих не оставляют»: «Мирное население не должно пострадать! Корабль всегда придет!»

– Я-то уж знаю, – мрачно фыркнула Лисс, – а то бы здесь сейчас с тобой не стояла. Я знаю, например, что значит прятаться со скорчером и двумя запасными обоями за зубцами крыши храма богини Анко на Сколопаксе, смотреть вниз на толпу беснующихся религиозных фанатиков и думать о том, успеет ли Гарик починить движки. А если успеет – то кто останется лежать на этой крыше ради того, чтобы остальные успели подняться на борт. И поэтому я очень хорошо знаю, что ни один из тех, кто эвакуировал нас с горящего ситийского космодрома, не способен сознательно причинить вред людям Земли.

Алиссия Ковальская, действительный член Звездного совета

– А Вы не выдаете желаемое за действительное? – лейтенанты спецназа не задают вопросы с такой покровительственно-насмешливой интонацией, что ты начинаешь остро сожалеть об отсутствии кринолина и возможности опуститься в глубокий реверанс. И не прибавляют чуть слышно в конце вопроса: «...моя госпожа». Поэтому Лисс сознательно понижает градус беседы.

– Да брось ты! Я же сижу на Мхатме с упоенным жаждой крови лицом, когда на потеху Носителю эбриллитового венца какого-нибудь несогласного расчлениают на мелкие кусочки. И вполне вписываюсь в атмосферу. Или хожу с ситийцами по их шахтам, переворачивая носком сапога изможденные тела и поддерживая беседу на тему, кто из этих полутрупов еще способен работать, а кого – в расход.

– Мне не нравятся Ваши примеры.

Как ни хорошо профессиональный солдат владеет собой, Лисс чувствует исходящую от него волну враждебности. Лейтенант отступает на шаг, как от ядовитой змеи, выражение глаз нечитаемо в полумраке.

– Не сердись. Это моя профессия.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Для чего Вы переворачивали носком сапога трупы на Ситии? – голосом спецназовца можно резать сталь.

Лисс с удивлением поворачивается к собеседнику. Пожалуй, это первый раз, когда он выказал интерес к чему-то, что она говорила. Ну, давай мы тебе расскажем. Не всю правду, но все-таки...

– У меня было задание. Достать из ситийских копей одного человека... раба. И привезти на Землю. Так бы они не отдали. Оттуда, из-под земли, не выходят живыми. Меня включили в состав межпланетной инспекции, которая, по сути своей, была фикцией: ничего существенного сделать мы не могли, только констатировать ужасные условия труда. Конфликт с ситийцами, при их заикленности на все новых и новых видах оружия, гибелен для Конфедерации в ее сегодняшнем состоянии.

Она вдруг замечает, что не слышит дыхания стоящего рядом Антона. Каменный столп производил бы больше звуков. Решив подумать об этом после, Лисс продолжает:

– Ну, я походила-побродила с прочими инспекторами по шахтам... Там, где они кривили нос и возмущались бесчеловечностью ситийцев, я восхищалась практичностью наших хозяев, обнаруживших прекрасный способ перерабатывать человеческую массу в топливо и драгоценности. На третий день инспекции коллеги от меня отшатывались, потом перестали садиться за один стол...

Лисс зло щурит глаза и усмехается.

– Зато ситийцы были в восторге: наконец-то прислали человека, способного оценить громадь их планов и эффективность каторжного труда. Идет по туннелям, вымощенным костями, и не требует пластиковый пакет. А уж когда я начала открыто завидовать всем прелестям их рабовладельческого садизма: хочу – куплю, хочу – на цепь посажу, хочу – уморю голодом... Счастье-то какое! Они тут же мне предложили кого-нибудь подарить.

– И Вы?

– С радостью согласилась. Таков был сценарий. Разыгранный до деталей. Я запрашивала с Земли разрешение привезти раба. Старательно конспектировала со слов принимающей стороны правила обращения. Тщательно выбирала хлысты и ошейники. Потом отправилась за самым объектом...

– Ну и?

– И ну. Ходила и переворачивала. Носком сапога. Пока не нашла того, кто мне был нужен. В груде таких же, как он, полутрупов. Слава богу, радушие ситийцев носит весьма условный характер: они сразу оговорили: готовы отдать что-нибудь еще слегка дышащее, но уже не способное к активному землекопству. А то бы пришлось объяснять, зачем мне эти мощи нужны. Выцепила носком сапога, покатала-повалила, небрежно осмотрела, что-то ляпнула насчет костлявости, задохлости и заросшести, но, мол, в целом вполне работоспособен. Отмыть – так и служить украшением дома может. Знаешь, вся вспотела, пока выбирала слова... Чтобы они не догадались, что мне именно он нужен. И что, вообще, все это «хочу иметь раба» – чистая инсценировка.

– А если бы догадались? – голос Антона звучит хрипло, но Лисс опять предпочитает не заметить. Если лейтенант захочет рассказать, что его так задело, сам скажет.

– Похоронили бы заживо. Обоих. Там, в шахте. С них станется. Но ничего, обошлось. Хотя некоторые хозяева смотрели с подозрением. Пришлось даже учиться использовать хлыст. Знаешь, каково оно – на живом человеческом теле? Хотя тебе-то что.

Лисс вдруг вспоминает, с кем она разговаривает. Еще бы он не знал.

– Знаю, – неожиданно просто соглашается Антон.

Лисс несколько секунд ждет продолжения. Не дождавшись, резюмирует:

– Вот так вот. Мой подарок скрутили, засунули, как был, в полном беспомоществе, в грузовой отсек (грязным нечеловекам не полагается летать в пассажирских каютах). На Земле сдала по назначению. В следующую поездку на Ситию еще жаловалась им красочно, что сразу издох... подарочек. Они сокрушались и извинялись. А ты говоришь...

– Да ничего я не говорю... – Тон энергично потирает предплечья ладонями, и Лисс вдруг замечает, что его форменная куртка накинута ей на спину. И вид, и голос у него сейчас вполне лейтенантские, ни о каких реверансах и кринолинах и речи нет.

– Спасибо, что рассказали. Пойдем спать, да? – отстранившись, Антон пропускает ее к входному люку и уже в спину говорит очень утвердительно и удивительно дружелюбно:

– Вы не выдаете желаемое за действительное, ага. Спите спокойно... мирное население.

* * *

Церемониальный прием у Ее Величества царствующей королевы (мы вам – верительные грамоты, вы нам – загогулистую речь во славу грядущего взаимопонимания) плавно перетек в торжественное пиршество с обильными возлияниями опять же за мир и дружбу между народами. Никто из владетельных даров не упился настолько, чтобы начать пьяно махать мечом направо и налево, а жаль. Дабы утешиться, Лисс без труда превратила вечернюю ознакомительную прогулку по парадным залам Хаяроса и украшенным личными штандартами королевы и высших даров аллеям Хангафагона в тематическую экскурсию «Скелет в шкафу» по

катакомбам и тайным переходам дворца. К концу дня у сопровождающих вид был настолько бледный, что они могли бы соперничать с самим лорд-канцлером.

Белая крыса, она же змеюка подколодная, она же верховный лорд Дар-Эсиль, произвела на Лисс неизгладимое впечатление еще на космодроме. Язык у канцлерюги был без костей, нос – хитро приплюснутый, позвоночник – гибкий до невозможности, общая морда без выражения и запредельный IQ – в общем, весь набор недостатков, требуемый, чтобы бесконечно восхитить советника Краснова и заставить Лисс задуматься о том, правильно ли она поступила, так легко согласившись изолироваться от дипломатической части миссии.

«Носитель эбриллитового венца Мхатмы отдыхает», – печально думала Лисс, созерцая расшаркивающиеся в дипломатическом упоении Краснова и лорд-канцлера. Носитель хоть сразу начинал хищно облизываться, чуть что не по нем. Мигнет, бывало, своим янычарам... тут и голова инопланетного посланника с плеч долой. «Ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать...» – простой и понятный закон образцово средневековой мхатмианской дипломатии.

Почему мы никогда не посылали Краснова на Мхатму? Для нормализации, так сказать, мозговой деятельности. Или на Дилайну... тоже рай внеземной. Был. Вкушаешь там, бывало, салат на королевском приеме, бац – отравленный дротик за шиворот. Моментальный и безболезненный уход в поля счастливой охоты. На самом пике дипломатической карьеры. Весьма поучительно для окружающих.

Пронаблюдав подобные инциденты раз-другой, начинаешь учиться не только на собственных ошибках. А бывают еще отравленные перстни или перчатки, как у Медичи. Дружеское рукопожатие – и крокодиловы слезы на могиле безвременно ушедшего от нас посла Конфедерации. Через неделю, месяц, полгода после вышепоименованного рукопожатия. Опционально. В соответствии с пожеланиями высшего политического руководства планеты. Не, Краснов точно болел, когда Медичей в школе проходили, а исторических романов он не читает. Даже Дюма. «Я дерусь потому, что дерусь» для него лес темный. Антинаучная фантастика. А канцлер Дар-Эсиль для него не белая, средневековая, на все способная крыса, а представитель доброй воли другой цивилизации. Вполне себе адекватный.

Щас. Даже и не мечтай. Главное, дождись, когда он спросит про Дилайну. Или когда он не спросит. Лучше – чтобы спросил, потому что если этот изящный царедворец в серебристом ораде (как неловко Антон ляпнул, что орад у лорд-канцлера серебристый!) вообще не спросит, на каком основании Конфедерация провернула государственный переворот на соседней планете, то это значит, что Аккалабат имеет собственное мнение по этому поводу. Мнение, которое Конфедерации лучше знать, потому что именно оно вкупе с обостренным звериным чувством самосохранения, свойственным всем средневековым цивилизациям, будет определять все дальнейшие действия Империи даров в текущем политическом конфликте.

Но столь одаренная белая крыса на Аккалабате одна, поэтому Лисс легко улизнула от ошивавшихся за спиной шпионов в первом же воняющем крысами натуральными подземелье. Отчаянное выражение лица «Ужас-кошмар-катастрофа! Ваша охрана потеряла меня, лорд-канцлер / Ваше Величество королева Дилайны / Солнце и Сверкающая Вершина Ситии / Император Хортуланы / Верховный Магиструм Митиня (*нужное подчеркнуть*) в подземном лабиринте / эбриллитовых шахтах / между стеллажами правительственного архива / в анфиладах святилища (*ненужное зачеркнуть*). Мне было страшно и одиноко / Меня чуть не съели эти... там у вас водятся / Там темно и воняло / Там шипело и ползало (*по обстоятельствам*). Я еле выбралась / спаслась / осталась жива» – такое многосодержательное выражение лица специалисту Лиссей квалификации даже не надо репетировать. Все это само отображается при предъявлении принимающей стороной соответствующих претензий. Короче, Лисс смылась. Еще раз подтвердив свою высокую квалификацию. И отправилась гулять по городу.

В плащ она была замотана не хуже самого лорд-канцлера, поэтому из толпы не выделялась. Очки-транслятор на носу настроились на аккалабатский язык довольно быстро, ориен-

тации в пространстве весьма помогал мысленный план, набросанный при дневном визите на башни, есть и пить не хотелось... хотелось приключений. Приключения, с точки зрения Лисс, находились ровно в пятнадцати минутах ходу – за оградой архитектурного памятника Третьей эпохи, который был ранее отрекомендован ей как дворец верховного главнокомандующего.

– Интересно, как у них стучатся в дверь? Как бог на душу положит или какой-нибудь определенной азбукой Морзе? Стуканешь сейчас, чтобы открыли, а это окажется условный сигнал, вроде «Наши в городе». Дверь и откроется. И двуручным мечом тебе между ушей... со всего переполоху.

Все это Лисс подумала, уже постучав. Она же специалист высочайшей квалификации. Которая и состоит в том, чтобы сначала делать, а после думать. Потому что *думаешь* ты все равно, как землянин, а *делаеть* после полусуток пребывания в этом новом мире уже должен, как любое родившееся в нём разумное существо. Чтобы начать думать, как аборигены, потребуются еще сутки, плюс еще сутки на то, чтобы начать чувствовать, как они... Дышать и видеть, смотреть, слышать, ненавидеть. И обидеть, и терпеть, и зависеть, и вертеть. Школьная запоминка про неправильные глаголы была для таких, как Лисс, инструкцией по выживанию.

«Я – для этого. Это – для меня», – повторила про себя Лисс любимую мантру одной полусумасшедшей делихонки, которая обучала ее когда-то технике использования кнута на голых спинах и тактике проникновения в заполненные по колено канализационными стоками дворцовые подземелья. Помогала мантра относительно, в зависимости от того, что подразумевалось под «этим», но в данном случае, вроде, работала.

Лисс вступила сквозь полуоткрытые створки ворот в темный промежуток между внешней стеной и стеной замка. Впустивший ее привратник молча указал на входную дверь и растворился в сгущающихся сумерках. Где-то заржали кони. Порыв ветра качнул мутные фонари на столбах. Никаких других признаков жизни столичная резиденция блестящего рода Халемов не проявляла.

Лисс уверенно протопала по булыжнику внутреннего двора. В конце концов, она пришла по приглашению. Иначе как приглашение слова одного из ее стражей, произнесенные на вершине городской стены, понимать не следовало. В мире, где жизнь каждого носящего меч находится на его острие, где верность и немногословность слуг есть залог безопасности господина, где поистине твой дом – это твоя крепость, недвусмысленное указание на расположение столичной резиденции верховного маршала Аккалабата рассматривается только как приглашение. Или как совет, весьма настоятельный. Или как приказ. И то, и другое, и третье одинаково обязательно к исполнению. Тем более, что в данном случае собственные желания Лисс вполне совпадали с навязанной ей внешней волей. Другое дело, что она не ожидала, что эта внешняя воля проявится так скоро и так откровенно.

Миновав еще более темную, чем внутренний двор, и совершенно безлюдную прихожую, Лисс поднялась по лестнице, которая на парадную ну никак не тянула, и окончательно уверилась в мысли, что ее впустили не через центральный вход, а через дверь для своих. На площадке, в неровном огне чадающего светильника обнаружился высокий мечник в черном ораде с низко надвинутым капюшоном. Едва увидев ее, он поднял с пола светильник, развернулся и пошел прочь, разгоняя темноту высоких комнат. Лисс, подхватив полы плаща, почти бегом следовала за молчаливым провожатым.

Они углублялись в бесконечную анфиладу дверных проемов, скользили по колено в тумане по отполированному столетиями каменному полу, сворачивали за возникавшие неожиданно на пути углы и портьеры. Шарахались по стенам и потолку тени – то карлики, то гиганты. Мимо плотно зашторенных окон с широкими подоконниками проходили они, мимо портретов в тяжелых парадных рамах, мимо мечей и кинжалов, в хорошо продуманном беспорядке развешанных по выцветшим гобеленам, мимо холодных каминов, мимо мертвых зеркал, нехотя отражавших силуэты – один мужской в мятущемся черном плаще с тусклым источником света

в руке, второй женский – напряженно-настороженный, пытающийся примерить свой короткий шаг к размашистой поступи спутника.

Еще одна лестница, на этот раз винтовая – и странная пара уже перед массивной резной дверью, увенчанной гербом Дар-Халемов. Уверенная мужская рука толкает створки, плащ отступает в сторону с приглашающим жестом.

Как только Лисс делает шаг вперед, двери за ее спиной захлопываются. Еле слышно входит в пазы щеколда... и так же еле слышно шелестит за спиной голос:

– Мыьыыраааа...

– Ку-ри-ца, – громко и отчетливо произносит действительный член Звездного совета Алиссия Ковальская и, развернувшись, успевает заметить в отблесках живого и жаркого пламени камина выражение детского удовольствия на остроносом лице верховного главнокомандующего Аккалабата.

Часть вторая Коридоры памяти

Глава I. Анакорос

Хьелль Дар-Халем четырнадцать лет назад

Мяч, наконец, покидает высшую точку своей траектории и неторопливо сваливается, минуя блок, в угол площадки. Но еще медленней поворачиваются в его направлении парни на блоке, обтянутые бело-оранжевыми футболками. Игроки задней линии тоже шевелятся как сонные мухи, нелепо вытягивают руки, сомкнутые в замок – кто к той невидимой точке, которую мяч миновал миг назад, кто – по направлению к месту его уже завершившегося падения. . .

– Земля – четырнадцать. Делихон – одиннадцать. Переход подачи. Матчбол.

Хьелль перестал следить за игрой еще в первом сете. Небо без единого облачка, обособившееся высоко над линией горизонта слепящее солнце и почти полное отсутствие ветра – словом, все то, что на Анакоросе входит в понятие «хорошая погода», превращало пребывание на трибунах, заполненных болельщиками разнопланетных землячеств, в пытку. В этом климате даже самый легкий орад моментально нагревался и прилипал к плечам, а накидывать капюшон в эпицентре спортивного энтузиазма было как-то невежливо. Во всяком случае посещение финального матча чемпионата школы по волейболу засчитывалось как отработанные кредиты в учебном блоке «Физкультура и боевые искусства». Именно поэтому Хьелль, привычно ссутулившись, сидел в заднем ряду и судорожно пытался не клевать носом.

Полное отсутствие скорости усыпляло. И земляне, и делихоны казались одинаковыми сломанными манекенами, лишенными всех и всяческих рефлексов, с замедленными движениями и притуплёнными чувствами. Их патологическая неспособность вовремя выпрыгивать на блок, точно принимать подачу, оказываться в нужное время в нужном месте площадки не забавляла, а раздражала. Несмотря на прочитанный в учебнике по ксенофизиологии материал о метаболически обусловленной разнице во времени реакций у представителей разных рас. Так же, как, наверное, скорость реакции самого Хьелля раздражала преподавателей боевых искусств.

Занятия по обычной физкультуре оказались для Хьелля закрытыми в связи с особенностями строения тела, о чем он, впрочем, не жалел. Секции фехтования и рукопашного боя были ему для посещения просто «не рекомендованы». Спецшкола на Анакоросе не могла позволить своим студентам даже заподозрить, что их преподаватели, прошедшие жесткий конкурсный отбор, не были лучшими из лучших в изучаемой дисциплине. А Хьелль успевал проговорить полную фехтовальную фразу за то время, которое требовалось элитным наставникам только для того, чтобы поднять меч. Прочитав список других рекомендуемых воспитанникам школы спортивных достижений, тихо посмеявшись над воображаемой картиной «Я и парашютный спорт» и передернувшись от одной только мысли «Я и подводное плавание», Хьелль поставил крест на этой части учебной программы и предоставил решение проблемы «Он и зачеты по физической подготовке» директору и педсовету.

Матч наконец закончился победой землян: 3–2. Хьелль облегченно вскочил со скамейки. И тут же с тихим стоном опустился обратно. Ощущение было такое, будто по спине хлестнули раскаленной железной цепью. В глазах замелькали крошечные черные червячки. Как можно быть таким дураком и ничего не заметить? Точнее, как он мог быть таким полным дураком: заметить, но не придать значения? Сделать вид, что ничего не происходит. . . Вчера, в столовой, когда относил посуду и неожиданно накатила дурнота и ноги стали ватными. Пришлось прижаться к стене, сделать вид, что он пропускает парочку девчонок с подносами, и пере-

ждать приступ. Сегодня утром, в душе, когда вдруг закружилась голова и в висках тихо-тихо, даже приятно, застучали маленькие ловкие молоточки: тук-тук-туки-туки-тут... мы тут-тут-тут-тут...

Трибуны постепенно пустели, но он все не решался вставать. Если ощущения его не обманывали, то нижний слой орада уже пропитался кровью. Хорошенькое зрелище для рафинированных учеников элитарной школы. Обожаемые однокурсники не успеют добежать до унитаза и откинуть крышку. А уж если показать, что там, под плащом, их хором вывернет наизнанку.

В принципе тихонько по стеночке пробраться в комнату можно. Только бы не капало. Хьелль представил красные пятна на лестнице и влажную дорожку в коридоре, ведущую к его двери, и ему стало совсем плохо. Убраться он не сможет, и без объяснений точно не обойтись. А ему сейчас, точно, не до них. Значит, устроим маленький сеанс самовнушения. Представим, что мы хрустальная ваза. Поташим свою задницу, как редкостный экспонат из Музея космической истории. Из нас ничего не будет ни течь, ни падать – мы доберемся до комнаты и будем страдать там. Молча.

Комната у него, как полагается в Анакоросе, просторная и оборудованная по последнему слову эргономики. Антропоморфной эргономики, естественно, – максимум удобств для двуногих без перьев. По прочим параметрам – никаких ограничений. Стены в книжных полках – для тех, кто предпочитает традиционные носители информации. Элегантная компьютерная консоль – доступ к электронным ресурсам Конфедерации для сторонников современных методов получения и обработки данных. У Хьелля книжные этажи заполнены до самого верха. Но и компьютерная консоль не покрыта пылью, как у угрюмых парней со Сколопакса (им прилагаться к виртуальным источникам знаний не позволяет религия). Правда, его осторожно спросили при поступлении... Он компьютеры тогда видел только в библиотеке у многоуродной тетке, но на всякий случай кивнул головой. Потом не пожалел.

Тут же за стенкой – индивидуальный санблок. Холодильников и термопанелей не предусмотрено – ученики Анакороса не должны отвлекаться на пищу телесную. Кормят централизованно, но с учетом планетных особенностей. Алкоголь под запретом, что Хьелля не удивляет: Анакорос – земная колония, а земляне, когда много выпивают, подвержены странной болезни под названием «похмелье». Поэтому вино считается у них взрослым напитком и в школе полно шестнадцатилетних лбов, которые его никогда не пробовали.

В общем, несмотря на опасения отца, он быстро освоился. Первое время сжимался, конечно, в комок у стены коридора, когда мимо проходила какая-нибудь деле. Боялся задеть, что-то не то сказать, неправильно посмотреть или пошевелиться не как положено. Пару раз даже замирал в полупоклоне, ловя на себе недоуменные взгляды, а однажды чуть не бухнулся на колени прямо посреди лестницы. Такие молодые *деле* бывают только королевской крови – засевший в голову стереотип мешал на занятиях (один раз его попросили передать записку сидевшей впереди девочке, он, краснея, мял ее в кулаке до конца урока, но так и не решился – потом пришлось объясняться с отправителем), в столовой (он так и не научился свободно подсаживаться за стол, если там ели девчонки), на внеклассных мероприятиях (Хьелль посещал только самые обязательные, но и этого хватало потом на неделю). Привыкание к тому, что все здешние *деле* – ровня ему, что к ним не надо относиться ни как к драгоценным сосудам, грозящим разбиться от первого прикосновения, ни как к неумолимым стервам, имеющим полное право распоряжаться твоей жизнью, давалось с трудом. С таким же трудом, как понимание, что здешние *деле* не собираются умирать: никто из них не оседал неожиданно на пол, прижимая руки к захлебывающемуся кашлем горлу, никто не падал и не ломал позвоночник на ровном месте. Они были крепкими и здоровыми. И вскоре Хьелль уже не боялся за них, а за ними наблюдал.

По вечерам на соседнем балконе – девичий клуб. Комнату за стенкой занимает отличница с выпускного курса. Длинные спутанные волосы, этнические серьги в ушах – больше его

кулака, свитера невротических расцветок, в вечном рюкзаке за спиной – полное собрание сочинений по археокультурологии. Больше ни в чем, кроме древностей, принадлежавших давно покинувшему сей мир персонам, специализироваться подобное существо не может. Все остальные выпускники получают дипломы по астронавигации, ксенолингвистике, космоархитектуре. Но два раза в неделю за ней прилетает серфер из Академии косслужбы – она таскается куда-то на индивидуальные занятия. Наверное, в Хранилище редких рукописей.

Статус лучшей выпускницы позволяет соседке смело рассуждать о чем угодно.

– Я ненавижу их, понимаешь. Не люблю и не желаю знать. Они мне кажутся чудовищами из сказки. Не такими, как «Красавица и чудовище». Они никогда не превращаются в принцев. Ни во что не превращаются – остаются и живут, как они есть, со своими щупальцами, вертебральными манипуляторами, эндорецепторами, дорсальными чешуевидными отростками или что там у них имеется.

– Мы здесь тоже все разные. Но одинаковость строения тела решает. За исключением «курицы».

– Ты имеешь в виду?.. (Палец дискретно тычется за спину, по направлению к балкону Хьелля).

– Да. Хотя уровень дипломатической работы, проделанной его папашей, чтобы засунуть сюда это чудо-юдо, впечатляет. Они ведь даже не члены Конфедерации.

После таких не совсем случайно подслушанных бесед на балконе Хьелль берет на себя труд запомнить из разговоров своих однокурсников новое слово – «мыбра».

* * *

Больно. Больно тебе, твоему телу, *твоим отросткам или что там имеется*, как выражается белобрысая мыбра. В голове беснуются огромные боевые барабаны: ттам-тттам-тттам-тттам. От их гулких ударов вибрируют стены, ковер в комнате выползает из-под кровати, забирается к потолку по книжным полкам, падает оттуда бордовыми складками, расплываясь в глазах. Бордовые волны смешиваются с ярко-карминными кляксами на черном фоне. Стук в ушах неожиданно сливается со стуком в дверь. К огромным боевым барабанам присоединились вьедливо звучащие маленькие: тттам-тттам-тттам-таррратттатта-таррратттатт...

Стук в дверь повторяется с садистской настойчивостью. Если смогу встать – убью. Тттам-тттам-таррратттаттта... Не сможешь – не встанешь – не убьешь. Сумасшедшие барабанщики лупят уже по спине – палочками, разрывая кожу и сухожилия, рассекая мышечную ткань до костей... тттам-тттам-таррраттаттта... От барабанного ритма, резонируя, раскалывается балконная дверь.

В осыпающихся осколках стоит Мыбра. Вид у нее недовольный. Губы артикулируют что-то вроде: «Когда прекратятся эти звуки? Невозможно заниматься. Если этот вой – ваши национальные песни, то...» Докончить оскорбительную аллегория Мыбра не успевает. Ее скручивает прямо на балконе.

От этого зрелища Хьелль окончательно перестает что-то соображать. Барабанщики отбивают победный мотив, ярко-карминные кляксы пляшут в глазах, взрывая сосуды. Когда сознание возвращается, Мыбра сидит на корточках рядом и читает. Абсурдность ситуации усугубляется тем, что читает Мыбра инструкцию по применению шпателей, случившуюся в новом чехле с набором для альцедо. На Мыбре очки-транслятор, поэтому можно предположить, что общий смысл текста до нее доходит. Дочитав листовку, Мыбра с энтузиазмом переходит к следующему доступному ей виду печатной продукции – надписям на баночках с мазями. Не обращая никакого внимания на пятна крови по всей комнате и ободранную тушку на кровати, утыкается в каждую этикетку носом, методично отвинчивает крышки, расставляет на полу. Завершив сей процесс, она наконец обращает внимание на то, что находится непосредственно

перед ней. То, что находится непосредственно, явно не доставляет Мымре никакого удовольствия.

– С чего начинать? – спрашивает она, с осуждением поджав губы.

От изумления барабаны затыкаются.

– Мягкая щетка. Пшикни обезболивающим пару раз и ототри засохшие пятна.

Мымра елозит щеткой неумело, но это лучше, чем ничего.

Алиссия Ковальская, действительный член Звездного совета

Когда Лисс было четыре года, она жутко боялась пауков и мечтала стать принцессой.

Когда Лисс стало шесть, она категорически отказывалась смотреть документальные фильмы о как раз в это время случившемся покорении Хирундо, потому что главными действующими лицами в них наряду с землянами были увешанные шматками слюдянистых пузырей подицепсы с полупрозрачным черепом, где переливался всеми цветами радуги жидкий мозг – ментоликид, и волосатыми жабрами. Зато ее невозможно было оторвать от земных и верийских рыцарских романов и восстановленных в формате улучшенного 4D старых сериалов, в которых главные герои читали заклинания по заплесневелым манускриптам, размахивали обоюдоострыми мечами, исподтишка тыкали друг в друга кинжалами, разносили в щебень мосты и донжоны, и все это ради прихоти какой-нибудь правящей королевы, насупленного епископа или охваченного жаждой вселенской справедливости и новых земель благородного сира.

Когда Лисс исполнилось восемь лет, она обожала Гетмана и терпеть не могла неантропоморфный разум. Известный каждому школьнику Конфедерации портрет Гетмана – Алексея Павловича Разумовского, дяди Леша, под руководством которого были осуществлены самые отчаянные и знаменитые межпланетные экспедиции, установлены контакты Земли с иными расами галактики, определившие пути дальнейшего развития Вселенной и облик нынешней Звездной Конфедерации, – висел у Лисс над кроватью. Она старательно вырезала из газет и журналов, распечатывала из астронета интервью Гетмана, подчеркивая в них наиболее понравившиеся формулировки.

Носители неантропоморфного разума все чаще посещали Землю как следствие отчаянных экспедиций и установленных контактов и даже навещались в детский сад Лисс с дружественными визитами. Во время этих визитов Лисс забивалась в туалет в самую дальнюю кабинку, где и тряслась, жалобно глотая слезы, пока союзные подицепсы бодро помахивали жабрами под «Пусть бегут неуклюже...» в исполнении детского хора. Словом, когда дело дошло до школы, родители Лисс, которые заведовали отделениями в госпитале Звездного совета и имели возможность выбирать лучшее для своего чада, единогласно постановили – Анакорос.

Приглашенный на семейный совет для кворума дядя Леша не мог отказать старым друзьям. Не вставая с дивана, он набрал номер директора школы, обо всем договорился, и разговор, как всегда, перешел на общие воспоминания, лучшим из которых, по мнению благоговейно взиравшей на своего героя Лисс, была история о том, как на Хирундо Гетман вытаскивал товарищей по экспедиционному корпусу из куполообразных ловушек, а отец Лисс откачивал их подручными средствами. Подицепсы тогда еще ничем себя не обнаружили, на авансцене ни в каком виде не появлялись и не мешали Лисс наслаждаться героическими эпизодами недавнего прошлого.

Решили пить чай. Детсадовский файлик Лисс все это время валялся на диване, и, пока отец подкатывал поближе к гостю сервировочный столик, а мама суежилась на кухне, раскладывая по вазочкам конфеты и печенье, Гетман по своей вечной привычке уткнулся носом в ближайший доступный фрагмент печатного текста (об этой привычке Гетмана – «читать все, что написано» – ходили легенды, равно как и о том, сколько раз она спасала жизнь ему, его коллегам и подчиненным).

Ближайший доступный фрагмент носил название «Социопсихологическая характеристика» и, помимо всего прочего, без утайки повествовал о категорическом нежелании Лисс водить хоровод вокруг новогодней елочки с воспитанниками детского сада-побратима с Фрингиллы, потому что «те, у кого есть пальцы, могут взяться за руки, а те, у кого нет – пусть найдут себе еще чем заняться». Там же, вперемежку с похвалами аккуратности и усидчивости Лисс, высочайшей оценкой ее недетской серьезности и чувства ответственности, живописались эпизоды похлеще, свидетельствовавшие о недетской же изобретательности Лисс и немерянном упорстве в достижении своих целей (даже если эти цели не совпадали с целями руководства детского садика и Звездного совета вообще). Гетман только хмыкал и чесал в затылке, узнавая все новые способы избежать контакта с нежелательным проявлением разума во Вселенной на территории одного отдельно взятого дошкольного учреждения. Самозаточение в туалетной кабинке выглядело среди них самым безобидным.

Гостя не отрывали от чтения, пока чай не начал остывать. Лисс все это время тишаишим мышонком сидела на ковре, потрясенная первым за восемь лет ее сосуществования в одной галактике с Гетманом проявлением внимания со стороны кумира. Нельзя сказать, что командор Разумовский не любил детей. Напротив, к детям как к «цветам жизни», как к явлению природы он относился весьма позитивно: искренне считал, что им полагается все лучшее, готов был идти в огонь и в воду за подрастающее поколение любой планеты, рискуя собой, спасал жизни, бился до хрипоты в Звездном совете, чуть ли не глотку готов был перегрызть за любой закон, защищающий права детства (против детского монашества на Мхатме, за отмену детского труда на Кризетосе и т. д., и т. п.).

Но с конкретными детьми Гетман общаться не умел. В отличие от молодого японца Такуды, одного из вытасенных и откачанных на Хирундо, который в первый же визит благодарности, как верный конь, до полной одышки таскал на спине принцессу Лисс по саду с бала на бал, на битву со злыми самураями и в гости к Бабе-Яге. Может быть, потому, что у Такуды свои дети были, а у Гетмана не было, но в присутствии маленьких людей Разумовский сам как бы сжимался, замыкался в себе, и его друзья всегда стремились оградить этого большого и сильного человека от неловкости общения со своими отпрысками.

Так и Лисс знала, что с дядей Лешей надо поздороваться, ответить на дежурные вопросы об успехах в детском саду и тихо ретироваться в свою комнату. Туда, где на стене красуется его портрет в командорской форме и куда он никогда не заходит.

Однако в этот раз, прихлебнув холодного чая, Гетман вопросительно приподнял бровь и заговорил с Лисс вовсе не об успехах:

– Лисс, вот я что думаю... Учиться можно и на Земле. Есть отличные школы. У нас было полноценное мрачное средневековье. Осталась куча всего – архитектура, музыка. Тексты. Ты можешь стать прекрасным специалистом по истории Земли. А Вселенная... она не для всех, знаешь ли... Вселенная ведь многообразна. Мы признаем это многообразие, но не всем оно по душе. Не всем оно нужно. Можно счастливо прожить всю жизнь, не встретив ни одного подицепса. Никто не обязан...

– Ага, я знаю. Любить то, что вынужден признавать. Вы это сказали в нобелевской речи.

– Андрей! – прищуренные голубые глаза устремились на хозяина дома. – Твое дитя читало мою нобелевскую речь? Мыши съели все детские книги в этом доме?

– Мой командор, мое дитя помешано на твоих речах и поступках. Мыши ничего не ели. Однако во всех получаемых мною газетах и журналах имеются техногенные повреждения. Детские ручки плюс ножницы, и на месте любого твоего интервью или статьи моментально образуются дырка. Очень ровная дырка, надо признать.

– И куда потом девается обретенный текст? – Гетман не смог удержаться от ироничной формулировки, хотя внутренний голос подсказывал ему, что с детьми так не говорят. Тем более, с хорошими детьми своих хороших друзей.

Лисс иронии не заметила. До нее дошел только непосредственный смысл вопроса. Сам командор Разумовский хочет знать, что она делает со своими вырезками. Всякому, кто видел Лисс в следующий момент, значение поговорки «Одна нога здесь – другая там» стало бы совершенно понятно. Гетман не успел протянуть руку к вазочке с печеньем, как в этой руке оказалась толстая тетрадка. С вырезками.

К тетрадкам, да еще толстым, Гетман питал ностальгическое уважение. Если бы Лисс использовала в качестве хранилища своих сокровищ пластиковую папку с прозрачными файлами, цифровую карточку или новомодный омниридер, скорее всего, сей предмет удостоился бы только снисходительного кивка. Вопрос задан – ответ наглядно продемонстрирован: вырезки не выкидываются в мусорный ящик, а хранятся и систематизируются, чего же еще?

Но толстую школьную тетрадку Гетман не мог не открыть. Он и открыл. И тут же забыл про печенье.

Он вообще про все забыл. Вырезки не просто хранились и систематизировались. Они были размечены разноцветными маркерами. Уже на пятой странице Гетман знал, что значит каждый цвет. Зеленый – Лисс согласна, красный – не согласна категорически, серебристый – «Разумовский – гений!», желтый – «Был не в себе, сморозил глупость», голубой – «будем подумать». Разобравшись в систематическом разноцветье, Гетман сосредоточился на зелено-серебристой гамме. Хозяева вежливо делали вид, что пьют чай: обычно такое лицо у командора бывало в рубке корабля, заходящего на посадку туда, где их, точно, не ждали. Лисс пребывала на небесах.

Спустя полчаса первым не выдержал хозяин дома:

– Алеш, я за тобой не замечал мании величия прежде. Такое упоительное чтиво? Или там, правда, что-то интересное?

– Да, видишь ли... – Гетман потер виски и сложил руки на груди, решительно откинувшись на спинку дивана. – Если я правильно понял твою дочь...

И встретив встревоженный взор матери Лисс, внезапно расхохотался.

– ...То вы поставили совершенно верный диагноз. Это, без сомнения, Анакорос. Документы я сам завезу. Все равно лечу туда читать лекции. Заодно и поговорю с директором.

Бросив детсадовскую папку в портфель, Гетман наклонился вперед, неожиданно потрепал обомлевшую Лисс по макушке и доверительно добавил, непонятно к кому в комнате обращаясь:

– И им еще очень-очень повезло.

Родители Лисс переглянулись: если командор считает, что их девочка способна осчастливить даже такое эксклюзивное учебное заведение, то, пожалуй, волноваться больше не о чем.

С Земли на планеты, подобно Анакоросу, находящиеся ближе к внешнему кольцу Конфедерации, обычно посылали учиться своих отпрысков те родители, которые хотели, чтобы будущее их детей было связано с работой на Звездный совет и путешествиями за пределы земной орбиты. Общеобразовательная школа на Анакоросе была устроена по земному образцу с добавлением ряда предметов, увеличивающих шансы выпускников на поступление в Космоакадемии, навигаторские школы, военно-дипломатические корпуса – всю богатую гамму учебных заведений, обеспечивавших безукоризненное функционирование политического, торгового, исследовательского механизмов Конфедерации.

Соответственно, учились на Анакоросе в основном земляне, хотя принимались и дети с других планет. Единственным ограничением, помимо способностей выше средних, была антропоморфность – то есть, грубо говоря, человеческий облик. Никаких щупалец. Глаза на лице, а не где попало (наличие лица как такового тоже предполагается). Ноги в количестве не больше двух являются нижними (ниж-ни-ми! а не боковыми или задними) конечностями. И ноги, а не лапы. Не плавники. Отсутствие каких-либо конечностей даже не обсуждалось. Твердое тело определенной формы (Лисс не собиралась сидеть за партой с растекающимся

во все стороны пятнистым желе, пусть даже оно является высокоразвитой разумной формой жизни на каком-нибудь Галлинаго). Короче, мы за многообразие форм разума во Вселенной. Но во Вселенной, а не в одной отдельно взятой спецшколе.

Разумеется, «ксенофобия, недопустимая в условиях всеобщего братства и межпланетной солидарности, не должна иметь места и среди учеников элитного учебного заведения» (из программной речи Главы попечительского совета школы 1 сентября 25 года Конфедерации). Поэтому получение зачетов по «ксенологии» (у кого сколько щупалец, где голова у желе, чем слышат подицепсы, если у них вместо ушей жабры, и прочая костюмерная к замшелым фильмам про пришельцев конца XX века) и по «ксенотолерантности» (слюни и сопли на тему равенства и братства щупалец и желе) было в Анакоросе обязательным.

Для зачета требовалось пятьдесят кредитов. У Лисс были абсолютно высшие баллы на курсе по всем предметам, так что педсовет решил не портить картину и лично директор недругнувшей рукой исправил в ее файлах сорок один по ксенологии и тридцать по ксенотолерантности на необходимые пятьдесят. За год до окончания школы лучшая выпускница будущего года могла вздохнуть спокойно: больше никаких паукообразных, желевидных и змееподобных разумных форм на ее внимание не претендовало. Впереди был факультет археокультуры в университете и интереснейшая работа в каком-нибудь исследовательском центре: расшифровка старинных свитков, реконструкция древних поселений, реставрация артефактов давно исчезнувших племен и народов.

Коррективы в жизненную программу Лисс внес явившийся на каникулах на дачу к ее родителям Гетман. Выглядел он ужасно замотанным: Звездный совет все еще расхлебывал последствия беспорядков на Кризетосе – искусственной планете внешнего кольца, служившей базой отдыха для спецназа Конфедерации – военных частей, которые можно было бы назвать отборными, если бы слово *отпетые* не напрашивалось само собой.

Отпетые головорезы, высланные за не подлежащее уголовному наказанию, но социально опасное поведение со своих планет. Наемные убийцы из тех секторов Конфедерации, где это мастерство еще процветало и оплачивалось. Просто молодые парни, не нашедшие в жизни лучшего призвания, чем военное ремесло. Наконец, выпускники военных академий и корпусов со всей галактики. Все они, сбитые в один кулак жесточайшей дисциплиной, были непобедимым оружием Конфедерации и ее же часовой бомбой.

Вступая в ряды спецназа, каждый – от солдата до капитана – знал, что тем самым он сводит до минимума доступную ему в свободное от работы время часть галактики. Даже после выполнения миссий спецназовцам разрешалось отдыхать, лечиться, а выйдя на пенсию – проживать не более, чем на десятке из почти сотни планет, составлявших Конфедерацию. Люди, убивающие за деньги, должны быть отделены от людей, считающих убийство преступлением – следуя этому принципу, Звездный совет ввел запреты на место жительства, на профессию (вы ведь не хотите, чтобы в кафе у фонтана работал официантом парень, который за две минуты может изготовить сильнодействующий яд из общедоступных компонентов и ввести его жертве так, что не останется ни малейшего следа?), на гражданское состояние (браки спецназовцев с гражданскими, проживающими вне планет, открыто одобряющих создание таких семей, запрещались).

Откровенно говоря, нормально жить между миссиями эти ребята могли только на Кризетосе и Рипарии. Поэтому совершенно непонятно, зачем нужно было плевать в колодец и устраивать ту самую заваруху, которую всю первую половину лета разгребал Гетман.

Тем не менее он явился на дачу, причем в день рождения Лисс.

За девять лет школы она его толком не видела: в Конфедерацию вступали все новые и новые планеты, торговые и дипломатические отношения завязывались и разрывались, во внешнем секторе сторел верийский крейсер новейшей постройки, который как раз хотели поставить на вооружение боевых подразделений Совета... в общем, Гетман был занят, и его общение с

Лисс, как и прежде, ограничивалось дежурными вопросами о школьных успехах. О тетрадке с вырезками он словно забыл.

Но в этот раз, когда Лисс азартно рубила овощи для барбекю, воображая себя, по крайней мере, на поле Куликовом (чтобы интересно было) и кровожадно повизгивая по-самурайски (прошлым летом научил Такуда, параллельно притащивший целую охапку кунаев и сюрикенов, продемонстрировавший технику броска и оставшийся своей ученицей сильно довольным), Гетман возник из ниоткуда у нее за спиной и поинтересовался у горки очищенных кабачков:

– Ты грести умеешь?

Лисс посмотрела на кумира очумелым взглядом: Гетман ее мечты, конечно, не мог всерьез предполагать, что при наличии Ладожского озера под боком и двух очумелых байдарочников в доме, дочь этих байдарочников может не уметь грести. Но вопрос был задан, поэтому Лисс коротко кивнула и сосредоточилась на рубящих движениях правой. Гетман пару минут понаблюдал за скорбными событиями в личной жизни кабачков и баклажанов и сообщил:

– Здорово.

Видимо, очень плохи были дела на Кризетосе. Хотя, честно говоря, Лисс было все равно, что заслужило одобрение Гетмана ее мечты: факт ее умения грести или скорость, с которой она справлялась с кабачками и баклажанами. Портрет командора по-прежнему висел у нее над кроватью.

Поэтому поступившее еще через две минуты предложение прогуляться к озеру и посмотреть, что там с лодками, Лисс приняла благосклонно.

Ни на каких лодках они, конечно, никуда не поехали. Выйдя на берег, Гетман опустился на песок, жестом указав Лисс место рядом с собой. Сорвал одинокую травинку, торчавшую неподалеку, зажал ее между зубами и уставился на Лисс как на подицепса.

– Значит, все-таки археокультуры... Андрей мне сказал.

– Да, мне же всегда хотелось... А отделение есть и в Москве, и в Питере.

– Ты сможешь выбирать?

– Выпускников Анакороса они отрывают с руками. А я кончаю в первой тройке.

– Почему не в первой единице? – усмехнулся Гетман, покусывая травинку.

– У меня высшие баллы по всем дисциплинам и еле-еле проходной по ксеноблоку. Знаете, там, где рассказывают, как важно знать и любить щупальца.

– Ага. И душевно благодарить за клейкую паутину, которой тебя обматывают с ног до головы в знак признания твоих заслуг перед Правительством Галлинаго.

– Не надо, – взмолилась Лисс.

– Ну, знаешь. Мы диалектику учили не по Гегелю. Я могу внести предложение?

– ???

– Сначала вопрос. И попытайся ответить на него максимально серьезно. Твой интерес к прошлому, к ушедшим эпохам – это интерес к древностям, к предметам, артефактам, оставшимся от дней давно минувших, или к людям, которые жили тогда и из которых получились мы теперешние? Словом, когда ты держишь в руках самурайский меч или разглядываешь ветхую бахромку какого-нибудь средневекового платья – тебя интересует, как и из чего это сделано или что думал человек, который это сделал, за что шел в бой воин, убивавший этим мечом, как жила, любила, смеялась и плакала женщина, носившая это платье?

– Вы некорректно ставите вопрос, дядя Леша. Первая задача выполнима: у нас есть, по крайней мере, лаборатории для определения химического состава. Мы можем сейчас с точностью до молекулы восстановить любое живописное полотно, скажем, XVII века. Вторая задача нереальна. Даже отдельный человек за свою жизнь проходит слишком большой путь, чтобы помнить себя прошлого. Я не уверена, что при виде розы средневековый трубадур испытывал те же чувства, что и мы сейчас. И что он понял бы и одобрил мои впечатления от чтения его стихов. Это невозможно смоделировать. Да и незачем.

Лисс смутилась. Она не привыкла к тому, чтобы человек, которого ее отец чаще называет «мой командор», чем по имени, смотрел на нее так внимательно и серьезно. Гетман, вероятно, понял это, отвел взгляд, устало помассировал кисти рук, на которых после Хирундо не проходили следы от ожогов, и продолжил:

– Это ты некорректно отвечаешь. Трудность поиска предмета не означает его отсутствия. Я спросил тебя не о сравнительной реализуемости той или другой программы исследований, а о том, чем тебе действительно хотелось бы заниматься. Одно дело, если эпоха, культура, цивилизация выглядят для тебя как матрицы артефактов. Скажем, в истории Земли XIII век – это время, когда строили готические соборы, ездили на конях, бились на мечах, писали на пергаменте и восковых дощечках, использовали для освещения свечи и масляные лампы и т. п., а начало XIX века – это у нас в России ампир, рококо и барокко, «вот пистолеты уж блеснули, гремит о шомпол молоток», помнишь у Пушкина? Но с освещением ничего практически не изменилось – те же свечи и масляные лампы, только посовершеннее. Если тебя интересует это, то факультет археологии – то, что надо. И я остаюсь при своей точке зрения, что ты их осчастливишь...

– Откуда вы знаете?

– Я, видишь ли, узнавал о твоих успехах не только по твоим дежурным рапортам: «из английского – пять, из геометрии – пять».

– Из английского? Почему не «по английскому»?

– Так говорили в дореволюционной России. Учи матчасть, Лисс.

– Вы ушли от темы.

Сообразив, что она сейчас ляпнула Гетману своей мечтой, Лисс покраснела до кончиков ушей. Он не заметил или сделал вид что. Выбросил полусжеванную травинку, расслабленно откинулся на локти.

– У меня есть еще одна точка зрения, с которой мне не хотелось бы распрощаться. Ты слышала когда-нибудь такую еретическую гипотезу, что наши самые сильные идеи обладают физической формой... имеют цвет, вес? Вот моя точка зрения окрашена в зеленый и серебристый. Лисс, я очень внимательно прочитал тогда ту тетрадку. Тебя не интересуют сокровищницы и гробницы мертвых вещей, девочка моя. Ты хочешь знать, как устроены люди, отчего им бывает хорошо или плохо, почему они радуются или огорчаются, как сделать их счастливее.

Лисс не знала, куда деваться от смущения. С одной стороны, ясно, что по ее адресу говорится сейчас нечто весьма лестное, но вот уверенности в том, что командор Разумовский абсолютно прав, у нее не было. Удивительно, что побывавший в стольких межпланетных передрягах и куда лучше, чем она, знавший людей и не-людей командор видел вещи так односторонне. Она не собиралась никого *делать* счастливее.

Лисс вообще не считала, что так называемые медиевальные, или «сумрачные», цивилизации, будь их пресловутая средневековость лишь кратковременным этапом развития, как когда-то на Верии, или единственно известным способом существования культуры на данной планете, как на Мхатме, нуждаются в чем-либо вмешательстве. В плащах и кинжалах, благородных королях и императорах-узурпаторах, в гигантских арбалетах, сокрушающих крепостные стены, и стрелах, летящих из узких бойниц потемнелых донжонов, в тяжелых доспехах рыцарей и невесомых шлейфах придворных жеманниц, в минимальном уровне бытовых удобств и обостренной опасности для человеческой жизни – во всём, что в том или ином наборе составляло специфику любой средневековой культуры, Лисс видела нерушимую гармонию, привлекавшую ее своей кажущейся непрочностью в эпоху межзвездных крейсеров и лазерных пушек и в то же время удивительной, искренней, пронзительной жизнеспособностью.

Она хотела не просто *знать*, как устроены люди, рождающиеся не для службы, а для служения и умирающие не за демократические идеалы, а за благосклонные взоры прекрасных

дам или кусочек священной земли. Она хотела бы почувствовать мир их кожей, увидеть его их глазами, ощутить сама, что значит быть одним из *oratores, bellatores, laboratores*.

Наконец, Лисс казалось, что техномедийные цивилизации, подобные земной, карабкаясь по лестнице прогресса, не только приобретали, но и теряли что-то очень важное, пусть и не всегда очень хорошее. Недостойные гражданина Земли, сидящего за штурвалом космокрейсера или манипулирующего клавиатурой сверхмощного компьютера, презрение, страдание, отчаяние, обожание были брошены на ступеньках этой лестницы, а их место заняли уважение ко всему живому, сочувствие ближнему, вера в будущее, но Лисс чувствовала себя обокраденной.

Примерно это она и изложила Гетману своей мечты, путаясь и запинаясь, стараясь избежать любых намеков на то, что он неправильно ее, восьмилетнюю, понял. Гетман лежал на спине и увлеченно рассматривал облака. Когда Лисс замолчала, уверенная, что мысль изреченную ей до адресата донести всё равно не удалось, он снова приподнялся на локти и обиженно проговорил:

– Ну вот. Живешь так, живешь, привыкаешь, что на работе точность и ясность, а с детьми можно расслабиться... а деть выросла. И поставила, видите ли, на место зарвавшегося командора, безответственно относящегося к словам. Ты прости, Лисс, я что-то, действительно, сегодня некорректно формулирую. Я имел в виду, не *переделывать*, а ровно то же, что и ты...

У Лисс от удивления открылся рот. При следующих словах Гетмана она захлопнула его так сильно, что потом долго дула на припухший язык.

– Лисс, мы открываем новый набор в университете. Хотим готовить уникальных профессионалов в весьма нетрадиционной области. Тебе понравится, – уверенно заговорил Разумовский, явно получив удовольствие от произведенного впечатления. – У нас, правда, интерес чисто утилитарный. Звездный совет за последние годы уже не раз упирался в одну и ту же проблему. У нас нет специалистов по контактам с культурами, внешне похожими на нас, землян, но отличающимися по системе приоритетов, моральным установкам, восприятию мира, по ощущению себя в этом мире...

Экспертов по подицепсам и галлинаго у нас как собак нерезанных. Работа не бей лежащего, я тебе скажу. Потому что в ментоликиде подицепсов и мозговом желе твоих любимых оранжевых персонажей с Галлинаго происходят те же процессы, что и у нас в голове. Там так же записано «Не убий, не укради, не возжелай...» В семье, конечно, не без урода. Но стандарт нравственности и принципы приемлемого поведения едины.

У нас с подицепсами одинаково начинают трястись от гнева руки и волосатые пузыри, когда мы слышим о ситийских шахтах, где десятилетние дети умирают от голода и болезней. От сообщений о том, чем занимаются на Кризетосе в свободное от работы время наши долб... доблестные десантники, у меня палец тянется к спусковому крючку и волосы встают дыбом, а у председателя Галериды, по-нашему – Парламента, на Галлинаго желе кипит и идет рябью на всей поверхности тела. И это говорит об одном: нам отвратительно, неприемлемо, мучительно одно и то же. И одно и то же близко и понятно. Если бы ты меньше сидела в детсадовском сортире, когда приезжали подицепсы, ты бы сама уже это знала.

Лисс возмущенно хмыкнула, но спорить не стала. Мог возникнуть вопрос о том, где она просидела все занятия по ксенологии в колледже.

– Ты слышала подицепскую музыку? Которую они сочиняют и извлекают органами, совсем не похожими на наши. Те же ноты, те же тональности, те же законы композиции и мелодики. Только система записи другая. Я плакал на Хирундо, когда они хоронили своих погибших под звуки чего-то до боли напоминающего Адажио Альбинони. Идея вытащить нож и всадить его при всем честном народе между ребер сопернику в борьбе за любовь прекрасной дамы так же далека от подицепса (хотя у них не ножи, а нечто вроде серпов с пилообразной заточкой), как от нас с твоим папой. Зато вполне себе человекоподобный ситиец проделает это и глазом не моргнув. Я не говорю про лордов Дилайны, которые одной рукой тебе будут нали-

вать чашу дружбы, а другой – шелковый шнурок на шею накидывать без каких-либо угрызений совести, просто в силу исторической целесообразности: пришло в голову Ее Величеству правящей королеве, что без землян как-то покойнее было на планете, и по мановению руки ея...

Короче, нам нужны люди, для которых все эти выверты и кульбиты догуманистической, как мы ее теперь называем, морали, будут чем-то саморазумеющимся. Люди с принятием сумрачной психологии, а не просто со знанием ее. Люди, которые будут не просто понимать привычки, стимулы, цели, стремления, управляющие жизнью в средневековых сообществах, но смогут жить в них, воспринять их как свое и действовать соответственно.

Например, если тебе – я говорю сейчас гипотетически, Лисс – придется на Мхатме или Сколопаксе присутствовать при попытке заложника или шпиона... Тамошние политические лидеры – Носитель Эбриллитового Венца и Великий Жрец, соответственно, обожают потчевать инопланетных дипломатов этим неаппетитным зрелищем в знак своего добросердечного расположения. Это еще заслужить надо, Лисс! И вот представь: они собираются пытать шпиона с Хортуланы, а нам позарез нужна информация, которую они будут из него вытягивать раскаленными щипцами и дыбой. Причем сами Носитель Венца и Великий Жрец не должны даже догадываться, насколько нам эта информация необходима, так что отказаться от посещения развлекательного мероприятия и потом «просто попросить» протокол допроса мы не можем. А там не только щипцы и дыба... У 99 процентов наших дипломатов случится культурный шок и приступ тошноты уже на входе в пыточный подвал Мхатмы. Поверь, он у них роскошный, одна кровавая слизь на стенах чего стоит. Сантиметров десять толщиной. А нам нужен...

– Вам нужен... – отозвалась Лисс, слушавшая описание далеко выходящих за границы земной нормальности обычаев мхатмианского двора, как замороженная. – Человек, который искренне выразит Носителю Эбриллитового Венца глубокую признательность по поводу приглашения, отсидит всю процедуру с горящими от восторга глазами и криками «Давай, давай!», не хуже самого Носителя, и, укрепив таким образом дружбу и взаимотолерантность, вернется еще и с бездной полезной информации.

– Верно говоришь, – кивнул Гетман.

– Вот только я не совсем представляю, как будет относиться к нашему скромному герою не менее скромный чиновник здесь на Земле, который из упомянутых вами 99 процентов, который, получив эту информацию, будет знать, каким способом она добыта. Он по файлам мышкой повозит и уже пойдет руки мыть. От культурного шока и приступа тошноты отмыться. А встретив в коридоре – отвернется.

– А если благодаря этим разведанным, Лисс, мы спасем жизни сотни мирных граждан? Успеем их засунуть в тяжелый крейсер и поднять со спутника за пять минут до того, как Сития начнет жечь его лазерами? Или если на основе полученной информации мы за руку поймем какого-нибудь психа-одиночку, запустившего свои лапы в нашу энергосеть? Такие случаи были, Лисс. Но в полном смысле слова – случаи. Слу-чай-ны-е. Мы не можем больше полагаться на удачливых одиночек, составляющих тот самый один процент. Мы Бабу-Ягу вырастим в своем коллективе. И ты годишься. Считай это официальным предложением.

Лисс скорчила рожу, которая показалась ей настолько подходящей для кандидатки в Бабу-Яги, что пришлось даже сходить к воде, уже по вечернему темной и неподвижной, и полюбоваться на свое отражение. Гетман терпеливо ждал. Морду Лиссего лица он оценил и дал возможность понаслаждаться эффектом.

– А вы не боитесь? – неожиданно спросила она.

– Этого? – командор на удивление легко скроил такую же страшную физиономию. – Нет. Сказал уже: меня больше тревожат гораздо более гладкие морды, за фасадом которых роятся страшные черные тараканы.

– Все на борьбу с насекомыми в голове? – Лисс снова уселась рядом с Гетманом.

– Не на борьбу. На познание. Долгие и серьезные отношения. Свой среди чужих, понимаешь ли... А чтобы наши уникальные специалисты не превратились в изгоев в своих высококоразвитых и высокоморальных обществах, придется все делать тихо-тихо. Другого способа я не знаю. Повышенный уровень секретности операций. Это время. Но. Ты увидишь миры, в которые иначе доступ тебе будет закрыт, прикоснешься к таким знаниям и артефактам, о которых большинство земных историков и даже астрокультурологов мечтать не смеют. И никаких подицепсов! – швырнул на чашу весов Гетман последний аргумент. – Лады?

– И сколько нас там таких будет, однопроцентных?

– Значит, лады, – усмехнулся Гетман. – В первом наборе... ты одна. Но пестовать тебя будут лучшие из лучших, по сравнению с некоторыми из них я, вообще, нигде не был.

– Это как?

– Ну, практически не выходил с планеты Земля. Провел жизнь под ковром в ученом кабинете. Махровый «матрасник».

– Кокетничаете.

– Увидишь. Экзаменов не будет. Будущие преподаватели специальных дисциплин просто на тебя посмотрят.

– Боюсь представить.

– Такуду боишься, например?

Лисс широко улыбнулась:

– Такуду – нет. Но вы ведь не по сравнению с ним «махровый матрасник», как я догадываюсь. Интересно будет увидеть других.

– Значит, договорились? – Гетман протянул ей руку и помог встать. Рукопожатие, скрепившее их договор, приобрело тем самым вполне утилитарный характер.

Она первая пошла от берега к дому.

– Лисс, еще. У меня есть к тебе одна просьба, – самые важные слова Гетман всегда предпочитал произносить в спину собеседнику, чтобы тот сделал усилие повернуться и лучше запомнил сказанное.

– К вам в школу придет в этом году новый мальчишка. Меня попросили... Ты присмотри за ним, ладно, а?

– Он нуждается в моем присмотре?

– Вряд ли. Но ты все-таки присмотри. Директор ради меня пошел на несколько свободное толкование правил приема.

– Говорящее желе с Галлинаго?

Гетман долго молчал. Лисс успела даже испугаться, что ее шутка оказалась правдой.

– Нет. Птероантроп с Аккалабата.

– Оxxx.

Отец Лисс приветственно помахал рукой, сидя на березовом бревне возле шашлычницы.

Глава II. Жизнь оказывается богаче, чем представления о ней. У всех

Лисс четырнадцать лет назад

Явление курицы не вписывалось в жизненные планы Лисс никаким боком. Тем не менее оно, как и предупреждал Гетман, произошло. Курица была определена на шестой курс, вселилась в соседнюю комнату, которую острые на язык старшекурсники тотчас же прозвали инкубатором, и начала ходить по тем же коридорам, лестницам и библиотечным залам, что и Лисс. Единственным, что делало пребывание курицы по соседству терпимым, был раздел про Аккалабат из планетного классификатора, несмотря на скудость информации, позволявший наде-

яться на столь любезные Лиссему сердцу мечи и кинжалы, придворные заговоры и междусобные войны, шитые золотом знамена и выцветшие от времени гобелены.

Всем сердцем сожалея, что оружие у курицы отобрали (оставили бы хоть кинжальчик, чтобы можно было дожидаться, пока какой-нибудь жлоб толкнет несуразное пернатое в коридоре, и полюбоваться на последствия), Лисс даже пробралась в спортзал на отбор в фехтовальную секцию, чтобы оценить боевую составляющую аккалабатской медиевальной цивилизации в действии.

Действо получилось не впечатляющим. Желавшие заниматься с нуля демонстрировали общую физическую подготовку и крутили тестовые тренажеры. Новички, обладавшие уже хоть каким-то опытом, выбирали оружие и сражались с инструкторами, получая затем либо отказ (общим принципом Анакороса было «учить студента тому, к чему у него есть способности, и не заставлять прыгать выше головы»), либо распределение в ту или иную группу: рапира, верийский меч, сабля, катана... некоторых названий не знала даже Лисс.

Кур просидел, сгорбившись под черным плащом на лавочке, почти до конца испытаний, внимательнейшим образом разглядывая то свои ногти, то потолок физкультурного зала, то разметку пластикового пола. Напоминал он даже не курицу, а усталую, утомленную жизнью ворону. Для усугубления впечатления в какой-то момент он извлек из своих длинных волос темную прядь и, скосив глаза, намотал ее на нос. Потом размотал, потом намотал опять... Когда до него дошла очередь, как-то очень тихо поднялся, сдул с носа намотанную прядь и прямо в плаще установился на фехтовальной дорожке, по пути, почти не глядя, прихватив себе с тумбы с оружием верийский клинок, больше всего напоминавший китайский прямой обоюдоострый меч.

Вид этой фигуры, замотанной от шеи до пят в бесформенную хламиду, с выступающими контурами на манер горба за спиной и каким-то потерянным выражением лица, без слов сообщил, что все медиевальные цивилизации – лузеры. Вот только ни один из проводивших отбор тренеров не сделал куру замечания за ненадетую защиту, не стал задавать вопросов об имеющемся опыте фехтования и вообще не спешил начинать тестирование. Образовав плотную кучку в дальнем углу зала, тренеры вступили в бурную дискуссию, сопровождавшуюся активной жестикуляцией, самым узнаваемым в которой был земной жест пальцем у виска. Кур все это время молча стоял посередине зала, только меч переложил из руки в руку, словно в размышлении, а как вообще его держать. Наконец, старший тренер, верийский мастер оружия с гладко выбритым черепом и холодными глазами на безбровом лице, выбрался из кружка коллег.

– Прошу всех лишних очистить помещение, – сообщил он, прокашлявшись.

Возмущенные зрители загудели. Лисс встала и нарочито медленно стала поправлять лямки рюкзака, прислушиваясь к тому, что происходило вокруг.

– Два раза повторять не буду! – с нажимом рявкнул вериец.

– Мне тоже покинуть? – неожиданно обрета волю к жизни, заинтересовался кур.

– Да нет. Если ты, конечно, видишь смысл здесь оставаться, в чем я сильно сомневаюсь. Во всяком случае лично я буду благодарен, если ты останешься. О занятиях, разумеется, не может быть и речи, но небольшой спарринг...

– Буду рад, – кур окончательно пристроил меч в левой руке. – Наверное, вам надо взять кинжал. Или тесак какой-нибудь. Или второй меч. И... вы же не по одному будете нападать, правда?

– Не думаю, что для тебя это имеет значение.

– Не имеет. Но у вас, по крайней мере, будет ощущение схватки. Иначе все слишком быстро закончится.

Дальше оставаться в зале было уже невозможно, к дверям тянулись последние из уже прошедших отбор и сочувствующих. Лисс тоже пришлось отступить. Последнее, что она успела

увидеть в проеме закрывающейся двери – все четверо инструкторов, в полной защите, выстраивались в боевом порядке напротив замотанного в плащ кура. Кур наматывал прядь волос на нос.

* * *

– Простите! Извините, пожалуйста!

Лисс, балансируя стопкой учебников, задержала руку с цифровой карточкой в сантиметре от замочного слота.

– Я не могу открыть дверь.

Вид у курицы, нарисовавшейся в углу поля зрения, был обескураженный.

– Я засовываю эту карточку в щель, как обычно. И никакого результата. А на вахте внизу никого нет...

Челку, закрывавшую пол-лица, ему наконец удалось откинуть набок и устремить на Лисс оба жалобных темно-карих глаза.

– Ты ее с коммуникатором рядом держал? – Лисс вспоминает о данном Гетману обещании и нагибается, чтобы пристроить книги у стенки. Кур устанавливается рядом на колени и помогает. Потом так и остается, смотрит непонимающе снизу вверх.

– У меня нет коммуникатора.

– Поразительно. Бегаешь звонить из учебной части? Чудеса медиевальной экономии?

– Мне некому звонить. Коммуникатора у меня нет. А дверь не открывается.

Куру, судя по всему, удобно сидеть так, на коленях. А Лисс чувствует себя идиоткой. Тем более, что к ногам почти прикасаются пушистые перья, скрытые под орадом.

– Ты, конечно, комфортабельно устроился возле моей двери, но... может, все-таки встанешь и пойдем вместе попробуем.

Кур благодарно кивает и вскакивает на ноги. В руках у него рюкзак с эмблемой Анакороса, какие выдают при поступлении, под мышкой иллюстрированная энциклопедия «Все о собаках». Бежевая плюшевая собачка пристегнута карабином и к застежке рюкзака. Так обычно носят девчонки, но куру, очевидно, все равно.

– Собак заводить нельзя. Администрация не разрешает, – глубокомысленно замечает Лисс, перемещаясь к соседней двери.

– Я и не собирался. Мне они просто нравятся. А вас как зовут? – Кур осторожно рассматривает ее из-под вновь свесившейся челки, отступает назад, сохраняя безопасное расстояние.

– Нас зовут Лисс. Можешь не представляться. Ты Хьелль Дар-Халем, я знаю, – она вытаскивает из протянутой руки карточку и засовывает ее в слот. Выждав положенную секунду, вытягивает обратно. Загорается зеленая лампочка. Лисс оборачивается к Куру и выжидательно смотрит.

– Ой, спасибо, – ничуть не смущаясь, говорит Кур. Он улыбается с искренней благодарностью. – Я, наверное, что-то не так делал.

– Ты слишком быстро вынимаешь карточку, после того как ее вставил. Просто скажи про себя «раз, два, три» и вытягивай. Дверь и откроется... – неожиданно для самой себя тоже улыбается Лисс. В мальчишке нет ничего отвратительного. Даже когда он стоит так близко. Пожалуй, первая часть в слове «птероантропы» занимает гораздо больше места, чем птичья составляющая в реальных особях.

– Ты на фехтование-то ходишь? – Лисс вспоминает, что ее просили «присмотреть», и задает функциональный вопрос.

Кур неожиданно улыбается еще шире.

– На фехтование? – похоже, она спросила что-то действительно очень смешное. У него все острое – скулы, выпяченный подбородок, нос, свисающие кончики волос, обтянутая тем-

ной тканью линия крыльев за спиной, даже губы тонкие, будто острые... и необыкновенно обаятельная улыбка.

– Спасибо, – еще раз повторяет Кур. Лисс замечает, что она все еще стоит, загораживая ему проход, и отступает в сторону. Он смотрит на нее, словно собираясь еще что-то сказать, но она уже, сделав рукой «пока-пока», удаляется в сторону своей двери.

* * *

В зимние каникулы она рапортует Гетману, что птероантропное существо подвида «кур аккалабатский» в колледже прекрасно прижилось, проблем не имеет и не создает, в техномедийные условия органично вписалось, а если и мучается в жару в своем вечном ораде (название черного балахона она извлекла из толстого справочника «Одежда народов Вселенной»), то это пренебрежимая мелочь.

А через четыре дня после возвращения Лисс с заваленной снегом Ладоги на субтропический Анакорос из соседней комнаты доносятся такие хлюпающие и воющие звуки, которым могла бы позавидовать Гримпенская трясина. Стучать кулаком по стене Лисс считает ниже своего достоинства, поэтому она выходит в коридор и стучит в дверь.

Из-за двери слышится шебуршение, нечленораздельные стоны, царапанье и треск разрываемой ткани, стук, будто падают со стола какие-то банки-склянки... Лисс представляется, что такой набор звуков мог бы произвести голодный какаду-убийца, случайно выпущенный из клетки на разорение квартиры, где с ним из рук вон плохо обращались. Даже жалкие крупицы информации, нарытые в астронете, говорят о том, что дары Аккалабата не могут организовывать подобную какофонию. Даже двенадцатилетние дары. Ну не душат же его и не режут, в самом деле? Хотя с них там станется, на феодальном Аккалабате. Попугай-убийца превращается перед мысленным взором Лисс в средневекового асессина с мордой, изрытой оспинами, в покоцанном капюшоне.

С явным намерением положить конец всем внешним раздражителям и предотвратить преступление, мешающее семи страницам ее выпускного реферата по астролингвистике превратиться в требуемые пятьдесят, Лисс возвращается в комнату, перелезает через поручни, отграничивающие ее балкон от соседнего, заглядывает в стеклянную дверь...

Платить за разбитое стекло она не собирается: ни открыть дверь снаружи, ни докричаться до этого пернатого идиота сквозь стекло не представлялось возможным.

* * *

Закатное солнце опускается над крышами Анакороса, и лучи его, проникающие сквозь открытую балконную дверь, окрашивают серые перья светло-розовым. Лисс сидит на кушетке, опершись спиной об стену, и редактирует реферат.

Ручка скользит и продавливает бумагу, потому что между коленями Лисс и стопкой бумажных листов находится чужая спина с пушистыми крыльями. Сгонять спину не хочется, она так уютно пристроилась, поэтому Лисс, хотя и хмурится, но продолжает работать как есть. Спина, в свою очередь, явно старается не дышать.

– Эй, ты живой там... пернатое?

– Угу. Ты занимайся, ты мне не мешаешь.

– Нахал.

– Угу.

Несколько минут тишины. Ручка поскрипывает по бумаге, Лисс шуршит, перекладывая последний на сегодня лист.

– Сейчас вычешемся еще, и баиньки.

– Угу.

– Я подарю тебе словарь языка Конфедерации. В нем около полумиллиона слов.

– Не надо. Лучше давай я тебе что-нибудь подарю.

– Ну, даже не знаю, – Лисс лениво тянется за щеткой, приподнимает одно из лежащих перед ней серых крыльев за рулевые, смотрит на просвет. – Красиво. Не то, что неделю назад. Давай лучше ты меня покатаешь.

Хьелль отвечает не сразу, и ответ заставляет ее глаза округлиться от удивления.

– Я не люблю летать.

– Вот те раз! А крылья тебе для чего? Понимаю, ты любишь, когда тебя чешут. Надеешься, что к старости наберешь на пуховую перину.

– Ага. Чудеса медиевальной экономии, как ты изволишь выразаться.

– Запомнил, – хмыкает Лисс. – А почему?

– Почему я не люблю летать? Не знаю, мне просто не нравится. Ветер в глаза, туман в нос заползает. Он у нас, знаешь какой... кислотный. Особенно зимой. Вообще, чувствуешь себя идиотом. А вот Сиду нравится.

Лисс уже знает: Сид – лучший друг Хьелля – сейчас мерзнет на Когнате, в дипломатической академии. Ни один колледж Конфедерации не соглашался принять сразу двух даров Аккалабата. По моральным соображениям. Именно поэтому Хьелль оказался в альцеде без того, кто стоит за спиной. По-аккалабатски это называется *каш*.

Кашем обзаводятся в шести-семилетнем возрасте при первой линьке и стремятся сохранить его на всю жизнь. Того, кто стоит за спиной, кто заботится о твоих израненных и кровоточащих крыльях в период альцеда. Своему кашу не изменяют, со своим кашем не ссорятся. За него дерутся, как за себя, и умирают, если потребуется. Потерять своего каша можно только в случае его смерти или «по Регламенту». И то, и другое – трагедия. Неизвестно что – большая.

– Что значит «по Регламенту»?

– Лисс, потом, ладно? Я не хочу объяснять.

То, что наследный лорд Дар-Халем подпускает к своей спине другого человека – деле, женщину, аккалабатскому дару не может присниться в кошмарном сне. О чем думал Дар-Халем старший, скоропалительно отправляя сына на Анакорос, никому не известно.

Лисс откладывает уже ненужные щетки. Мальчишка переворачивается на спину и продолжает:

– Но тебя я покатаю, да. Давай после каникул. Найдем где-нибудь укромное местечко, а то влетит.

В смеющихся глазах у него отблески уходящего заката. Лисс ужасно довольна: с черными космами удалось совладать – купила пару больших заколок-крабов и уговорила в домашней обстановке убирать волосы с лица вверх.

– Жалко ты со мной не можешь поехать. На Землю. У нас большая дача на озере.

– Меня не отпустят.

– Я знаю. Я спрашивала.

Теперь уже он смотрит на нее с удивлением. Она сама поразилась, что ее вдруг дернуло позвонить Гетману и попросить, чтобы в рамках неписанного соглашения о моральной поддержке птероантропов в условиях элитной спецшколы он договорился о поездке Кура на Землю. Сидеть на Анакоросе все летние каникулы – не самое веселое времяпрепровождение, даже для спокойного и всегда знающего чем себя занять Кура. Но Гетман сказал «нет». Или Гетману сказали «нет», что одно и то же. Так что Лисс уезжает, а Кур остается. Такое решение почему-то кажется ей неправильным. Сначала просят присматривать за Куром, а потом...

Кур растрепался. Лисс перекальвает «краб» и думает, что надо встать и закрыть балкон. Солнце село, и по спине бегут холодные мурашки.

* * *

– Секундочку! Секуундочкууу! Я же сказала, подожди одну минуту, черт тебя побери! За дверью стоит Кур в совершенно смятенных чувствах. В руках у него пышный букет, из тех, которые дарят только на торжественных мероприятиях, и большая коробка в праздничной упаковке. Яркие цветы и ленты букета, блестящая оберточная бумага настолько не сочетаются с расстроенным видом Кура, что того становится жалко. Только потом Лисс соображает, что с цветами и коробкой Кур пришел к ней.

– Ой, это ты кому? То есть для кого?

Кур мнется в дверях, на лице у него выражение глубочайшего отчаяния.

– Не топчись. Заходи.

Кур заходит, укладывает приношения на стол, прямо поверх Лиссских бумаг и учебников, и, не говоря ни слова, забивается в самый дальний угол дивана. На цветы он смотрит с ужасом и, кажется, что он много бы дал, чтобы оказаться от них как можно дальше.

– Я поставлю в воду? Или ты куда-то еще с этим собирался идти?

– Да. Нет. Делай с ними что хочешь.

Кур вдруг обхватывает голову руками, и, когда Лисс поворачивается, чтобы взять вазу и налить цветам воды, у нее за спиной раздается сдавленное рыдание.

– Ку... Хьелль, что с тобой? У тебя аллергия на розы?

Воды уже, кажется, надо принести не цветам. Лисс решительно садится на угол дивана, протягивает руку к трясущемуся плечу.

– Хьелль, все, что я знаю об Аккалабате, ограничивается крупинками информации, извлеченными из верийской части астронета и парой-тройкой страниц классификатора. Из тебя лишнего слова не вытянешь. Поэтому, если ты мне сейчас не расскажешь, почему наследник одного из древнейших дариатов впадает в истерику при виде продукции фирмы «Камелия», доставляющей цветы и сладости на всем внутреннем кольце Конфедерации, то...

– То что? – он неожиданно успокаивается, мокрые глаза смотрят испытующе.

– ...То я просто не знаю, что с тобой делать.

– А что такое *дуэм*, ты знаешь?

– В источниках, доступных мне, это слово не упоминается.

– Разумеется, – хмыкает он. – По моральным соображениям. Ты открой коробку и ешь пирожные, они вкусные.

В течение следующих двадцати минут Лисс тихо радуется, что не открыла коробку. Ей кажется, что пирожных ей не захочется уже никогда в жизни.

Коробка и цветы присланы Хьеллю с родины владетельным лордом Дар-Акила в качестве заявления права каруна. Дар-Акиле, род которого древнее Халемов по крови и который много старше Хьелля, наскучила холостяцкая жизнь и, в соответствии с Регламентом и пожеланиями клана, пришло время выбрать себе спутника жизни – более молодого дара, который после первой же «брачной» ночи сбросит крылья и в течение недели активной семейной жизни будет постепенно трансформироваться – анатомически, физиологически, психологически – в женщину.

Такой избранник называется *дойе*. А сам добровольный или принудительный процесс формирования пары «карун – дойе», как и следующая за этим сексуальная трансформация, именуется *дуэмом*. Во многих случаях пара образуется на основе отношений *тех, кто стоит за спиной*: это лучший вариант, и, по мнению Хьелля, самый честный. Все происходит естественным путем, оба каша заранее знают о том, что старший из них имеет право на младшего. Привыкшим друг к другу, им все равно, в каком качестве продолжать быть вместе.

Есть и другие варианты. Иногда, задумываясь о выборе дойе, лорды из наиболее влиятельных семей Аккалабата становятся частыми гостями на учебных площадках военного корпуса, присматриваясь к молодому поколению даров из менее родовитых кланов.

Нередко дуэм заключается по распоряжению королевы, решившей разбавить сомнительную кровь мятежного клана проверенными генами какого-нибудь добропорядочного семейства или настроенной поставить на место слишком зарвавшегося дара, навязав ему или его сыну невыгодную и нежеланную партию.

Что интересно, *деле* в любом случае, какой бы ни была предыстория дуэма, получаются правильные: красивые, томные, верные – гордость супруга и украшение придворных торжеств.

Без посредства дуэма могут заключаться только браки верховных даров с деле королевской семьи (только в королевской семье рождаются *настоящие* женщины). Это высочайшая честь, хотя ты с самого начала знаешь, что твоя жена умрет, не дотянув и до двадцати пяти, что она никогда не сможет танцевать на балах и сопровождать тебя на охоте, что тебе дали ее в супруги для улучшения генофонда и вы обязаны произвести во славу Империи не меньше троих детей.

– Вот так и живем, – мрачно заключает Хьелль, – Плодимся и размножаемся.

И добавляет:

– Уже девятьсот лет. Первооткрывателями этого способа продолжения рода, считаются, кстати, многожды пра-пра-пра-дедушки Дар-Эсиль и Дар-Акила. Хотя чего там Дар-Акила открывал... сказать трудно. Во всяком случае, благодаря их изобретению, мы не вымерли еще девять столетий назад.

Из дальнейшего экскурса в быт и нравы аккалабатской знати Лисс узнает, что претензия Дар-Акилы – это все-таки случай из ряда вон выходящий. По какой причине сиятельному лорду Дар-Акиле вздумалось заявить права на наследника рода Халемов – загадка. Тем более, что заявляя эти права, Дар-Акила идет сразу против двух влиятельных кланов.

– Я же с Сидом. Всегда. Все знают.

Но дарам давно не с кем повоевать, и авторитет отца Хьелля, лучшего мечника Империи, при дворе мог пошатнуться. Старший лорд Дар-Халем славится тем, что рубит Ее Величеству правду-матку с такой же сокрушительной прямоотой, с какой шарашит мечом по черепам и спинам на поле боя. Погладит рукой в железной перчатке самолюбивую властительницу против шерсти – месяцами сидит в своем замке в опале. Потом заварушка на юге или восстание итано на востоке... А где у нас лорд Дар-Халем? Почему в изгнании? Вернуть немедленно!

Королевской милости хватает Дар-Халему ровно на год после окончания военных действий. Он не угодливый царедворец, уж извините, такой как лорд-канцлер Дар-Эсиль – отец Сида. Хотя они на удивление ладят друг с другом... и не понятно, почему Дар-Эсиль не наемнул королеве, что первый претендент на дуэм с Халемами – его драгоценный сыночек. Тоже попал в опалу? Маловероятно.

– То есть сам факт, что тебе присылают такие подарки...

– ...Это не подарки. Не в полном смысле слова подарки. Это заявление права первого – каруна.

– Ты можешь их не принимать. Или отправлять обратно.

– Как ты себе это представляешь? Тот, кто мне их присылает, не дурак. Он знает, что администрация школы не разбирается в наших обычаях. Шлют с родины парню девчачьи презенты – значит, так и надо, мало ли что там принято у этих средневековых...

– Хьелль...

– Не перебивай, пожалуйста. Ты знаешь, что это обычное отношение. Так вот, этот подарок присылают, за него расписываются в дирекции, то есть фактически вроде как его получаю я. Я его принимаю. Вместе с правом каруна – отправителя.

– И что будет потом, когда ты вернешься?

– Даже думать об этом не хочу. Вероятнее всего, мне придется дождаться совершеннолетия и стать деле.

Слова произносятся просто, и от этого их кошмарный смысл становится еще ужаснее.

– А твой отец, он ничего не может сделать? Вы ведь влиятельный клан и все такое?

– Отец, как и все, подчиняется Регламенту, и одновременно он вне его. Когда была война, он получил в жены сестру королевы. Мама дожила до двадцати двух, это много. Но королева сердится: у них был только один ребенок – я. Поэтому надеяться, что в ближайшие три поколения Дар-Халемы снова удостоятся этой чести, не приходится.

– Хьелль, я сейчас спрошу, наверное, страшную глупость. А твой отец не может его..?

Лисс вдруг ощущает, что она вполне может произнести это слово, совершенно недопустимое в данном контексте по всем моральным меркам Конфедерации. «Наверное, я сама стала медиевальной, со всеми своими древними культурами и Куром в придачу», – думает она. Кур надежный, он даже сквозь все свои переживания чувствует ее смущение и быстренько доготавливает:

– Убить? Да, хорошо бы было.

Для него, дара Аккалабата, в этой идее нет ничего запредельного. Абсолютно нормальное предложение. Но не выполнимое, о чем он сейчас же и сообщает Лисс.

– Отец даже не может вызвать каруна. Это решало бы дело. Всерьез биться на мечех с Дар-Халемами... таких умников не находилось уже лет двести. Но, по Регламенту, родители не имеют права вмешиваться.

– А ты сам?

Лисс понимает, что ее заносит. Она только что предложила двенадцатилетнему мальчишке убить человека.

– Три минуты.

– Что «три минуты»?

– Ну, после того как я год здесь сидел без оружия – пять. Ровно столько мне надо на любого взрослого дара на Аккалабате.

– Почему такая разница в классе?

Ну вот, теперь мы подробно обсуждаем, как он собирается его убивать... Нужно пойти попросить, чтобы мне исправили оценку по ксенотолерантности. С пятидесяти на сто, как минимум. Хорошо, что мальчишка, по крайней мере, отвлекся от своих печалей и с охотой начал рассказывать. Неужели я впервые за все это время заговорила о том, что ему интересно?

– Понимаешь, поединок на мечех... там много слагаемых. Выбор оружия, техника, тактика и стратегия боя. Но главное – это умение управлять своим внутренним временем и видеть противника. Есть и более тонкие вещи – мышечная память, например. Ты не можешь запомнить все возможные приемы, тем более, что они различаются в зависимости от того, что у тебя в руке: от длины и ширины клинка, от его тяжести, способа заточки, от его гибкости. Если у тебя в голове много технических деталей, это даже мешает: много вариантов, мозг теряется из чего выбрать, у тебя пропадают драгоценные доли секунды. В результате лежишь на спине с распоротым брюхом. Поэтому каждый клан, каждый отдельный дар тщательно подбирает себе оружие и оттачивает те приемы, которые именно с этим клинком или этими клинками лучше всего у него получаются. Так, чтобы это сидело уже не в голове, а в мышцах. Соответственно, выучивая новый, более эффективный прием, ты не прибавляешь его к уже известному, а замечаешь им старый, менее эффективный. Кроме того, у всех разная степень концентрации... Я тебе не надоел?

– Нет, что ты. Мне очень интересно. Так что с концентрацией?

– Это трудно объяснить.

Как приятно смотреть на него, когда он такой воодушевленный. Стоит, размахивая руками, в узком промежутке между столом и диваном и умудряется ничего не смахнуть. Орад

уже скинут на подоконник, мышцы ходят на обнаженных руках. (Лисс уже в который раз замечает: это была хорошая идея – затащить Кура в магазин и наглядно убедиться, что модные земные футболки с «американской» проймой как раз оставляют достаточно места для крыльев, пришлось толькошить пару молний, чтобы можно было надевать). В широко открытых глазах – уже не мертвое отчаяние, а живое желание объяснить ей, сделать так, чтобы она поняла.

– Когда я смотрел отборочные поединки здесь в фехтовальном зале, я заметил, что у вас у всех – землян, делихонов, даже аппиан и верийцев – внутреннее время всегда течет одинаково. Сильный противник перед ним или слабый, выигрывает он или проигрывает, важный это бой или нет – для мастера холодного оружия с любой другой планеты концентрация – это просто способность сосредоточиться, лучше видеть клинок и движения соперника, более четко представлять себе свои дальнейшие действия, избегать ошибок... У нас концентрация – это способ сжимать, конденсировать свое внутреннее время, делать так, чтобы оно текло быстрее, чем время внешнее... Сопернику кажется, что ты работаешь в одном временном потоке с ним, а ты видишь его как в замедленной киносъемке. Я в один из первых выходных здесь на Анакоросе ходил в кино... там были такие кадры... корабль тонет и переворачивается медленно-медленно, хотя этого не может быть. Я тогда подумал, что именно так я вижу противника в бою. То, что ты воспринимаешь как единое молниеносное движение, для меня разбивается на последовательно сменяющиеся друг друга кадры. То же касается последовательностей ударов. Скажем, «восьмерка» – угловой мечом справа налево – вертикальный левый в руку – по дуге вверх вправо – левую с кинжалом вверх – дуга вниз правой – вертикальный кинжалом в голову.

Лисс, раскрыв рот, смотрела на промелькнувшие перед ней руки. Неужели это все на самом деле возможно? Хьелль между тем, снова присев на край стола, продолжал:

– Так это выглядит, скажем, в верийском исполнении. А вот так – у нас.

То, что он сделал дальше, *последовательностью* движений назвать было нельзя ни с какой натяжкой. Одно движение, неразличимое и неразложимое на составляющие его части.

– И так умеет каждый дар?

– Абсолютно.

Он вдруг смущенно почесал тыльной стороной руки макушку:

– Извини, я увлекся и не ответил на твой вопрос.

– Я, вроде, об этом и спрашивала.

– Нет, речь шла о том, почему я могу убить любого дара на Аккалабате за пять минут.

– Ты объяснил...

Он упрямо покрутил головой.

– То, что я тебе рассказал, не имеет к Дар-Халемам никакого отношения. Я не знаю, как это сложилось исторически. Но, во-первых, у нас неограниченная мышечная память. Это значит, что мне не надо заменять старые приемы на новые и сосредотачиваться на отдельных видах оружия. Стоит мне взять в руки любой клинок, тело само мгновенно выбирает из всего, что я когда-либо делал или видел раньше, те позиции, удары, захваты, отбивы, которые оптимальны для данного вида оружия. То, чему меня научили однажды, я уже не забуду никогда. Поэтому лучший способ победить хорошо знающего тебя соперника, который наша семья всегда использовала в бою и на турнирах, это...

– Просто сменить оружие, – догадалась Лисс.

Хьелль кивнул.

– Верно. Обычно мы носим два прямых меча – покороче для левой руки и длинный для правой. Но возможны варианты.

– А внутреннее время?

– Мы воспринимаем происходящее не просто с такой скоростью, с какой нам удобно. Мы видим вперед, – сделав это неоднозначное утверждение, Хьелль замолчал, будто подыскивая

слова для того, чтобы объяснить Лисс его смысл. Подходящих слов в языке Конфедерации, по-видимому, не нашлось, поэтому он просто пожал плечами и еще раз повторил:

– Мы видим вперед.

Как будто это все объясняло.

– Тогда у тебя не должно быть проблем с этим... каруном.

Лисс впервые попробовала на вкус гадкое слово – оно оставляло горький, металлический привкус на языке.

– Дойе не имеет права сражаться с каруном. Регламент, статья четвертая.

Хьелль стянул с подоконника орад, прижал к спине крылья, набросил на них тяжелую ткань и остался стоять, уставившись куда-то наружу. Лисс встала, подошла. Обнимать его за плечи не хотелось. Все эти дуэмы, дойе, каруны вдруг словно обрели плотную, зримую массу, отделяя его от нее. Ей казалось, что, если она протянет руку к находящейся в полуметре закутанной в плащ спине, ее придется с силой просовывать через клубящуюся между ними преграду из чужих мыслей, слов, желаний, правил. По сравнению с тем ощущением чуждости, которое создавала эта невидимая преграда, подицепсы и желейные галлинаго казались детскими игрушками. Лисс решила сделать последнюю попытку:

– В вашем Регламенте, что, вообще не предусмотрен никакой кастинг? Бери, что дают, и будь доволен?

– Регламент был написан девятьсот лет назад, когда на планете почти не осталось деле. Никому не было дела до того, что чувствуют дойе. Речь шла о выживании даров как таковых. Именно поэтому карун должен быть старше – чтобы защитить своего дойе... свою деле. Это целесообразно для сохранения расы.

– Хорошо. А качество передаваемого генофонда вы не учитываете? Если более слабые каруны вовремя подсуетятся и расхватают всех симпатичных мальчишек, пока настоящие герои будут на войне?

– Во-первых, во время войны дуэм запрещается. И отменяются все взятые, но не исполненные обязательства по дуэму. Мне это не светит, так как в настоящий момент у Империи на планете остался только один серьезный противник – Виридис, город-государство на юге, населенный религиозными фанатиками. Они поклоняются демону Чахи и чему-то еще в этом роде. Но без поддержки извне им не тягаться с Аккалабатором. А какая поддержка извне... у нас никто никуда не летает.

Ну вот, он опять расстроился. Уперся длинным носом в оконное стекло и тихо с ним разговаривает.

– Во-вторых, я же не говорил, что бой между двумя карунами за перспективного дойе невозможен. Я сказал, что ни мой отец, ни я не можем в этом участвовать. Другой дар может заявить на меня право... только лезть на Дар-Акилу... это себе дороже. Вряд ли кто-то решит, что я стою таких хлопот. Вот если бы Сид был постарше и умел нормально фехтовать...

– Почему именно Сид?

– Он мой лучший друг, каш. Я тебе рассказывал. У нас это не просто отношения между людьми. Это определенный статус. Лучший друг – этот тот, кому ты доверяешь свою спину во время альцедео. При прочих равных он имеет на тебя преимущественное право каруна. Из нас двоих Сид старше на полгода. Значит, он потенциально, когда мы достигнем совершеннолетия, может заявить на меня право. Помню, как наших отцов ломало, когда мы впервые чистили друг другу перья. Но только он этого не сделает. Ему нужен я, а не деле.

– А фехтовать, значит, он не умеет...

Хьелль раздраженно пошевелил крылом под орадом.

– Тебя как будто тут и не было, когда я все объяснял. С четырьмя здешними инструкторами он справился бы точно так же, как я, не сходя с места. Но по нашим меркам... он средний фехтовальщик. Хороший тактик, много умеет. При этом никакая скорость и провалы в кон-

центрации. Ты видела, что у меня почти нет шрамов. При ежедневных тренировках с трех лет. У него их уже с десятков. Там не успел, тут не закрылся. Мой отец сам пытался его исправить. Бесплезно. Главное, что у него нет желания совершенствоваться. Дар-Эсили – дипломаты и царедворцы. Они больше работают языком и мозгами, чем ногами и плечами. Последний из них, кто отличился на поле боя, был тот самый Корвус, который первый освоил дуэм.

– Девятьсот лет назад, – тихо сказала Лисс.

– Девятьсот лет назад. Я пойду. Буду теперь часто таскать тебе цветы и пирожные. А скоро, глядишь, и до умбренских самоцветов дойдем. Обалдеешь, какие красивые. Серьги, подвески... у нас лорды носят.

– Хьелль...

– Брось, Лисс, не надо. Самое главное, знаешь, что? Я обязательно успею тебя покатать в сентябре.

Глава III. Все не отвечают на вопросы

Лисс тринадцать лет назад

– Дядя Леша, почему ты разрешил его забрать?

Гетман готов провалиться сквозь землю, чтобы не смотреть на всхлипывающую Лисс. Руки ее сжаты в кулаки, на щеках красные пятна гнева.

– Они не должны были. Они же сами просили – на четыре года.

– Лисс, ты соображаешь, о чем ты говоришь? Родители сдали ребенка на обучение, родители забрали ребенка. Это их право.

– У него только отец. И он не хотел его забирать. Его заставили. У них там совершенно отвратительная королева, и совершенно феодальные порядки, и...

– Лисс, я ошибаюсь, или передо мной будущий специалист по феодально-монархическим обществам? И тебе уже не четыре года.

– Вы же сами говорили, что в первую очередь меня должны интересоваться люди. Которые смеются и плачут. И вы же не просто так просили меня позаботиться о Куре... А чтобы я поняла. И ему нравилось на Анакоросе.

– Если тебя хоть немного это утешит, Лисс, могу со всей ответственностью гарантировать, что больше всего ему нравится на Аккалабате. Так же, как тебе на Земле. И в феодальных порядках, так страшно тебя напугавших, когда ты столкнулась с ними вживую, а не на страницах учебника, он как рыба в воде. И с королевой, какая бы она ни была отвратительная, твой Кур, то есть наследный лорд Дар-Халем, поладит, как многие поколения Дар-Халемов до него... и еще будет маршалом или адмиралом.

– Не будет.

– Почему? Дар-Халемы – военный клан, насколько мне известно.

– У него дуэм. Вы не знаете, что это такое.

– Я знаю, что такое дуэм. Лорд Дар-Халем потому и отправил сына на Анакорос, что хотел избежать этого.

– Вы знакомы с отцом Хьелля? – Лисс хватается за соломинку.

– Нет. Никогда в жизни с ним не разговаривал. Мне все это рассказал человек, через которого он передал свою просьбу. Просьбу, кстати, не вполне законную. Вероятно, зная, что этому человеку я не могу отказать.

– Но вы же можете поговорить с этим человеком...

Командор Разумовский начинает орать совершенно неожиданно и без всякой артподготовки. Он просто вскакивает, во весь свой немаленький рост нависает над Лисс и гремит так, что ей становится страшно.

– Да не могу я ничего! Я вообще ни-че-го не могу в этом секторе! Мне нельзя близко там появляться! Я там такого наворотил!.. Я удивляюсь, как меня еще за это...

Замолкает он так же неожиданно, опускается на бревно рядом с онемевшей Лисс, прячет от нее глаза за загорелой ладонью и хрипло шепчет:

– Я там такого наворотил, Лисс, что мы еще десять лет не расхлебаем... а ты просишь. Просто зараза какая-то этот сектор... что они с нами делают... что они излучают такое, что человеку нашему, земному с этим не справиться. Закрывать бы их для контактов к чертям собачьим. Не могу, даже в Совет выйти не могу ни с одним предложением по этой язве вселенской... опухоли галактической...

Он беспомощно машет рукой, поднимается и, что-то бормоча под нос, не оборачиваясь, идет к дому. Впервые Лисс не хочется идти вместе с ним.

Сид Дар-Эсиль одиннадцать лет назад

Когда-то давно молодые дары Халема строили свой замок с оглядкой на не первую сотню лет стоявшую на болотах крепость древнего рода Эселей. Поэтому, хотя один замок годится другому в дедушки, устроены они почти одинаково. И взлетев с вымощенного черно-белыми плитками балкона в Дар-Эсилье, открывающегося в просторный парадный зал, вскоре отец и сын приземляются на точно таком же балконе, с так же распахнутыми – только в каминный зал – окнами. Сид встряхивает головой, прогоняя из глаз последние клочья тумана.

В красных отблесках пламени в креслах у камина – два знакомых силуэта с распахнутыми крыльями. Черные орады сброшены на пол. На деревянном столике – доска с фигурами. Отец и сын Дар-Халеми играют в триканью. Судя по всему, дела у Хьелля идут из рук вон плохо: он сидит лицом к балкону, и, выступая в круг света из травянистого полумрака июльской ночи, Сид сразу замечает намотанную на крючковатый нос длинную черную прядь. Такие манипуляции с волосами Хьелль совершает для подкрепления интенсивной работы мозга. Или при полном ее отсутствии.

Старший Дар-Халем, не оборачиваясь, вытягивает руку с мечом, до этого прислоненным к креслу, в военном приветствии:

– Охаде!

И Сид не может удержаться, хотя он только что обещал отцу.

– Охаде! – короткий придворный меч взвивается в воздух.

Лорд Дар-Эсиль недовольно фыркает, проходит, придвигает себе кресло, садится. Сид смущенно остается стоять у балконной двери.

– Хьелль! – резко командует старший Дар-Халем.

Хьелль поднимает глаза от доски, рассеянно улыбается, будто не осознавая, кто перед ним. Потом порывисто встает, бежит, обнимает, молча поглаживает под крыльями. На нем необычная черная безрукавка с глубокими вырезами. Волосы забраны вверх с помощью какого-то приспособления, которое Сид видел на Когнате у девчонок из Внутреннего кольца. Он вытянулся, но Сида не догнал – тот тоже не терял времени даром. От друга пахнет оружием, хорошим вином, теплом камина.

– Ну хватит уже разглядывать друг друга, как две деле, – ворчит лорд Дар-Эсиль.

– Необыкновенно уместное и тактичное замечание. Вполне достойное твоей придворной карьеры.

Как Сид ни занят разглядыванием друга, как ни поглощен ощущением сильных рук, в радостном узнавании пробегающих у него по спине, по волосам, по крыльям, он чувствует некоторую напряженность, возникшую между старшими дарами. Может быть, они в ссоре? Но тогда бы отец не стал с разбегу скакать с балкона.

Сид уже давно знал, что в присутствии сурового мечника Дар-Халема его отец, обычно отстраненно-ироничный либо аристократически-сдержанный, часто превращается в маль-

чишку, бесшабашно выделяющего в небе любые фокусы. Им с Хьеллем было лет по пять, когда как-то, проснувшись утром здесь, в Дар-Халеме, они явились в каминный зал раньше, чем от них ожидалось, и обнаружили хозяина замка стоящим на балконе и со смехом смотрящим в небо, где лорд Дар-Эсиль, тогда уже лорд-канцлер Аккалабата, закладывал такие виражи, что захватывало дух и сосало под ложечкой. Выражение на лице у по-медвежьи крижистого Дар-Халема, широко раскинувшего руки на балконных перилах, было непередаваемое.

Имея в виду это выражение лица, трудно было представить, что должен был сотворить лорд Дар-Эсиль, чтобы заслужить такую холодность, которая прозвучала в голосе старшего дара Халема. Но не успел Сид толком подумать об этом, пока Хьелль подталкивал его к столу и гостеприимно усаживал в собственное кресло, как лоб лорда разгладился и он уже совсем с другой интонацией произнес:

– Я рад, что ты вернулся, малыш. Завтра с утра зайдешь в оружейную – нам привезли новые клинки из Умбрена – выберешь себе подарок по душе. И не стесняйся. А теперь – рассказывай.

Впервые за сегодняшний день Сид действительно почувствовал себя дома. Отец никогда не расспрашивал его о тех событиях в жизни, которым сам не был свидетелем, предпочитая судить о том, чего не знал о собственном сыне, по его будущим поступкам, а не по рассказам о произошедшем. Если старший Дар-Эсиль не мог присутствовать на состязании молодых мечников, где сражался Сид, пытаться проинформировать его о чем-нибудь, кроме конечного результата, было бесполезно. Отец Хьелля, напротив, всегда усаживал Сида рядом или напротив, подпирая рукой тяжелую голову и слушал, пока у мальчишки было, что рассказывать.

Хьелль, все так же молча, притащил еще пару бутылок, принял из рук дворецкого какую-то закуску (лорд Дар-Эсиль невольно поморщился: почему Халема так любят обслуживать себя сами, вечно ускользало от его аристократического миропонимания), с явным удовольствием смел со стола недоигранную триканью, расставил и наполнил бокалы. Поднял один из них вверх и нерешительно произнес, глядя не на Сида, а на отца:

– Мы рады. Правда, па?

Выпили. Сид начал рассказывать. Он уже знал из разговоров на званом вечере, что Хьелль вернулся с Анакороса раньше (то ли не справился с обучением, то ли соскучился по дому), поэтому старался не показывать превосходства. Кратко обрисовал учебную программу, доложил о своих успехах (он кончил в первой пятерке), не удержался и едко прошелся по некоторым странностям техномедийных цивилизаций, с которыми пришлось столкнуться. Рассказ для Дар-Халемов он репетировал всю дорогу домой в звездолете, предвкушая момент, когда сможет преподнести его людям, чье мнение было для него значимо. Поэтому история выходила сжатая, складная, наглядно демонстрировавшая, что Сид Дар-Эсиль не зря три года провел вдали от дома.

Лорд Дар-Халем слушал, одобрительно кивая, иногда вставляя краткие замечания и вопросы. Хьелль притаскивать себе кресло не стал, уселся напротив Сида в ногах у старших даров, голову подперев кулаком, смотрел внимательно, слушал не перебивая. Дар-Эсиль старший подливал вина, любовался сыном сквозь пальцы, сложенные домиком, голову от удовольствия склонил набок...

– Ну, и сегодня мы приземлились, – закончил Сид. – А одна маленькая сволочь даже не подумала меня встретить...

– Сид, я не мог. – Хьелль подтягивается на руках вперед, кладет подбородок на столешницу. – У меня дуэм.

Хьелль Дар-Халем одиннадцать лет назад

– Почему я узнаю об этом вот так вот?.. А если бы я прилетел на полгода позже.

– На полгода позже, на полгода раньше... Какая разница?

Сид ковыряет новым кинжалом скамейку так сосредоточенно, будто в этом состоят государственные интересы Аккалабата.

– Ты был обязан мне сообщить.

– Я? Тебе? Обязан? – Хьелль нехорошо усмехается, вытягивает руку вперед, обхватывает запястье приятеля чуть выше перчатки, начинает выкручивать. – С какого перепугу?

Сид болезненно морщится, пытается высвободить руку, кинжал падает за спинку скамейки. Хьелль увеличивает нажим. Сид шипит:

– Пусти. Пусти – скажу.

Хьелль разжимает ладонь, ныряет куда-то вниз, достает кинжал, взвешивает его на ладони:

– Дурья башка, что ты выбрал? И отец не помог. Ладно, я подскажу, завтра поменяем.

Всем своим видом он показывает, что не ждет ответа на ранее заданный вопрос. Сид разминает запястье пальцами, демонстративно дует, трясет кистью.

– Видишь ли, – сообщает он нейтральным тоном. – Я твой лучший друг. Альцедо, почесать спинку и все в таком роде. И я старше тебя на полгода. Соответственно...

Договаривает он, уже лежа на спине посреди садовой дорожки. Хьелль сидит у него на животе, всей тяжестью рук навалившись на плечи.

– Я тебе сейчас почешу... спинку, – с нажимом выдыхает он. – Думать забудь.

– Соответственно, – невозмутимо продолжает Сид, выплевывая изо рта волосы, – я имею преимущественное право. С неограниченным сроком реализации. Хоть до восьмидесяти лет могу ходить девственником. Ты тоже.

Хьелль отвечает ему сочную оплеуху. Сид даже не уклоняется.

– Извращенец.

– Приспособленец.

– Засранец.

– Пораженец.

За каждым выплунутым оскорблением следует легкий шлепок по щеке. Наконец, Хьелль распрямляется, угрюмо смотрит в спокойные белые глаза.

– Я тебе губу разбил.

– Известное дело, все бы только портить.

– А ты хочешь починить? Ты хоть соображаешь, что он просто так тебе не уступит? Будь ты хоть не Дар-Эсиль, а кто угодно! У вас же родовая вражда! Тысячелетняя! Все из-за того же дуэма!

– Не уступит – будем драться. Слезь с меня.

– Не слезу. Лежи тихо. Так ты более открыт для взаимопонимания. Он тебя убьет.

– Так прямо и убьет?

– Так прямо и убьет. Криво убить тебя он не осмелится. Подослать наемного убийцу к молодому Дар-Эсилью вместо того, чтобы драться? Да королева ему ноги вырвет. Вместе с крыльями. Собственноручно.

– Слезь с меня.

– Сид, ты три года прохлаждался на Когнате. Сколько раз ты меч в руках держал за это время?

– Я не буду с тобой говорить, пока ты не слезешь.

Это фирменная интонация Дар-Эсилей, знаменующая конец переговоров. Хьелль понимает, что он может просидеть так до вечера, но Сид, даже если его пытаться, не произнесет ни слова. Тогда он поднимается, отряхивает колени, убирает за уши волосы.

– Сука ты. Невоздержанная, – мрачно сообщает Сид, пытаясь заглянуть себе за спину и решить, можно ли показываться к ужину в таком оде.

- От такой же и слышу. И от жадной и самовлюбленной притом.
- Эт-точно, – цедит Сид сквозь зубы, все еще выгибая шею назад.
- Снять и посмотреть не проще?
- Не учи, а? Раз в неделю, как минимум. А ты на Анакоросе?

Хьелль даже не сразу соображает, что ему снова отвечают на вопрос, заданный три минуты назад.

- Там вообще не давали носить клинки.

Сид понимающе цокает языком.

- И за сколько ты восстановился?

– Я-то? Сид, Чахи тебя заberi, я – Дар-Халем, какое «восстановился»? Я вернулся, взял в руки мечи и встал против отца – он мне только орад порезал.

– Вот и потренируешь меня. Недельку-другую – сколько там проходит от вызова до боя? Надо в Регламент заглянуть.

Они идут по мощеной дорожке к дому. Вместе, но не рядом. Каждый почему-то прижимается к своему краю дорожки, и словами они перебрасываются как опасными предметами, готовыми взорваться.

У входной двери Хьелль останавливается, делает шаг навстречу Сиду.

- Сид, ты серьезно?

- Ох, Хьелль, – тот тоже шагает навстречу, притягивает его одной рукой, прижимает.

Сид выше на полголовы, поэтому нос утыкается куда-то в район шеи.

– Ты же знаешь, единственная ущербность дипломатических способностей Дар-Эсиль состоит в том, что у нас полностью отсутствует чувство юмора. Через несколько минут мы с тобой в этом еще раз убедимся. Когда поставим в известность родителей.

При этих словах Хьеллю мерещатся два молодых тела, расчлененные на куски.

Сид Дар-Эсиль одиннадцать лет назад

– Кретин, – резюмирует лорд Дар-Эсиль с красноречивым жестом правой руки по горлу. – И это мой сын... Кретин и самоубийца.

– Может быть, ты заткнешься? – даже не повернув головы, ненавязчиво советует второй старший дар.

– Может быть, ты назовешь мне хоть одну причину, по которой мой мальчик... – лорд Дар-Эсиль поспешно затыкается. Причину, по которой его сын, единственный из всех даров, имеет право изменить судьбу своего лучшего друга, лорд Дар-Эсиль своими руками сотворил десять лет назад. Когда разрешил малышу Халему прийти и помочь Сиду во время первого алыцедо.

- Я надеюсь, что вы не собираетесь... после того как...

Наглые мальчишки ухмыляются.

– Жить вместе? Не, пап, ты же знаешь, он непереносим в больших дозах. К тому же жена дипломата должна уметь танцевать...

Сид сгибается от удара локтем в солнечное сплетение.

Хьелль сдержанно улыбается.

– Вы всегда разбирались в людях, лорд Дар-Эсиль. Ваш единственный сын – кретин. И самоубийца. Еще один раз ляпнешь такое – я тебя сам прирежу, – сообщает он взъерошенному серебряному затылку.

– Цыц, мальчишки! Что-то вы разыгрались... – старший Дар-Халем встает так резко, что хлопают полы орада, и, чуть ли не отшвырнув в сторону кресло, которое по сравнению с ним кажется игрушечным, хотя лорд Дар-Эсиль практически утопает в таком же, стоящем напротив, лезет в угловой секретер за письменными принадлежностями.

Сид разглядывает его мощную спину, тяжелый затылок (наперекор придворному этикету, старший Дар-Халем носит коротко остриженные волосы, и никто не отважится сделать замечание лучшему мечнику Империи), прямую линию плеч... Как всегда, когда он видит перед собой словно закрывающую все поле зрения, монументальную фигуру лорда Дар-Халема или его крепкие, короткие пальцы, сжимающие меч, Сид осознает, насколько от него отличается Хьелль. У того будто не мускулы, а жильные струны нашиты прямо на кости и обтянуты кожей, а нервные длинные пальцы, кажется, не могут поднять не то что меч, но тонкую саблю, какие Сид видел на Когнате. Сид трясет головой, чтобы отогнать эти мысли: *...надеюсь, вы не собираетесь... он непереносим в больших дозах...* Нет, мы не собираемся.

– Ты уснул или передумал? – голос отца выводит Сид из отупения. – Сядь и пиши. Я продиктую.

Сид, как во сне, усаживается за стол, берет перо. Ох, неудобно-то как! Надо отдать должное техномедийным цивилизациям: простейшая гелевая ручка – венец прогресса по сравнению с аккалабатскими приспособлениями для письма. Пытаясь вспомнить, как правильно держать перо, Сид в то же время не может отогнать от себя мысль о том, что все происходит совсем не так, как он ожидал. Он думал, что старшие дары в худшем случае разбушуются, наорут на них (отец Хьелля мог и врезать) и посадят под замок на неделю для образумления, в лучшем случае – начнут его отговаривать. Нет, он не сомневался в своем решении, у него вся кровь кипела от мысли, что поганец Дар-Акила тянет руки к лучшему, к главному, что у него есть. Но внутреннее ощущение собственного героизма, хоть и маленькое-маленькое, все же присутствовало.

Отцы же восприняли его решение как совершенно естественное, поругались умеренно, и вот теперь он сидит за столом в замке Дар-Халемов и пишет верховному лорду Дар-Акила, что, мол, так и так, ты старая свинья и сволочь, пшел прочь от моего Хьелля, а то я задущу тебя голыми руками.

– ...и согласно статье 8 пункт 5 Основного Регламента... Сид, не спи, поставь точку. После *Регламента*. С глубочайшим почтением, лорд Сид Дар-Эсиль.

– Папа, с каким *почтением*?!!

– С глубочайшим. Или величайшим, если тебе так больше нравится.

– Мне никак не нравится.

– А, ну тогда напиши: «Пошел прочь, грязный подонок»... Королева будет в восторге, и наша потомственная должность лорд-канцлера перейдет от меня к тебе прямо завтра.

Откуда-то из-за плеча хрюкнул Хьелль. Сид еще раз перечитал бумагу, поставил дату, подписался и начал складывать. Почувствовав на себе напряженный взгляд отца, поднял голову. Хьелль за плечом пошевелился неуютно.

– Сид, ты забыл...

– Что я забыл?

Лицо лорда Дар-Эсиля стало каменным.

Хьелль умоляюще зашептал под ледяным взглядом лорд-канцлера:

– Сид, там в конце, когда лорды пишут друг другу...

Сид похолодел. Три года дипломатической академии. Коту под хвост. Вот, о чем сейчас должен думать его отец.

«Хвала королеве!» – приписал быстро и твердо. Сложил, протянул отцу. Тот запечатал перстнем с гербом Дар-Эселей, перебросил через стол Дар-Халему. Тот снова, вместо того чтобы вызвать слугу, сам вышел в коридор.

– Вон отсюда! – лорд-канцлер орал редко, но если уж он повышал голос, то это был даже не ор, а грохот.

Сид, еще более бледный, чем обычно, вслед за Хьеллем вывалился из комнаты.

Старшие дары Халема и Эсиля одиннадцать лет назад

– И чем ты недоволен? – лорд Дар-Халем облокотился на спинку кресла, в котором устроился лорд-канцлер, и издевательски щурится, заглядывая сверху вниз в глаза и помахивая у того перед носом бутылкой с желтой этикеткой. – Вероятно, не возможностью прикончить последнюю представительницу позапрошлого года урожая. В последние два года эгребское, сам знаешь, совсем не то.

Лорд-канцлер задумчиво кивает. Но отвечает совсем не на вопрос:

– Знаешь, я бы не стал делать этого для тебя...

– Тебе и не нужно было. Тогда в Кимназе творилось такое... война просто должна была затянуться. У королевы не было выбора, кроме как женить нас на своих сестрах и отправить махать мечами. Ни о каком дуэме не вспоминали еще года два.

– Не повезло нашим мальчишкам.

– Да. Корвус... (Старшего Дар-Эсиля зовут так же, как знаменитого предка). А ведь Акила откажет.

– Я знаю.

– Ты же не позволишь своему... У парня нет ни единого шанса. Акила его в куски порубит.

– Хммм? Ты так думаешь?

– К гадалке не ходи. Дар-Акилы – третьи мечники Аккалабата, после нас и Пассеров.

– Я не об этом. Ты, действительно, думаешь, что я ему не позволю?

– Корвус, ему шестнадцать лет, и он будущий лорд-канцлер Аккалабата. Это... – лорд Дар-Халем ворочает на языке любимое слово даров Эсиля: —...непредусмотрительно.

– Именно потому, что он будущий лорд-канцлер. И даже очень предусмотрительно. Мальчишка не продержится у трона и дня, если за его спиной не будет мечей Дар-Халемов.

– И поэтому ты ему разрешаешь.

– И поэтому тоже. И, кроме того, я люблю твое эгребское, не знаю уж, откуда ты его достаешь в таких количествах... даже у меня уже нет.

– Я просто только с тобой пью. А ты вечно назовешь кого ни попадя...

– Это политика, милый, по-ли-ти-ка. Тебе не понять.

– Мне многого не понять, Корвус.

– Ну, а вот такую простую вещь, например. Предположим, твоего мальчишку уволочет Дар-Акила...

Лорд Дар-Эсиль морщится. Ему неприятно даже произносить это имя. Но он продолжает, покачивая в руке почти полный бокал:

– Мой – уедет жить в столицу. А мы с тобой, как старые верные друзья, по-прежнему будем собираться здесь у камина, пить твое эгребское... Может, Дар-Акила заедет... со своей деле.

Увернуться от прямого удара правой ему удастся, даже не расплескав вино. Миг – и лорд Дар-Эсиль уже за спинкой кресла, в котором сидел только что. Качнул бокалом, рассматривая вино на свет, чокается в воздух, пьет до дна. Только расширенные зрачки выдают то усилие, каким лорд-канцлер оказался вне досягаемости летящего в лоб тяжелого кулака. Лорд Дар-Халем стоит, облокотившись на столик, из его груди вырывается хриплое дыхание.

– Корвус...

Лорд Дар-Эсиль останавливает его жестом. Спокойно возвращается в кресло, оправляет орад:

– Судя по разбитой физиономии Сида, когда они вломились сюда из сада, в вашей семье мордобитие – это наследственный способ поддерживать беседу. Почему, скажи, я не начинаю махать кулаками, когда слышу от своего лучшего друга, Дар-Халем... Лучшего! И единственного. «Ты же не позволишь ему... это не предусмотрительно»?

Лорд Дар-Халем несколько мгновений разглядывает свои руки. Глухо смеется:

– Это... непредусмотрительно. Корвус...
– Что?
– Прости.
– Проехали. Но неужели, правда, была последняя? – лорд-канцлер смотрит так жалобно, что хозяин дома всплескивает руками в шутливом жесте капитуляции и ловким движением извлекает из-за спины, из-за кресельных подушек такую же бутылку.

Глава IV. Все ведут себя так, как от них ожидается

Сид Дар-Эсиль одиннадцать лет назад

Мощный отнойной удар справа – уход на левую ногу – засечный слева – выход на вертикальный справа... Хьелль каким-то невероятным образом оказывается сзади, прижимает к горлу кинжал.

– Ты опять пропустил меня за спину.

– Ты быстрее, – оправдывается Сид.

– Расскажешь Дар-Акиле. В стойку. И работай, ради прекрасной Лулуллы, ногами.

Подплужный правый с длинной рукой – отнойной слева – короткая рука, ноги вместе – горизонталь справа...

И Сид снова получает гардой под ребра.

Хуже всего то, что он уже выжат до предела, а Хьелль даже не вспотел.

Он дерется любимым оружием Дар-Акилы – в правой руке длинный трехгранный меч, в левой – умбренский кинжал. У Сида – фамильные клинки Дар-Эсильей. Почти такие же, как у Дар-Халемов: прямые, обоюдоострые, немного сужающиеся на конце. Один – длинный, второй – короткий. Только у Дар-Халемов длинный меч будет чуть подлиннее, а короткий – пошире и покороче. Но это сейчас не важно. Драться Сиду не с Хьеллем. Тот даже работает не в своей обычной манере, а копирует технику Дар-Акилы. Насмотрелся за эти два года.

– Отдохнул? В стойку.

Горизонталь справа – левая нога вперед...

Меч вырывается из правой руки Сида и взлетает в воздух. Сид провожает его глазами, садится на траву, обхватывает колени руками. Хьелль, прищурившись, следит за траекторией меча, подпрыгивает, немного помогая себе крыльями, ловит оружие за рукоять. Его клинки уже давно в ножнах. Он не спеша подходит, устраивается рядом с Сидом, осторожно касается плеча.

– Брось ты все это... плохая идея.

– Но ведь... твой отец и мой... они так не считают, – нерешительно начинает Сид, кивает сам себе и заканчивает уже более уверенно, – в противном случае из нас бы сразу сделали фарш.

– Может быть, они рассчитывали, что Акила отступится.

– Ты, вправду, веришь в то, что только что сказал? Для него теперь двойное удовольствие: заполучить деле королевской крови и нагадить Дар-Эсильям. Спит и видит. Что я не так делаю?

Прежде чем ответить, Хьелль долго смотрит на солнце, ерошит Сиду рукой волосы, выбившиеся из-под повязки.

– Ты все делаешь не так. Я не могу понять, почему. Чего-чего, а дырок в технике у тебя не было. Отключиться в самый неподходящий момент – да. Сбросить скорость, потерять координацию – твои любимые штучки. Но технику тебе ставил отец, все должно быть нормально. А ты даже не замечаешь, когда открываешься. В общем, вставай, курица. Если еще не передумал.

Хьелль протягивает меч рукоятью вперед.

Вставая в позицию, Сид интересуется:

– Что такое «курица»? Земное ругательство?

– Курица – это домашняя птица. Белая. Или рыжая. Или черная. Их выращивают, а потом едят. Довольно вкусно. Крылья у нее чисто рудиментарные, она толком не умеет ими пользоваться. Как ты – мечом...

После Когнаты Сид знает, кто такие птицы. Разнообразие существ, умеющих летать, на других планетах его впечатлило. В небесах Аккалабата не летает ничего, что могло бы мешать крылатым дарам.

Атака – прием – проворот меча над головой – выход на выпад – закрыться – принять лезвие в лезвие – сбив...

«Хорошо, что у Хьелля нервы крепче сплава, из которого сделаны мечи. Я бы сам с собой не выдержал», – покаянно думает Сид, полуголушенный, поднимаясь с земли. Вслух же он произносит:

– Ты – Дар-Халем. Лучше тебя никто не умеет драться.

– А ты – Дар-Эсиль, – неожиданно зло бросает через плечо Хьелль, наклонившись, чтобы поднять выбитый из рук Сида меч. – Лучше тебя никто не умеет трепаться.

Перед глазами у Сида рваным красным облаком полощется ярость. Да как он смеет!

Вертикальный удар слева в руку – увести меч вверх по дуге... Короткий меч Сида в движении сверху вниз слегка задевает орад соперника. Хьелль отскакивает в сторону, он доволен.

– Еще раз, – раздается суровый голос из-за спины. Старший Дар-Халем, облокотившись на дерево, наблюдает за схваткой.

– Ты здесь давно? – спрашивает Хьелль.

– С самого утра. Вы вообще ничего не замечаете, когда вместе.

Молодые дары становятся в стойку, повторяют последовательность. На середине атаки Сида лорд Дар-Халем внезапно поворачивается и поднимается на крыло в направлении замка Эсиль.

– Куда это он сорвался? Твоего отца все равно нет дома, – недоумевает Хьелль, когда через четверть часа они сидят спина к спине и передают друг другу бутылку с холодной водой. Сид едва успевает пригнуться: над головой пролетает изогнутое лезвие и впирается в черный ствол чала, под которым они расположились. Хьелль спокойно поднимает глаза, следя за полетом такого же клинка в свою сторону. Осторожно вынимает его рукой прямо из воздуха, восторженно ухает.

– Какова сталь, а? Сид, только посмотри!

На изогнутой поверхности волнистый узор, словно находящийся под верхним слоем металла. Сид не может удержаться от искушения, скребет плоскость меча ногтем.

– Дырку проскребешь, – бурчит лорд Дар-Халем, наклоняясь и поднимая с земли прямые мечи Сида. – Эту ерунду я забираю. Попробуешь новыми.

– Дар-Эсиль с кривыми мечами... Меня засмеют, как только я их выну, – качает головой Сид.

– Ничего. Хоть живой останешься. Судя по тому, что я с утра наблюдаю в твоём исполнении, такие клинки для тебя – самое милое дело.

– А где ты их взял, пап? – Хьелль пробует лезвие, взвешивает на двух пальцах, ищет баланс.

Лорд Дар-Халем смотрит на сына как на безнадежно больного.

– Сид, ты тоже не знаешь?

– Первый раз вижу.

– Только никому не рассказывай. Потому что я их позаимствовал из семейной усыпальницы Дар-Эсилей. Не более получаса назад они еще висели...

– ...Над могилой маршала Корвуса, – с благоговейным ужасом произносит Сид. Теперь он вспоминает эти отливающие всеми оттенками голубого лезвия, девятьсот лет украшавшие стену над гробницей самого знаменитого Дар-Эсиля.

Хьелль тоже вспоминает, где видел эти клинки, но у него они священного трепета не вызывают. Только практический интерес. Он встает, делает несколько выпадов.

– Ты, как всегда, прав, – поворачивается он к отцу. – Дело не только в том, чтобы выйти против Дар-Акилы с изогнутыми клинками маршала Корвуса. Против широкого меча и кинжала... с Сидовой техникой... Самое милое дело, – задумчиво заключает Хьелль.

И тут же оглушительно орет:

– В стойку!

Сид вскакивает как ошпаренный и еле успевает поймать за гарды брошенные с двух сторон мечи.

– Больные вы все, Дар-Халемы. Буйнопомешанные, – бормочет он, интуитивно вставая немного в другую позицию, чем с прежними клинками, и не замечая одобрительных взглядов, которые отец и сын одновременно на него бросают.

* * *

– В стойку!

Серые облака над хорошо утоптанной земляной ареной. Мелкие капли дождя падают за шиворот. С трудом сгибающиеся пальцы снова обхватывают рукояти мечей, чуть подрагивающие в коленях ноги занимают привычное положение... Сиду кажется, что все это происходит не с ним, что это не он уже полчаса, не получив ни единой царапины, но и сам не проведя ни единой серьезной атаки, сражается против одного из лучших мечников Империи.

Когда старик Дар-Пассер в очередной раз прекратил бой и развел их в исходную позицию, Сид, утирая рукавом залитый дождем и потом лоб, успел бросить короткий взгляд в королевскую ложу. Отец стоит у правого плеча королевы, напряженный и вытянутый в струнку. Когда Ее Величество, чуть повернув голову, что-то спрашивает, лорд-канцлер вместо того, чтобы с высоты своего роста покровительственно процедить пару слов, почтительно наклоняется и пускается в долгие объяснения.

– Ичита! – Дар-Пассер дает команду к началу схватки. Четыре клинка – два прямых, два изогнутых, один длинный, два полудлинных, один короткий, один широкий, три узких – впиваются в воздух, со свистом рассекая пространство, разделяющее двух даров, лезвие скользит по лезвию, острие царапает острие, прорезает взметнувшуюся кромку плаща. По Регламенту, лорды дерутся в орадах, чтобы исключить даже ненамеренное использование крыльев. Отрываться от земли на большую высоту, чем это позволяют мышцы ног, запрещено. Все прыжки, уходы, перевороты – без помощи крыльев. Крылья можно использовать только для защиты: отбить удар, заставить клинок противника пройти не прямо, а по касательной, чтобы он соскользнул по перьям, а не впился в спину.

Сид понимает, что устал. Он уже начал терять концентрацию: вся левая сторона орада в мелких порезах, через которые к разгоряченной коже проникает холодный воздух. Это тоже отвлекает. К тому же, орад намок и сохранить прежнюю скорость становится еще труднее. Не говоря о том, чтобы не забывать разгонять и поддерживать свое внутреннее время.

На Дар-Акилу это, кажется, не влияет. Хотя он и сомкнул гневно брови, когда увидел оружие, с которым Сид вышел на площадку, никаких других эмоций старший дар себе не позволил. Он работает мечом и кинжалом, как на тренировке, просто ждет, пока мальчишка ошибется. Не делает никаких резких движений, не уходит в глухую защиту, не идет в активную атаку... «И все равно я не могу его достать», – думает Сид и пропускает молниеносное движение, которым Дар-Акила проскальзывает ему за спину.

Хьелль Дар-Халем одиннадцать лет назад

С того дня, как он в трехлетнем возрасте впервые увидел бой на мечах, Хьелль Дар-Халем не мог оторвать глаз ни от одной схватки, происходившей в его присутствии. Мир переставал для него существовать, сводился к четкому или невнятному – в зависимости от мастерства противников – рисунку фехтовальных фраз, ровному или прерывистому темпу ударов, финтов и переходов, каскаду звуков, рассыпавшихся от мечей, задевающих друг друга, скрежету кинжалов, выламывающих враждебный клинок в захвате, вздохам тяжелых ножей, распарывающих кости и мышцы.

Хьелль не просто смотрел или слушал фехтовальные бои, он их чувствовал всем телом, проживал вместе с их участниками, и потом в оружейном зале старший лорд Дар-Халем не раз останавливал тренировочный поединок с сыном вопросом:

– Откуда ты это знаешь?

– Видел, – отвечал Хьелль. – В прошлую пятницу после охоты, когда молодой Дар-Умбра сказал своему дядюшке какую-то дерзость. Помнишь, они выхватили мечи и минут десять выясняли отношения. А потом явились к столу, грязные, как свиньи, и с симметричными кровоподтеками на мордах...

– Ну?

– Ну и вот. Дар-Умбра выбил у дядюшки меч ровно таким движением... А почему ты мне его не показывал?

– Оно для других мечей, сын, для тяжелых, которые распространены на севере. В том же Умбрене, например. И не для твоего роста и веса. Чтобы наверняка выбить любой чужой меч таким приемом, надо быть раза в два помощнее.

– Па, любой другой я не собирался... А для этой игрушки, которая у тебя сейчас в руках, моей массы тела и стандартного меча Халемов достаточно. В чем ты только что и убедился.

– Наглец. Кого я ращу? – бурчал лорд Дар-Халем, вытаскивая выбитую у него из рук «игрушку» – легкий и короткий клинок оруженосцев тейо – из расщела в деревянном полу и с удовольствием замечая, на какую глубину тот вошел в доски.

Наглец радостно шурился – он любил, когда его хвалили. И он любил смотреть бои на мечах, потому что ставкой в них была жизнь.

Но сегодня Хьелль с тревогой ощущал, что не может заставить себя сосредоточиться на происходящем на площадке. Сид, вопреки ожиданиям, Дар-Акилу не боялся ни капли, не терял концентрацию, не уступал противнику ни в скорости, ни в технике, атаковал и защищался так, будто взял изогнутые клинки в руки не две недели, а, по крайней мере, два года назад. Дары и тейо, заполнившие трибуны, одобрительно переговаривались: малыш Дар-Эсиль не просто не променял боевых навыков на дипломатическое пустобрехство – он выглядел лучше, чем на турнирах до отъезда на Когнату (на них он, в отличие от своего дружка, из-за которого весь сыр-бор и новое обострение многолетнего конфликта Дар-Эсилей и Дар-Акила, никогда не проходил дальше второго круга).

Только десяток лучших бойцов Империи, включая самого Хьелля и лорда Дар-Халема, рядом с лорд-канцлером стоящего возле трона, осознавали всю серьезность происходящего. Сид сейчас «прыгал выше головы», он уже показывал все, что может и не может, а Дар-Акила только разминался, изучал противника, ненавязчиво проверял его на прочность, готовясь к решающей атаке. «Надеюсь, ты это понимаешь, Сид, – умоляюще шептал про себя Хьелль. – Это будет быстро. Один удар. Один переход. Один финт. Только не пропусти. Прошу тебя. Просто отреагируй. Сбивом, уходом – как придется. И контратакуй, пока он будет соображать, как это вышло. Ты можешь. Только не пропусти».

Сид пропустил. Быстрый и очевидный переход. То, что сейчас Дар-Акила окажется у него за плечами, Хьелль увидел за долю секунды до того, как старший дар начал движение. Сам Хьелль успел бы. Любой Дар-Халем успел бы. Потому что у него в запасе было бы не одно мгновение, которое Дар-Акила затратил на прыжок, а три. Первое – когда Хьелль прочитал в

глазах и почувствовал по плечам Дар-Акилы, что тот сейчас закроется от прямого удара Сиды, уведет в сторону корпус, перенесет тяжесть тела на левую ногу и рванется вперед – к Сиде за спину. Второе – когда Дар-Акила начал движение. И третье – когда тот легко приземлился, почти касаясь крыльев противника грудью, но рука с кинжалом еще только тянулась к горлу Сиды.

Если бы перед Дар-Акилой стоял Хьелль, все бы завершилось еще на втором мгновении. Четким угловым ударом с короткой руки. Не говоря уже о том, что, если бы перед Дар-Акилой стоял Дар-Халем, тот никогда в жизни не решился бы на такой прием. Но то, что бесполезно против веками шлифовавшихся рефлексов и идеального чувства времени мечников с Халемских холмов, прекрасно сработало против наследника Дар-Эсилей.

«Ну, по крайней мере, теперь он его, точно, не убьет», – вздохнул Хьелль, глядя на застывшие посреди площадки две фигуры в черных орадах: одну – с кинжалом, плотно прижатым к горлу другой, застывшей в оцепенении с опущенными по бокам руками – изогнутые клинки смотрят назад, ладонь внутрь, автоматически отметил Хьелль. Он знал, что королевой строго-настрого запрещено Дар-Акиле убивать противника. Перспективный дипломат нужен Империи, а Ее Величество слишком ценит верность и изворотливость лорд-канцлера, чтобы поссориться с ним из-за такой мелочи, как дуэм Дар-Халемов. Ранить или даже покалечить в пылу поединка – это одно, но хладнокровно зарезать теперь, когда все уже решено, – совершенно другое. Дар-Акила обещал королеве жизнь одного молодого лорда в обмен на дуэм с другим. Он победил, сейчас бой остановят.

Хьелль поймал устремленный на него от королевского трона взгляд отца и обреченно пожал плечами. Жалко, что деле редко разрешается приходить и смотреть на поединки, но, наверное, ему (ей) тогда уже и не захочется... И жалко, что нельзя ни у кого спросить: разговоры с деле об их прошлой жизни категорически запрещены.

Распорядитель поединка лорд Дар-Пассер сделал шаг к центру арены...

Сид Дар-Эсиль одиннадцать лет назад

Глупо было так попасться. И не попасться было невозможно. Сид только теперь, ощущая влажную сталь у вмиг пересохшего горла, понял, насколько велик был разрыв в мастерстве и скорости. Даже с новыми клинками, даже после всех тренировок с Халемами, у него не было ни шанса.

Одновременно Сид с холодной ясностью осознал, что сейчас его будут убивать. Об этом говорила знаменитая придворная интуиция Дар-Эсилей – та самая, от которой не было никакого толку в бою, но которая теперь кричала в голос. О том, что никакие приказы и обещания, данные королеве, в эту секунду для Дар-Акилы не имеют значения. Потому что тот с самого начала собирался его убить, и вся эта получасовая пляска с мечами имела только одну цель – нанести удар так, чтобы он выглядел случайным, сорвавшимся, не удержанным в пылу атаки. А когда задуманное не получилось, тогда разъяренный дар пошел ва-банк.

Встретив неожиданное сопротивление, Дар-Акила, внешне казавшийся непроницаемым, полностью потерял контроль над собой. Теперь, когда грудная клетка соперника почти касалась его крыльев, Сид ощущал неприкрытую ненависть, кипящую в ней. Волны этой ненависти толкали его в спину, заставляли отклоняться вперед, отчего горло сильнее вжималось в иззубренное лезвие.

Дары на трибунах оставались спокойными. Взвившийся в момент решающей атаки Дар-Акилы шепоток затих. Приказ королевы пощадить молодого Дар-Эсиля не был секретом. Оставалось только дожидаться, пока лорд Пассер доволочит свои израненные ноги до центра поля и объявит конец поединка. И уже наконец можно будет выпить бокал-другой отличного вина из бочек, установленных за трибунами, посмаковать детали боя, дать юноше Дар-Эсилью пару советов на будущее и отправиться по домам. Ах да, не забыть сочувственно хлопнуть по плечу

молодого Дар-Халема и пожать руку его отцу – все-таки лучший мечник королевства, и сделать такое из не блиставшего прежде способностями мальчишки Эсиля – это надо уметь. За это надо выпить. И попросить Дар-Халема взять на обучение своего младшего – чтобы педагогический талант не пропал, раз уж дар теперь будет жить один...

Сид отрешенно наблюдал за тем, как старик Пассер, подволакивая левую ногу, сделал первый шаг. «Это уже не бой на мечях – вотчина Дар-Халемов, – внезапно подумалось ему. – Здесь запахло нашим фамильным – придворными интригами, кровной мстью, всяческими кознями и пакостями, в которых исконно сильны Дар-Эсили. А значит...»

Значит... Он не знает, что я знаю, что он будет меня убивать. Он думает, что я надеюсь уйти живым, памятуя о приказе королевы. Значит, он считает, что я расслабился. И тоже ослабил концентрацию, отпустил свое внутреннее время, дал ему течь с такой же скоростью, как время внешнее вокруг нас, перестал конденсировать его, ускорять в режиме поединка.

Чтобы убедиться в этом, Сид незаметно напряг локти, чуть перехватил мечи... И когда кинжал Дар-Акилы скользнул по его горлу, с силой вонзил оба клинка в живот стоящему позади сопернику.

* * *

Сид открывает глаза, и кажется, что это простое движение отнимает все его силы. Веки тотчас же падают обратно. Такое ощущение, что они хлопают по зрачку, как кованые ставни по высоким окнам Эсильского замка во время осеннего урагана. Боль бежит по глазному нерву, абсолютно неожиданными путями добирается до какой-то точки в самой макушке и там, наконец, затихает. Тогда Сид делает неглубокий аккуратный вдох и теперь уже не открывает, а приоткрывает глаза. Сквозь иголки ресниц он видит, как Хьелль с трудом выбирается из кресла и озабоченно склоняется над его постелью. На обивке кресла – гербы Дар-Эселей, значит, они в крепости на болотах. «А я еще могу соображать», – радостно думает Сид.

– Ты его убил.

Хьелль всегда выражается по существу. Проследив за испуганным взглядом, которым Сид сопровождает его старания забраться обратно в кресло, он добавляет:

– А я сломал крыло. Попытался раскрыть его под орадом, когда вы оба в крови рухнули на землю. Месяц без полетов. Отец обозвал меня безголовым тейо и велел не показываться на глаза. Легко. Все равно мы у вас.

– А мой... – Сид не уверен, что это были слова, а не просто движение губ, но Хьелль понял.

– Не вылезает из дворца, пожинает плоды твоей победы. Королева в восторге, тебе уже обещано место следующего лорд-канцлера. Все пожимают твоему отцу руку и бешено сожалеют, что ты мой, а не их лучший друг.

Хьелль, наконец, находит удобное положение в кресле. Сид понимает, как ему, должно быть, больно: резко раскрыть крылья под орадом – предприятие не для слабонервных. Своего тела он не чувствует. Последнее, что помнится – широко раскрытые глаза старшего лорда Дар-Халема и его рука, пережимающая сосуды на горле.

– Отец был впереди секунды на две по внутреннему времени. Он великий мечник, не то, что я... – продолжает Хьелль. И объясняет:

– Вы могли стоять так еще несколько минут, и он бы не отключился, все равно держал бы свое внутреннее время в боевом режиме. Все остальные вас «отпустили». И я тоже. Поэтому я бы не успел. А он успел. Сбросил орад и в два взмаха крыльев был рядом с тобой. Ты падал на меч Дар-Акилы. Он в последний момент выставил его в воздух. Отец тебя подхватил и зажал рану. От меня толку было чуть – я сам орал от боли на трибуне. Вот такой у тебя замечательный друг, Сид, ради которого ты рисковал жизнью.

«У меня замечательный друг, – думает Сид, снова закрывая глаза. – Только дурак. Зато теперь никакого дуэма. То есть дуэм у него теперь со мной. То есть никакого. Как же хорошо».

– Ты мне расскажешь? Потом, когда выздоровеешь, – в голосе Хьелля звучат напряженные нотки.

– О чем? – Сид заставляет себя продолжать разговор, ему не хочется, чтобы друг волновался.

– Как *ты* успел.

– А рассказывать нечего. Я знал, что он сейчас будет меня убивать... и что это уже не бой. А убийства из-за спины – это наше всё, мы – Дар-Эсили – мастера подковерных игр и дворцовых пакостей. Ты же знаешь, нас нельзя...

– Ага. Удушить, проткнуть отравленным кинжалом... У вас интуиция.

– Ну, как-то так...

Друзья надолго замолкают. Сид лежит неподвижно, прислушиваясь к ощущениям в конечностях. Тишина. Вдруг свет, проникающий сквозь ресницы, заслоняется темной растрепанной гривой и мягкие губы целуют его в лоб.

– Эй, – только и может произнести он. – Ты же не умеешь танцевать.

– Вот поэтому я делаю это сейчас, когда тебе даже в голову не придет заняться моим обучением, мой карун.

Губы усмеваются где-то в районе виска, и спутанные волосы поднимаются, открывая ему свет.

* * *

О том, что война с Виридисом, из-за которой на несколько лет будет наложен запрет на дуэм, была объявлена на следующий день после поединка, Хьелль ему так и не рассказал. Сид узнал через неделю, когда смог сам встать с постели.

Часть третья Мечи и крылья

Глава I. Все пытаются разобраться

Алиссия Ковальская, действительный член Звездного совета

– Хьелль, может быть, ты попросишь своего друга, чтобы он прекратил валять дурака?

– Ну знаешь, у него работа такая. Валять дурака, делать из всех дураков... Он больше ничего не умеет. Но делает это на славу, не хуже, чем я машу мечом. Ёе... ты можешь чесать сильнее?

– Ты только что просил быть аккуратнее и не драть.

– Совершенно верно. Чешем сильно и аккуратно. Вычесываем, а не дерем. Прижигаем там, где кровит, и обезболиваем все подряд. Элементарно и не в первый раз. Какие проблемы, доктор?

– Никаких, кроме того, что первый раз был четырнадцать лет назад. А на Земле, знаешь ли, не на ком практиковаться. Бесполезные навыки утрачиваются.

– Как это *не на ком*? У вас полно этих... которые есть у всех... кроме Аккалабата... вы их едите.

– Птиц?

– Ну да. Наловила бы себе и практиковалась.

– Как ты себе это представляешь? Утром член Звездного совета Алиссия Ковальская садится на крылечко, берет под мышку курицу и начинает ее вычесывать.

– Демоническая картина. Только я бы посоветовал не курицу, а что-то более эстетичное...

– Например?

– ...Вспомнил – дельфина!

– Павлина!

– Ну да. Или что-нибудь героическое, вроде осла.

– Орла, дурак малахольный.

– Да, орла или дельфина. Вполне солидные птицы. И не утром на крыльце, а непосредственно на заседании Звездного совета. Я бы тебе набор прислал – по уходу. С костяными гребнями. Инкрустированные ручки и все такое.

– Меня бы тут же сослали в психушку.

– Ваш Звездный совет тоже не выглядит особенно психически здоровым.

– С этого момента поподробнее.

– Лисс, зачем мы им сдались? Они не наелись Дилайной? Ни на одной окраине Конфедерации больше ничего не происходит? Оуу....

– Лежи смирно, не дрыгайся.

– Я не дрыгаюсь, когда ты не дергаешь. В отличие от Звездного совета.

– Их, как ты изволил выразиться, «дернули». Локсия. Она вступила в Конфедерацию в прошлом году и оказалась сотым членом. Естественно, были празднования... речи, торжественные заседания, телеграммы от глав государств и правительств. Под шумок они протасовали резолюцию. Об обязательстве Звездного совета вмешаться. Их посол размазывал слезы по лицу и бил себя в грудь. Говорил про геноцид и военную агрессию. Эти слова для наших бегунов на политические дистанции – как стартовый пистолет. Чуть-чуть на левый бок переляг... и расправь маховые, там слиплось все, я не долезаю щеткой. Вот так, хорошо. Потерпи еще, немного осталось.

- Размочи из пульверизатора. Скребешь прям по мясу.
- Ага. Больше не буду, извини.
- Так что конкретно вы обещали Локсии?
- ...Хьелль, зачем вам нужна эта война? Тебе лично?
- Лисс, тебе не понравится то, что я сейчас скажу.
- Говори уже, а то перья выщиплю. Я закончила, кстати. Сейчас уберу все эти ошметки, а ты пока соберись с мыслями. Вдруг мне понравится.
- Уверен, что нет.
- Не тяни, выкладывай. Щетки помыть?
- Не надо, я потом сам. Лисс... в общем...
- Только не ври мне, хорошо?
- Так. Если ты это ляпнула, чтобы заполнить паузу, то я прощаю. Если ты серьезно думаешь, что я способен тебе соврать... то это...
- То это – что?
- Это Чахи знает, что такое... Я когда-нибудь давал повод?
- Нет. Но ты не был маршалом Аккалбата.
- Ерунда.
- Это не ерунда. Люди меняются. У них появляются новые обязательства и приоритеты. Ты не обязан...
- Все, хватит. Лисс, тебя интересует причина, почему мы напали на Локсию. Я тебе ее назову, а как поступить с этим знанием – тебе решать. В общем... это моя война, Лисс. Я ее затеял.

Хьелль Дар-Халем три года назад

- Я вчера был у королевы.
- Хьелль поднимает меч плашмя на уровень глаз, словно выискивает невидимые пылинки. Прищуренный взгляд скользит по безукоризненно наточенному лезвию и упирается в солнце.
- Я. Вчера. Был. У Королевы.
- Лезвие меча опускается, неслышно входит в ножны. Разговаривать неохота. За три последних месяца Хьелль не слышал от новоиспеченного лорд-канцлера ничего, кроме придворных сплетен и рассказов о грядущих триумфах аккалбатской дипломатии. Скучно. Но это Сид, можно и потерпеть. Спросить что-нибудь нейтральное.
- Старая карга расщедрилась на эгребское нового урожая? Или это не входит в число твоих новообретенных привилегий?
- Она говорит, что в следующий раз хочет видеть меня женатым.
- Ооооо... поздравляю.
- Хьелль, старуха настроена серьезно. Она даже не стала распинаться про обязанности канцлера имперского двора и продолжение линии Дар-Эселей. Просто дала мне три дня.
- Невозможно. Траур по твоему отцу еще не закончен.
- Три дня, Хьелль. И я должен назвать ей имя новой леди Дар-Эсиль.
- Впервые за время разговора темные глаза встречаются со светлыми, взгляд осторожно раздвигает ресницы, пытаясь проникнуть за бесцветную радужку, почти сливающуюся с белками. Тонет в ней, как в зыбком болотном тумане. Отказавшись от попыток угадать, спускается, следуя линией носа к тонким губам. Губы произносят:
- Хьелль, ты мой лучший друг. И мой дойе. Но существует еще учебный корпус. Там можно взять мальчишку.
- Именно потому, что ты мой лучший друг, учебного корпуса в этом смысле для тебя не существует. Я не смогу с этим жить. Ты сам не сможешь.
- Ну, конечно, тебе всегда нравилось наше фамильное серебро...

Молниеносность движений лучшего мечника Империи не может удивить того, кто рядом с ним с детства. А вот к ощущению лезвия, прижимающего кадык, невозможно привыкнуть, даже если у твоего собеседника это один из любимых аргументов. С детства.

– Хьелль, убери меч.

– Извинись.

– Хьелль, прости, это была дурацкая шутка.

Лезвие плашмя постукивает по подбородку. Молодой лорд-канцлер Империи нервно сглатывает, но не делает резких движений. Руки по-прежнему скрещены на груди, голова откинута на спинку кованого садового кресла.

– Меч убери.

Недавно назначенный главнокомандующий вооруженными силами Ее Величества кивает. Но убирать оружие не спешит. Проводит моментально нагретым на солнце металлом по щеке, почти невесомо очерчивает рот...

Сид задерживает дыхание: прикосновение смертоносного клинка к губам пугает и завораживает. В то же мгновение остроконечное лезвие упирается между ключицами. Блики, играющие на нем, ослепляют, и Сид на долю секунды замуривает глаза. Когда он открывает их, Хьелля уже нет рядом. Лорд Дар-Халем идет по аллее к замку, небрежно сшибая мечом головки цветов. Поворачивается он, только дойдя до входной двери и распахнув ее:

– В доме Дар-Эсиль подают сегодня обед? Или столовое серебро здесь используют исключительно в зловещих колдовских обрядах?

Больше на эту тему они не говорят. Утром Хьелль раздражителен и саркастичен, у него красные опухшие глаза и морщинки усталости на переносице. Сид тоже недоволен: в библиотеке стоит чад от непогашенных вовремя свечей – и он устраивает разнос дворецкому.

В пять часов дня перед Ее Величеством королевой Аккалбата лежит детально разработанный план нападения на Локсию. На следующее утро экстренно созданный Генеральный штаб утверждает план кампании, разработанный юным, но таким многообещающим главнокомандующим. И еще до заката лорд-канцлер получает из рук королевы подписанные указы о ремонте старых кораблей, начале военных действий, мобилизации вооруженных сил Империи и – как следствие перехода от мира к войне – о временной приостановке дуэма. Аккалбат вступает в новую победоносную войну.

Антон Брусилов, лейтенант десанта

Голос Краснова в коммуникаторе звучал чуть более возбужденно, чем следовало:

– Лейтенант, приведи в порядок своих ребят. Хорош за казенный счет давить массу. Лорд-канцлер Аккалбата прибывает к нам на корабль с ознакомительным дружеским визитом. Через полчаса. Все должно быть чики-чики. Ты меня понял?

– Я Вас хорошо понял, – слегка акцентируя «Вас», ответил Антон. – Все будет в порядке. Конец связи.

Итак, самая хитрая лисица королевского двора решила своими глазами полюбоваться на боевую мощь Конфедерации. Сначала заперев эту мощь на несколько дней в замкнутом пространстве корабля, где с ума можно было бы сойти от скуки, будь он чуть понеопытнее и не гоняй парней с утра до ночи до полного изнеможения. Вполне узнаваемо. Так поступил бы каждый. *Я бы, например, точно так поступил.*

Выбрав из имевшегося у него в распоряжении личного состава десяток самых бравых молодцев и разместив их в парадной форме по сторонам красной дорожки, которую подчиненные капитана Гарика уже раскатали во входном отсеке, Тон отдал остальным приказ продолжать службу по объявленному на сегодня плану и устроился у монитора, непрерывно показывающего космодром и подъезды к нему. Лорд-канцлера он успел как следует разглядеть еще

на церемонии встречи, но... Тон даже сам не знал, что «но». Просто хотелось, честно говоря, чтобы придворная лисица уже приехала и все стало ясно. Где мы находимся.

Серый орад в окружении черных, сопровождаемый дипломатами с Земли, обозначился в дальнем углу монитора. У Тона даже горло перехватило от напряжения, но интересные подробности он отмечать не забывал. По мере приближения стали видны изогнутые клинки под развевающимися полами орада (в день прибытия ветра на космодроме не было). Стоооп. Изогнутые? Почему изогнутые? С какой стати у лорд-канцлера Аккалабата кривые мечи? Что-то с памятью моей стало? Или тут резко сменились государственные приоритеты? Да нет, непохоже.

Тон нажал на кнопку – попросил большее приближение и круговой обзор. Так и есть, гадкие, почти девчачьи ресницы иголочками, спокойные глаза, будто затянутые молочной пленкой, великолепная, словно морозным инеем подернутая шевелюра, прихваченная лентами у поясницы. Девчонка, сущая девчонка и есть! И превредная. Тона аж передернуло.

А что это у нас на шее? Какой выразительный шрам почти от уха до уха! Как ты выжил-то с таким украшением? Неужто королевские гены, доставшиеся от матери, сработали и остановили кровотечение? Представляю, как там должно было хлестать... Но шрам старый, что и естественно. Кто же полезет с морды на главного помощника Ее Величества? Удавка со спины, балконная плита на голову, неожиданно разверзшаяся ямина под ногами. Вот они методы высшей политики Аккалабата.

– И не только его, – мрачно ухмыльнулся лейтенант десанта Антон Брусилов и пошел встречать гостей.

Сид Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

Все шло как по маслу. Сид был несказанно доволен. Первые два дня он щедро предлагал землянам только то, от чего они определенно не могли отказаться, вырабатывая у них привычку отвечать «да» на все, что от него исходило.

– Желаете посетить военный корпус?

– Да.

– Хотите осмотреть знаменитые сады Хангафагона?

– С удовольствием.

– Не будет ли вам угодно присутствовать на банкете, который в Вашу честь дает Ее Величество?

– Разумеется.

Поэтому, когда лорд Дар-Эсиль закинул пробный шар, осведомившись, можно ли посетить современный и великолепный корабль, доставивший посланцев Звездного совета для столь важных для подведомственной ему Империи переговоров, разрешение на осмотр было моментально получено.

Злоупотреблять приглашением лорд-канцлер не стал и решил отправиться на экскурсию в одиночку. Лишние глаза и уши, которые из всего, что можно увидеть на корабле, обратят внимание только на грозную силу земного оружия, были канцлеру ни к чему. (*Хьелль, где ты, Чахи тебя возьми, когда ты так мне нужен!*) Отпустив свою свиту у самого трапа, лорд-канцлер вслед за послем Красновым ловко поднялся наверх и шагнул в открывшуюся слайд-дверь.

– Экипаж корабля и командование группы Звездного десанта приветствует Вас, сиятельный лорд, на борту крейсера «Алтея», – провозгласил Краснов, приветственно распростирая руки.

За десять лет, прошедшие со времени обучения на Когнате, лорд Дар-Эсиль успел отвыкнуть от яркости электрического освещения. Он инстинктивно заслонил глаза рукой, остановившись в дверном проеме.

– Мы сейчас приглушим, простите, лорд-канцлер, – извиняющимся тоном произнесли над ухом. Свет стал менее резким, и Сид Дар-Эсиль с облегчением опустил руку.

От того, что он увидел прямо перед собой, ему захотелось зажмуриться и бежать с корабля землян всю дорогу до королевского дворца, не останавливаясь и не оглядываясь.

Олег Краснов, руководитель миссии

– Разрешите представить. Капитан Каверин, командир нашего космического судна. Лейтенант Брусилов, командир группы боевого обеспечения, – Краснов не считал нужным скрывать функцию военных, находящихся на борту. Тем более, что внушительный вид лейтенанта и его десантников в парадной форме, но при полном вооружении произвел на канцлера впечатление прямо-таки термоядерное. Казалось, впервые за три дня лорд Дар-Эсиль позволил своим эмоциям выйти наружу: изумление, страх, недоверие, снова изумление и отчаянное «черт меня побери!» сменились на его лице с непередаваемой быстротой, снова уступив место выражению доброжелательного внимания. Но и эти несколько мгновений Краснов мог считать маленькой дипломатической победой. Впервые он подумал о бритоголовом лейтенанте с некоторой долей симпатии: ненавязчивая демонстрация силы явно удалась.

Канцлер аж вспотел от ажитации. Забыл, куда и зачем пришел. Топтался у двери, словно не зная, поклониться ли ему представленным летно-военным чинам или пожать руку. «Плохо же ты учился на Когнате, аристократ задрипанный», – злорадно подумал Краснов.

Наконец, верховный лорд вполне овладел собой, вспомнил, очевидно, конфедеративные порядки, пожал руку Каверину, коротко кивнул спецназу, протянул:

– Весьма впечатляет, советник. Тем больше моя благодарность за предоставленную возможность осмотра.

Краснов решил сковать железо, пока горячо.

– Давайте сразу пройдем в рубку. Осмотрим навигационные средства корабля, панель управления... (С особенно большим удовольствием мы тебе, чучелу средневековому, продемонстрируем лазерные пушки, бомбы и прочее оружие дистанционного поражения).

– Капитан Каверин, будьте добры возглавить экскурсию. Лейтенант, ваши воины больше не нужны. Отпустите их и присоединяйтесь к нам в рубке, – Краснов любил чувствовать себя хозяином. Без суеты, степенно он повел охреневшего лорда внутрь корабля. Лорд послушно плелся сзади. Вид у него был жалкий. На замыкавшего шествие Тона он то и дело оглядывался с каким-то затравленным выражением.

Сид Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

И сколько нам осталось жизни? День? Два? Три минуты? Ай да советник Краснов! Так изящно продемонстрировать, *какое* боевое прикрытие он с собой притащил! А ты хорош, самолюбленный сиятельный лорд, благородный кретин Ее Величества! Как же ты вляпался – по самую макушку! И родную Империю за собой потащил! Но кто мог себе представить! Ни одна душа во Вселенной. Ты же сам видел мертвое пепелище, ты же сам искал несколько лет по всей планете, по всему сектору, по всем окрестностям... ты полказны королевской выложил. За любым слухом, за любым намеком посылал своих агентов.

Хватит заниматься самопоеданием. Изображай на лице вежливое внимание, присаживайся в кресло пилота, рассматривай мониторы и переключатели, восторгайся и изумляйся, а тем временем думай, лорд-канцлер, сооб-ра-жай. Как тебе теперь расхлебывать это дерьмо. Столовыми ложками. В одиночку. Потому что представить, что ты доложишь об увиденном королеве, невозможно. В Хаяросе начнется такой хаос, что мы даже не успеем вывести с Локсии войска – их там всех под шумок, как детей... передушат.

Что там рассказывает советник? Ах, дистанционные средства поражения. Он что, испугался, что слишком выставил напоказ свое главное оружие, и теперь хочет отвлечь, рассеять

внимание? Лазерные пушки, ну, конечно. Точечное бомбометание – трепещу необычайно. Про это можно не слушать. Не будут же они использовать все эти игрушки, когда у них в руках такое...

Да, я хочу посмотреть систему жизнеобеспечения. Пока вы будете про нее толковать, мне будет удобно думать. Про то, как обеспечить жизнь тысячам своих сограждан. В свете новых открывшихся фактов. Только пусть этот, упакованный в защитный комбинезон от шеи до пят, не стоит у меня за спиной. И не буравит меня своими зелеными глазищами. Я даже не могу попросить, чтобы его убрали. Прекрасная Лулулла и все мои предки, чем я виноват?!! За что мне этот кошмар?!!!

Да, я хочу посмотреть и каюты тоже. Нет, Сид, если ты не успокоишься, ты не начнешь думать. *Я не успокоюсь и не начну.* Потому что зеленые глазищи тут как тут. И руки в защитных перчатках с открытыми пальцами переплетены на груди, пока он, равнодушно прислонившись к стене, любит меня на меня, как кот на мышку. На белую дрессированную крысу. Словно выбирает, съест меня на завтрак, на обед или ужин.

Да-да-да! Тысячу раз да! Я хочу посмотреть, как тренируются ваши спецназовцы. (*Hee-eet! Я не хочу даже близко к ним подходить. Но я должен.*) Чтооо? Советник Краснов не идет со мной. Капитан Каверин не идет. Они остаются в кают-компании, чтобы лично проследить, как будет накрыт стол для ужина: лорд-канцлеру следует попробовать земную пищу. Меня проводит лейтенант Брусилов. *Я сейчас умру.*

– Пожалуйста, сюда. Следуйте за мной.

Ага. Добро пожаловать в пасть демона Чахи, лорд-канцлер.

Еще раз сердечно поблагодарив капитана Каверина за понятные и подробные объяснения, лорд Дар-Эсиль поворачивается и на негнущихся ногах идет по коридору, на сей раз глядя в спину командиру отряда боевого прикрытия миссии Звездного совета на Аккалабате Антону Брусилову.

Антон Брусилов, лейтенант десанта

– Сид, расслабься, не укушу, – Тон останавливается так внезапно, что лорд-канцлер чуть ли не врежется ему носом в затылок.

– Ты чего испугался, дуралей? Аж дышать перестал при виде меня.

– Так заметно? – с трудом выдавливает лорд-канцлер.

– Угу. Советник Краснов чуть не лопнул от гордости за родной спецназ. Так напугать главу аккалабатской дипломатии. Десятью парнями в парадной форме и одним лейтенантишкой. Он меня так, того гляди, и уважать начнет.

– Тон, о чем ты?

– Вопрос неверный. Разрешаю переформулировать.

Они так и стоят в коридоре, только теперь в полуразвороте друг к другу, и внимательно друг друга рассматривают.

Пока Сид судорожно пытается выбрать один-два из сотни ворочающихся у него в мозгу вопросов, понимая, что время ограничено и что Тон может и не ответить, десантник замечает:

– А ты вырос и стал невероятно крут... но похож все равно на девчонку. Горло тебе переполосовал Хьелль – за вредность?

Вопрос застаёт Сиду врасплох. Дело даже не в словах, а в тоне, которым он задан. Спокойно-дружелюбном, будто человек, который сейчас стоит перед ним, не может разнести весь Хаярос одним движением кисти. «Человек, – хмыкает Сид про себя. – Форма существования материи».

Вслух он отвечает:

– Горло мне переполосовали за Хьелля. Долгая история.

– Он верховный главнокомандующий, как я понял? И, как положено Халему, лучший мечник Империи? Видел в первый день на космодроме. Выглядит сокрушительно.

Сид кивает. Этот обмен репликами совсем не похож на беседу хладнокровного убийцы с жертвой, которая полностью в его распоряжении. Скорее на встречу двух друзей после долгой разлуки.

– Я могу задать вопрос?

– Я же сказал, спрашивай. Только формулируй нормально. У нас мало времени.

Тон делает небольшой шаг к двери в тренировочные помещения, словно обозначая, что весь разговор происходит на ходу, по пути к месту, куда они направляются и где уже минуты две, как должны были оказаться.

– Как ты с ними договорился? Почему? Где ты был все это время? Как тебе удалось спастись? Ты знаешь что-то об остальных? Ты... – Сид выпаливает все эти вопросы быстро-быстро и все равно не успевает. Тон кладет ему руку на плечо, останавливая.

– Никак. У меня не было выбора. В аду. Не знаю. Не имею не малейшего представления. И успокойся, наконец, пожалуйста. Я не собираюсь разносить Хаярос в щепень, устраивать землетрясение в Умбрене и сжигать дотла замки Левобережья Эль-Эсила. Равно как и Правобережья. Я вообще ничего не собираюсь делать. Я просто не могу.

С этими словами Тон снимает руку с плеча лорд-канцлера, немного задержав ее на серебристой ткани орада, и расстегивает молнию на манжете своего комбинезона. Молча закатывает рукав. Потом второй. Вытягивает обе руки перед глазами Сида и ждет реакции.

Сид нервно сглатывает. В первый момент от облегчения у него вся кровь отливает от головы и глаза заволакивает туманом. Во второй – он осознает, *что* именно он видит перед собой, кровь снова бросается ему в голову... Тон крепко берет его за плечо, встряхивает.

– Сид, больше ни на что нет времени. Совсем. Ни секунды. Если ты хочешь поговорить нормально, дай мне возможность сойти с корабля. Надеюсь, ты убедился, что в теперешнем состоянии мои возможности действительно равны возможностям десантника-землянина Антона Брусилова. Попытаться вложить в твой воспаленный мозг идею, что, имея я полные руки... ну, ты сам знаешь чего, я не стал бы договариваться, как ты изволил выразиться, с Конфедерацией, бесполезно. Равно как бесполезно, на мой взгляд, объяснять, что разрушение Аккалабата – это последнее, что могло бы прийти мне в голову. Даже если я поклянусь, ты не поверишь. И будешь прав. Нельзя же всерьез верить моим обещаниям, – усмехается Тон, отпуская лорд-канцлера и вглядываясь в его глаза, где под игольчатыми ресницами теперь не страх, а какая-то жалкая растерянность.

– Жалеть меня тоже не надо. А вот по дворцу я бы погулял. Глядишь – найду чего интересное, – Тон заговорщицки подмигивает и снова приобнимает лорд-канцлера за плечи. – Нет, ей-богу, девчонка. Ну, че ты так расстроился? Из-за меня? Не стоит. Так жизнь сложилась. Но мы еще повоюем. Пошли смотреть моих бойцов. В режиме замедленного внутреннего времени они будут тебе очень даже ничего.

Сид заставляет себя взглянуть в ярко-зеленые глаза, которые он привык видеть сквозь густую рыжую челку. Под гладко выбритым черепом они выглядят усталыми и старыми, гораздо старше, чем у него, Дар-Эсила, но в то же время такими уверенными в том, что «мы еще повоюем», что Сид встряхивается, освобождается от руки Тона, снова задумчиво оглаживающей орад у него на предплечье, и хорошо поставленным голосом вершителя аккалабатской политики сообщает:

– Думаю, лейтенант, что правящая королева сочтет возможным предоставить вам доступ во все помещения и местности Аккалабата, где имеют честь находиться члены вверенной вашим заботам миссии.

Тон выкатывает глаза. Тянет с насмешливым уважением:

– Оооо. Ну, так-то лучше. Премного благодарю, лорд-канцлер.

И добавляет одними губами:
– Во славу Ее Величества!
– И во имя Ее! – чувствуя, как непрошенные слезы карабкаются к глазам из горла и усилием воли заставляя их обратиться обратно, отвечает лорд Дар-Эсиль.

Глава II. Все шляются там, где им совершенно не положено быть

Антон Брусилов, лейтенант десанта

Будь они все прокляты! Самоуверенный дипломатишка, слепой на оба глаза и глухой на оба уха, который в упор не видит того, что здесь происходит, который не имеет понятия о средневековых цивилизациях даже на уровне «Справочника космического туриста», массового бестселлера эпохи начала межпланетных контактов. Очкастая снайперша с ее крышесносным умением исчезать постоянно неизвестно куда и появляться потом как из-под земли с невинным видом и незатейливыми вопросами «А что здесь случилось?» и «Куда мы идем?». Мы идем к черту, в ж... катимся, неужели ж они этого не замечают? Лорд-канцлер уже неделю вешает им на уши отборнейшую лапшу, а они...

– Тот проход уже несколько лет, как заделан, лейтенант.

Он поворачивается на голос, чтобы увидеть прямо перед собой аристократический подбородок и черные прищуренные глаза верховного главнокомандующего Аккалабата.

– Ты меня напугал, – спокойно говорит Тон и ждет реакции.

Хьелль Дар-Халем, маршал Аккалабата

Это стоило того, чтобы встать с постели и полным инвалидом, прятаясь от встречных в арках и нишах, доковылять до дворца. *Ты меня напугал.*

– Ты меня тоже, – невозмутимо констатирует Хьелль и усаживается в кресло, лишь немного поморщившись от боли в спине.

– Ты ранен?

– Нет, альцецо, – собеседник по-прежнему стоит в тени, скрещенных на груди рук не видно. Хьеллю быстро надоедает пялиться в темноту.

– Может, присядешь?

Тон придвигает себе стул и садится.

– Выйди на свет, я тебя не вижу.

Линька лишает всех и всяческих рефлексов, и, когда сильные руки сжимаются на его горле, Хьелль не успевает среагировать и только хрипит одобрительно. Одновременно скашивая глаза под немислимим углом, чтобы успеть увидеть. То, что ему таким оригинальным образом показывают.

Хьелль выставляет два полусогнутых пальца вверх, обозначая: «Сдаюсь». Тон удовлетворенно кивает и возвращается на место. Хьелль потирает саднящее горло и констатирует:

– С головой у тебя лучше не стало. А говорят – закон сохранения вещества: где-то убавится, где-то прибавится. На руках убавилось, должны были нарасти мозги.

– Как ты помнишь, у нас этот закон не работает, – поддерживает шутку Тон. И тут же поправляется:

– Не работал. Ни в каком виде. Прибавлялось или убавлялось все исключительно соответственно пожеланиям заказчика. Без всяких ограничений.

– Ага, – саркастически замечает Хьелль. – Демонические конформы в ассортименте. Во славу пресветлой королевы Дилайны. Знаешь, у тебя были на редкость гнусные кожистые лапы.

– Чешуйчатые, – исправляет Тон, грустнея на глазах. – Кожистые были крылья. Гораздо практичнее, чем ваши мочалки, между прочим.

- Ну, куда нам...
- Со свиным рылом в калашный ряд.
- ???
- Земная пословица. Что ты делал три года на Анакоросе?
- Год. Потом меня забрали по дуэму с Дар-Акилой.
- И что?
- И ничего. Помнишь, когда Сид был маленький, он терпеть не мог, когда ты трогал его игрушечную лошадку?
- Да. Здоровская была. С пушистым хвостом. Даже у меня такой не было. А значит, когда он подрос...
- Он все равно не отдает ничего из того, что считает своим. Имей это в виду, если в твоей голове бродят какие-то мысли по поводу Аккалабата.
- Нужны вы мне... Вот если бы драгоценные реликвии королевского дома Дилайны... Не может быть, чтобы при межпланетном переезде прекрасная Лулулла не прихватила из родительского дома шкатулку с семейными прибабасами.
- Представь себе, нет. Во всяком случае, не так, чтобы об этом было известно. Платья и украшения великой прародительницы хранятся в сокровищнице. Частично – в храме Лулуллы. Того, что тебя интересует, там нет.
- Зная неподдельную страсть ряда аккалабатских даров к тому, что они считают своим, я все-таки пошарю... здесь во дворце, по некоторым частным коллекциям. Ну, и вообще... – Тон делает неопределенный жест рукой.
- Хьелль использует перерыв в разговоре, чтобы сменить тему.
- Как ты попал в земной спецназ? Они соображают, кому поручили себя охранять?
- Тон поеживается. На какое-то мгновение на месте уверенного в себе командира Звездного десанта – растерянный мальчишка, большую часть жизни живущий под чужим именем.
- Можно, я не буду рассказывать? Я все равно ничего точно не помню. После операции.
- Это была операция? – не выдерживает Хьелль. – Или просто сдирали с мясом?
- Некоторым отрубали руки. По локоть и выше. Я легко отделался, – Тон, как маятник, раскачивается на стуле, сжав руки в кулаки между коленками и каким-то чудом ухитряясь в этой позе сохранять равновесие. Говорит он размеренно и монотонно, и Хьеллю уже не хочется знать, что было дальше. Но Тон почему-то рассказывает.
- Короче, когда я начал хоть что-то соображать... это была Рипария. Самое омерзительное место Внешнего кольца. База подготовки спецназа Конфедерации. Мне популярно объяснили, из какого дерьма меня вытащили земляне и скольким я им обязан. Предложили жизнь, новое имя и пристойную биографию в обмен на потенциальные боевые навыки. Как ты догадываешься, я вообще ничего не умел... особенно с огнестрельным оружием. Но скорость реакции и прочие наши свойства, не привязанные к артефактам... это все осталось. Через три года я получил лейтенантские нашивки и тридцать парней, которые по моему приказу идут под пули и лазерные лучи.
- И вершат справедливость, свергая кровавые режимы, не угодные Конфедерации? Сжигают в постели злодеек-королев с кучей дочек и всей дворцовой челядью? Отрубают руки по локоть наследным принцам, чтоб неповадно было?
- Судя по тому, как Тон зажмуривается и перестает качаться на стуле, удар попал в цель. Хьелль про себя считает до десяти. Потом до двадцати. На «восемнадцати» Тон открывает глаза и нарочито медленно встает со стула. Теперь он возвышается над Хьеллем, засунув руки в карманы.
- Хьелль, мне было пятнадцать. И я хотел жить. И сейчас хочу. У меня большие жизненные планы. Не смей меня упрекать. Вздумаешь помешать – разнесу башку из скорчера. Во славу кровавого режима Дилайны. Заруби на своем длинном носу.

Развернувшись на каблуках так, что в каменном полу, кажется, остаются вмятины, Тон выходит из комнаты. От резкого хлопка двери единственный в комнате светильник гаснет.

Верховный главнокомандующий Аккалабата продолжает сидеть, пялясь в темноту открытыми глазами. Потому что, когда он закрывает их, то видит выжженную яму с остатками человеческих и нечеловеческих тел на месте королевского дворца Дилайны. Главнокомандующий пытается решить, какие дальнейшие действия сделают его большей сволочью по отношению к людям, которых он любит, каким образом убедить Сида, что им на Аккалабате дозарезу необходимо консульство Конфедерации, хотя бы состоящее из одного человека, и как доказать Лисс, что этим человеком должна быть она.

Оставлять ее на Земле сейчас, когда в поисках своих семейных ценностей по Хаяросу рыщет наследник королевского трона Дилайны, Хьелль не намерен. И Тону мешать не собирается. Интересно, обретя искомое, тот сразу помчится мстить направо и налево или сначала отрастит кожистые и чешуйчатые и до одурения натешится своим вторым конформом? *Хотя... у Тона-то он, по-моему, первый.*

Сид Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

– Ты как?.. – обеспокоенно спрашивает лорд-канцлер, поднимая голову от бумаг и устало потирая виски. Сначала спрашивает, а потом понимает неуместность вопроса и заканчивает его уже не обеспокоено, а недоуменно:

– ...сюда попал?

– Через дверь. У тебя открыто было, – хладнокровно сообщает, непринужденно усаживаясь напротив и закидывая ноги на стол, источник богатейшей гаммы чувств, сменяющих друг друга на лице лорд-канцлера.

– По моим представлениям, дар Аккалабата, лишенный дружеского участия в трудный период своей жизни, должен валяться без чувств в постели, а не шататься по дворцовым кабинетам, – ехидно замечает лорд-канцлер, пытаясь скрыть вздох облегчения. Хьелль лишь чуть бледнее обычного, черты лица еще более обострились, под глазами залегли серые тени, но никаких признаков того, что друг сейчас потеряет сознание или скорчится в кресле от боли.

– Я решил, что, раз ты так занят дипломатическими реверансами, что не можешь уделить другу причитающееся ему время... навещу-ка я тебя сам, – это жизнерадостное сообщение сопровождается извлечением из-под орада кожаного футляра с набором гребней, ножей и прочих инструментов, владеть которыми каждый дар умеет с детства, баночек с мазью и пульверизатора с обезболивающим гелем. Весь арсенал ухода за линяющими крыльями бодро выстраивается на столе и начинает наступление на лорд-канцлера.

– Помощь страдающим друзьям... – тяжелая щетка с костяной ручкой отодвигает свиток с программой завтрашнего развлечения гостей с Земли.

– ...является первым долгом и обязанностью... – отворачивается и катится по столу, посланная щелчком в направлении чернильницы, крышечка от баночки с мазью.

– ...каждого благородного дара Аккалабата... – сама баночка с душистым, вязким содержимым устанавливается прямо под носом лорд-канцлера на очередном проекте договора.

– Конечно, если этот благородный дар... – острые металлические зубцы расчески впиваются в столешницу в нескольких миллиметрах от его руки.

– ...не совершенная скотина... – гибкое лезвие вонзается по соседству с расческой.

– ...полностью погрязшая в придворных интригах.

Сид едва успевает заслониться толстым фолиантом по государственному праву Империи от зловещего пшикания пульверизатора, направленного прямо ему в нос.

– Знаешь что? – мстительно произносит он, прочихавшись. – С таким хамом, как ты, даже не хочется делиться весьма интересными наблюдениями, которые я сделал вчера во время визита на корабль Конфедерации.

– Ну и не делись. Жадина.

– Ну и не поделюсь.

Хьелль уже смахнул в сторону все важные и неважные бумаги и, обнажившись до пояса, удобно устроился на столе спиной к Сиду. Спина и крылья выглядят хоть и не безупречно, но ухоженными. Однако Сид не выдерживает:

– Слушай, ты восьмилетнего мальчишку нашел из военного корпуса тебе перья раздергивать? Или слепого итано с полным нарушением координации движений?

Ловкие ладони разминают поднимающие крыло мышцы, соскальзывают на опускающие, больно пощипывают сухожилия у основания несущей поверхности. Маленькие щипчики выдергивают остатки старого оперения, шпатель втирает обезболивающую мазь. Все время процедуры Хьелль благодарно постанывает, а лорд-канцлер, не переставая, брюзжит. Плотная и эластичная серая поверхность под пальцами кажется не такой эластичной, как положено, синяки и кровоподтеки на спине выглядят расплзшимися больше, чем всегда.

– Какая бездарь тебя так расчесала?

– Ревнуешь?

– Иди к Чахи под хвост.

– Ревнуешь. Так что ты пронаблюдал на корабле у землян?

Все, на что у лорд-канцлера хватает твердости, это выдержать трехминутную паузу, пока он сбрасывает результаты своей деятельности в мусорную корзину и аккуратно завинчивает баночки-крышечки.

– Кто, ты думаешь, командует у них отрядом боевого обеспечения? – наконец, выдает он.

Хьелль в хорошем настроении и даже расположен шутить.

– Прекрасная Лулулла, естественно. Воскресшая из мертвых и полная тайных помыслов.

– Ты почти угадал, – серьезно отвечает Сид.

– Разумеется. Я ее видел.

– Ты?

– Ну да. Явилась ко мне в белоснежном одеянии, вся прозрачная такая... в арочном переходе под обеденным залом... и говорит...

– Хьелль!

– И говорит: «Отдай мои бабьи цацки», – заканчивает лорд Дар-Халем, уворачиваясь от летящего ему в правый висок шпателя.

– Ты его видел, – констатирует лорд-канцлер.

– Я даже с ним разговаривал. Поминали твою злополучную лошадку с пушистым хвостом. Мы ее утопили в дворцовом пруду на Дилайне. Ты орал как резаный.

– Мне семь лет было.

– Все равно – не повод. Надо было делиться.

Лорд-канцлер еще несколько мгновений продолжает улыбаться детским воспоминаниям, потом серьезнеет.

– Хьелль, мы должны ему помочь.

– Как, Сид? У нас их нет.

– Я не уверен. Во всяком случае надо постараться. Ты его руки видел? Ты представляешь себе, как их сдирали? Браслеты лордов Дилайны. С ними же рождаются, они же до кости... – Сид сокрушенно обхватывает руками голову.

– У него уже в восемь лет их было не по пять штук на запястьях, как у большинства, а почти до локтя. Меня тошнит, когда я думаю, чем эти кольца надо было выламывать. Или вырезать. Из живого мяса. Неудивительно, что Тон ничего не помнит «после операции», как он выражается.

– А я не понимаю, почему земляне оставили его в живых. Их посольство было среди наиболее пострадавших в ту ночь, когда наши родственнички на Дилайне попытались одним махом избавиться от всех конфедератов на своей территории. Там спаслось полтора человека.

– Бред какой-то. По моим представлениям, они должны были ему голову снести, после всего, на что в ту ночь насмотрелись. И он стал у них служить в спецназе... Тоже не понимаю.

Сид некоторое время молчит, размышляя, потом поворачивается к другу и, нащупывая на зыбкой почве предположений и догадок точку опоры, спрашивает:

– Хьелль, а ты уверен, что Тон вообще в курсе, что тогда происходило? Ему же было лет двенадцать.

– Тринадцать. Он младше нас с тобой на три года. И это случилось через год после твоего возвращения с Когнаты. Помнишь, твой отец тогда достал пленку? И показывал тайно нам в своем кабинете. Полуразрушенный Акро-Чал...

– ... На месте дворца – выжженная проплешина, ошметки жуткого вида, даже не хотелось думать, что это.

– Трупы на улицах. Обугленные стены посольств.

– На месте Ситийского – вообще ничего. Помню, меня впечатлило. Просто пустота. Прямоугольник покореженной земли вместо роскошного трехэтажного особняка.

– Покрытого тремя слоями брони и напичканного защитными системами снизу доверху.

– Вся дорога к космопорту была усеяна телами. Разодранными в клочья – в большинстве своем.

– Родственнички расстарались.

– Чуешь, мы с тобой истинные дары Аккалбата. Смакуем такие подробности.

– Ты это называешь «смакуем»?

– Эээ, – когда Сиду не нравится формулировка, он, как лошадь, старательно трясет головой, будто от этого неудачное слово вывалится из ушей. – А что нам еще остается, кроме как констатировать, что десять лет назад силы Конфедерации (конкретно – ситийский военный флот) прибыли на Дилайну для разрешения конфликта между ее народными массами (это слово лорд-канцлер произнес, словно речь шла о массах рвотных) и горсткой лордов, не желавших подпускать никого к управлению страной, разоривших ее подчистую, пьянствовавших и развратничавших без стыда и совести на глазах у оголодавшего пролетариата. Конфликт, конечно, разрешили, королеву засадили во дворце в почетном заточении, учредили что-то типа парламента. Лорды, конечно, заартачились и начали активировать браслеты. С испугу и перепоею. Страшно подумать, какой там начался хаос, когда и время, и пространство поехали неизвестно куда и вместо нескольких десятков средневековых мечников выяснять отношения к конфедератам явились несколько десятков демонических конформов. Ты же видел, как это работает. Тон, надо отдать ему должное, уже в три года соображал, что может нас в таком виде замочить одной лапой. Наслаждался в одиночку. А представь себе землянина или, скажем, правоверного делихона, выросшего на определенных законах физики, которые они называют «фундаментальными». Вот просыпается он ночью в своем посольстве...

– ...а каменная стена у него на глазах становится прозрачной и через нее лезет такое. Демонически-чешуйчатое, – Хьелль даже прижмуривается от восторга.

– Величиной с восьмизэтажный дом.

– Ты утрируешь. У большинства лордов Дилайны все-таки было чувство меры.

– А также чувство времени и пространства, – язвительно замечает Сид. – Они на него дуло скорчера только наведут, а он тихо растворяется в воздухе. Заметь – без следа. Без предупреждения. И без малейших усилий. Потом сотворяется из того же чистого воздуха прямо над головой обидчиков и – хрясь! Я тебя уверяю, все эти земляне, ситийцы, делихоны просто обалдели от такого вольного обращения с фундаментальными законами и свойствами материи.

Я сам так до конца и не смог привыкнуть к абсолютно неупорядоченному набору способностей наших дальних родственников. Хорошо, что королева Лулулла оттуда смылась.

– Сид, ты хоть об этом можешь говорить серьезно?

– А что об этом говорить? У нас с тобой по планете расхаживает живой и здоровый лорд Дилайны. Причем не просто лорд, а что-то типа наследного принца. Хорошо технически оснащенный, спасибо коллегам из Звездного совета. У него, небось, даже металлоискатель есть. И пока мы тут с тобой сидим и рассуждаем, он шурх-шурх, по стенам и за стенами, глядишь, и выковыряет себе браслет-другой. Помнишь, они такие тонюсенькие – золотые и разноцветные. Переливаются.

Сид мечтательно закатил глаза.

– Так, на чем я остановился?

– На том, что Тон набредет-таки на браслеты.

– Вот-вот. И сразу их на белы руки – раз. Ну, не белы, а все в татуировках, – поправляется Сид, встретив протестующий взгляд Хьелля. – Должен же он был под чем-то свои шрамы прятать. Так вот. Дальше активация – два. Ты в курсе, они начинают светиться изнутри. Дальше земной корабль в ключья – три. Или нет... Экипаж и дипломатов в ключья, а на корабле на Дилайну, так сказать, в родные пенаты – четыре. Мне продолжать?

– Не стоит. С браслетом-другим все это невозможно. Ему потребуется время, чтобы нарастить хотя бы штук по десять на каждой руке.

– Об этом я не подумал.

– Я же говорю, ты параноик. Помешанный на безопасности Аккалабата и лично Ее Величества. Смотри на вещи шире.

– Это как?

– Пусть ищет. Мы ему даже поможем. Найдем – подарим. Вручим торжественно в знак уважения к заслугам командира Звездного десанта. Одновременно с другими подарками для членов миссии. Ты же планируешь на заключительный день?

– А то как же!

– Ну вот. В обмен попросим держать нас в курсе дела. Чтобы не проснуться однажды в комнате с растворяющимся потолком и четырехлапым монстром над кроватью.

– Как все у тебя просто выходит!

– Я военный, Сид. Я привык оперировать теми реальностями, которые вижу перед собой, а не пытаться подменить их мною изобретенными, как вы, дипломаты. В качестве реальности мы имеем сейчас молодого лорда Дилайны, весьма недовольного своим существующим положением. Значит, он его изменит. Мы не в силах этому помешать. Значит, будем способствовать и надеяться, что он этого не забудет, когда придет к власти.

– Когда он чтооооооо? – лорд Дар-Эсиль подпрыгивает в кресле.

– Придет к власти, Сид. Ты же не думаешь, что у него иные жизненные планы? И позволь также напомнить тебе, что лорды Дилайны а) никогда не выполняют своих обещаний (если не считают нужным), б) не имеют друзей, кроме самих себя, и в) полагают любые средства пригодными для реализации своих целей. Это цитата из лекции о сути вещей, которую твой отец читал нам каждый раз, отвозя на космодром для полета к владетельным принцессам Дилайны.

– Я знаю, – при упоминании об отце Сид, как обычно, мрачнеет.

– Так что давай расслабимся и будем получать удовольствие. И прекращай валять дурака. Не мне же учить тебя дипломатическим играм.

Лорд Дар-Халем решительно стряхивает баночки с мазями и инструменты для альцедо в большой мешок, извлеченный из складок орада, и – Охаде! – в два шага исчезает за дверью.

Глава III. Все говорят «нет»

Сид Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

– Моя королева, – Сид почтительно прикасается губами к краю темно-зеленого платья.

– Мой лорд-канцлер, – старая ведьма наклоняется вперед и покровительственно треплет его по плечу. Она довольна. Мальчишка Эсиль не хуже отца: предан, умен, изворотлив, красив, только слишком привязан к своему, точнее, моему маршалу.

– Переговоры с землянами идут успешно?

– Вполне успешно, Ваше Величество. Скоро они перестанут Вам мешать.

– Так надо бы развлечь их напоследок, как полагаешь? Да и твоей королеве не мешает повеселиться, мой мальчик.

– Как Вам будет угодно, Ваше Величество. Думаю, небольшой турнир...

– Нет, Сид. Нужно что-то более впечатляющее, – королева задумчиво теревит в руках хлыст для верховой езды. В отличие от своей бабушки, нынешняя властительница Аккалабата использует его по прямому назначению, но истории о том, как эта на вид безобидная игрушка опускалась на плечи, и не только на плечи, его высокородных предков, отец рассказывал Сиду с детства. Лорд-канцлер поводит плечами под орадом, но с колен не поднимается.

– Та дама из Звездного совета, которая интересуется нашей историей и культурой, она действительно, важный чин? – неожиданно спрашивает королева.

– Да, у них на Земле она занимает пост выше посла Краснова. Даже обладает правом единоличного вето на решения... – Сид всегда рад блеснуть осведомленностью, но королева перебивает его.

– Вот и славно. Покажем ей нашу древнюю традицию...

У лорд-канцлера темнеет перед глазами. Он уже знает, что сейчас последует, но все же надеется...

– Большой бой за дуэм.

– Ваше...

– Лорд-канцлер!

Хлыст колышется в опасной близости от глаз Сида, и он не осмеливается продолжать.

– Кроме того, впервые за долгие годы у нас появляется возможность провести справедливое состязание. Твой Дар-Халем, насколько я понимаю, в альцеде. Так что у остальных будут примерно равные шансы. Сходи в корпус – выбери мальчишку. Можно нескольких, но тогда тебе придется хорошенько продумать правила.

– Нет.

Сейчас старуха мне вмажет. Покажет нашу древнюю традицию.

– Я не расслышала Вас, лорд-канцлер.

– Нет.

– Что «нет»?

– Я сказал «нет»... Ваше Величество.

Старшие дары шесть лет назад

– Я сказал «нет», Корвус.

– А кто ты такой? – лениво осведомляется лорд Дар-Эсиль, даже не поворачиваясь к старшему дару Халема.

– Корвус, дуэм – это не развлечение, это способ выжить, всегда мучительный, иногда постыдный, но без него мы бы здесь с тобой сейчас не сидели. Превращать язву, болезнь нашей расы в зрелище – мерзость.

– Это не мы с тобой придумали. Большой бой за дуэм практикуется уже пятьсот лет.

– Но ни разу за время твоего канцлерства. И никогда – перед глазами чужаков.
Хозяин дома промокает платком вспотевший лоб.

Окна Халемского замка распахнуты, и запах скошенной травы и мокрых папоротников наполняет комнаты. День тянется к концу, болотный туман уже выполз из своих укрытий и наступает. Дышать становится все труднее и труднее.

– Что я должен был сказать королеве? – лорд Дар-Эсиль пытается перейти в наступление.

– То же, что я тебе сейчас. Если ты боишься, я сам скажу.

– Давно не был в опале? – фыркает лорд-канцлер.

– Значит, боишься.

– Послушай, а тебе не приходит в голову... – лорд Дар-Эсиль встает и начинает взволнованно ходить по комнате. Он без орада, и Дар-Халему приходится отклоняться, когда мимо его лица пролетают острые оконечности крыльев.

– Тебе не приходит в голову, что эти, как ты выразился, чужаки с Делихона – наш первый шанс показать другой цивилизации, какие мы на самом деле. Объяснить, как мы живем, что чувствуем, что любим, чего боимся... Сформировать у них правильные ожидания, чтобы они представляли, чего от нас можно требовать, а чего нет. Если мы перестанем быть для них просто длинноносыми чудаками в черных плащах и перьях, а станем живыми людьми, в чем-то привлекательными, в чем-то отталкивающими, в чем-то сильными, в чем-то слабыми...

– Эээ... Корвус, ты не в тронном зале.

– Я, между прочим, серьезно.

– Мне – не рассказывай. Наша высокородная хитрюга, наш драгоценный лорд-канцлер решил быть искренним и открытым с посланцами далекого Делихона. Возжечь огонь взаимопонимания между народами. Я в демона Чахи, подающего милостыню на улицах, скорее поверю.

– Хорошо, я вру. У меня есть своя тайная причина устраивать эту демонстра...

– Эту резню, Корвус. Потому что все засиделись в своих замках, потому что королева умеет провоцировать своих даров, потому что, наконец, это действительно... заводит. Там будет гора трупов. И толпа потерявших разум животных с развевающимися крыльями и оскаленными зубами. Ты такие «правильные ожидания» хочешь сформировать?

Лорд Дар-Эсиль внезапно останавливается, внимательно смотрит на собеседника.

– И эти в том числе. Я, может, хочу, чтобы делихоны, наконец, увидели меня животным с оскаленными зубами, а не братом по разуму. И перестали, наконец, повторять: «Ну, Вы же понимаете, лорд-канцлер...», когда я ни-че-гошеньки не понимаю. А они искренне не могут поверить, что для меня, у которого тоже две руки, две ноги и сердце в левой стороне грудины, все их идеи всемирной информационной открытости, уважения к человеческой жизни и прочая высокопрогрессивная фразеология – пустой звук. Знаешь, что недавно один из них мне заявил? «Вы же цивилизованный человек, лорд-канцлер...»

Лорд Дар-Эсиль складывает пальцы левой руки в неприличный жест, некрасиво плюхается в кресло и наблюдает, как Дар-Халем медленно повторяет последнюю фразу, произнесенную по-делихонски: «...ци-ви-ли-зо-ван-ный человек...»

– Что это значит?

– У нас нет такого слова, слава прекрасной Лулулле. Оно обозначает человека, способного променять свои принципы, интересы и цели на принципы, интересы и цели других, чтобы избежать вооруженного конфликта. Так, по крайней мере, я понимаю.

– А если встречаются два таких цивили... цивили...

– Цивилизованного человека. То тогда тот из них, который сильнее, навязывает свою позицию тому, который слабее. Только этот второй называется не проигравшим, а цивилизованным. И первый – тоже цивилизованным, потому что, если бы ему попался кто-то сильнее его, он был бы готов уступить. Так я понимаю.

Лорд Дар-Халем поднимается с кресла, демонстративно охая, разминает плечи и затекшие ноги. Он не мастер долгих бесед и светского политеса, но до сути дела, кажется, добрался.

– Корвус, ты опять решаешь свои проблемы за счет других. Скажи королеве «нет».

– Я уже сказал «да». И у меня нет проблем. Проблемы могут быть у Аккалабата.

– Корвус, я тебя предупреждаю...

– Не смей. Меня. Предупреждать, – ровным, как зимние зеркала Эль-Зимбера, голосом прерывает лорд-канцлер. – Не смей. Мне. Приказывать. Давить на меня. Мне надоело.

– Что тебе надоело? – Дар-Халем вытаращивает темные совиные глаза в откровенном недоумении. Он уже взял со стола орад лорд-канцлера, аккуратно расправил и протягивает, но рука замирает на полдороге. Верховный лорд Дар-Эсиль сидит, плотно обхватив себя крыльями, и смотрит в одну точку. На лице у него выражение отчаянной решимости.

– Мне надоел ты, – тихо произносит он. – С твоими дурацкими идеями и потрясающим умением все испортить. Скажешь нет?

Огромные кулаки Дар-Халема комкают серебристую ткань так, что она, кажется, сейчас расплзется на нитки. Он долго прокашливается, отвернувшись к стене, прежде чем спросить коротко и обреченно:

– Ты давно так думаешь?

Вместо ответа слышится истеричный смешок, заглушаемый шорохом крыльев по кресельной обивке и скрежетом отодвигаемых ножек.

– Тебе перечислить? Или сам догадываешься? – лорд-канцлер протягивает из-за спины руку, вынимает из негнущихся пальцев свой орад, шумно встряхивает.

– Не догадываюсь, – Дар-Халем догадывается, поэтому с силой опирается ладонями о стену и низко опускает голову. Шея под коротко стриженным ежиком жестких волос багровеет, напряженные мышцы болят так, будто он часа четыре без передышки махал мечом. Шелест ткани за спиной сменяется щелканьем застежек. Голос лорд-канцлера струится ровно, словно он рассказывает о последней королевской охоте.

– Во-первых, дуэм мальчишек. Я говорил тебе тогда, что не надо их спаривать, заикливать друг на друга. Нашли бы каждому парня помладше из рода попроще. Или попросили бы королеву назначить кого-нибудь... в целях совершенствования породы. А ты уперся. Помнишь, что говорил мне тогда? «Попробуем...» Допробовались. Два крупнейших дариата не имеют ни шанса обзавестись наследниками в главной ветви. И дело, как ты понимаешь, не просто в том, кому достанется мой каминный зал или твои неиссякаемые запасы эгребского. Во-вторых...

Лорд-канцлер все никак не управится с застежками. Такое ощущение, что их у него на ораде не менее сотни или что он внезапно разучился с ними обращаться. Щелканье становится нестерпимым, но лорд Дар-Халем продолжает угрюмо смотреть себе под ноги, не делая ни малейшей попытки повернуться.

– Во-вторых, Когната и Анакорос. Идея послать мальчишек учиться за пределы Аккалабата была твоей. Сам знаешь, чем это кончилось. Поединком Сиды с Дар-Акилой, дурацким поединком, бессмысленным, потому что на следующий день после него началась война, разбившая в прах все дуэмы. Это в-третьих.

– Достаточно. Уходи.

– Что? – лорд-канцлер приподнимает голову, ошеломленный только что услышанным, в этот момент острый край застежки впивается в его ладонь. Лорд Дар-Эсиль тянет кисть вниз, безжалостно раздирая кожу. Освободив, вытягивает руку перед собой лодочкой, недоуменно рассматривает выступившую кровь, даже не пытаясь ее остановить.

Дар-Халем уже повернулся и тоже смотрит. Вид у него такой, словно он постарел на десять лет.

– Вон отсюда. Я не хочу тебя видеть. Тем более слышать.

С каждым словом он делает шаг вперед, и лорд-канцлер поспешно отступает к подоконнику, загораясь раненой рукой. В горсти медленно собирается темная жидкость. Ему по-настоящему страшно: Дар-Халем наступает набычившись, как будто пытается выдавить, выбросить с территории своего замка какое-то ядовитое, опасное существо. Но лицо надо сохранить в любом случае, хотя бы с помощью холодно-отстраненного:

– Я рад, что между нами есть ясность.

Только когда лорд-канцлер упирается спиной в подоконник, оба вспоминают, что он в ораде. Конь стоит под навесом во внутреннем дворе.

Дар-Халем несколько секунд буравит соседа взглядом, потом отступает на шаг, дергает плечом в сторону двери, мол, проходи, не трону. Лорд-канцлер поджимает губы, делая вид, что ему все равно, и быстро, не оборачиваясь, идет к выходу. Из руки падают на пол тяжелые капли. Он не обращает внимания: ему, действительно, теперь уже все равно.

Хьелль Дар-Халем шесть лет назад

– Сид, наши предки поссорились, – сообщает Хьелль, аккуратно втирая прохладную мазь в саднящие лопатки. Сид уже на выходе из альцеда, новые черные с фиолетовым кантом перья выглядят любо-дорого, шрамы на спине затянулись, можно и рассказать... А то будет не в курсе, ляпнет что-нибудь.

– Из-за чего? – Сид тарачится из-под крыла одним глазом.

– С Делихона прилетел корабль.

– Экая новость. Они вечно туда-сюда летают. Вообще, когда я был на Когнате, сделал вывод, что из всего соседнего сектора – Сития – Делихон – Когната – делихоны самые нормальные. Вспыльчивые ужасно, а так ничего.

– Вот этого «вспыльчивого ничего» явилось пятеро. Попросили разрешения наделать фотографий, поработать в библиотеке – они в этом году отвечают за информацию о планетах, не входящих в Конфедерацию, в астронете.

– И далеко ли их послала королева?

Хьелль дергает друга за волосы.

– Ну кто так выражается? Ты же будущий лорд-канцлер, да продлит прекрасная Лулулла годы твоего отца. Никуда она их не послала. Верховный лорд Дар-Эсиль – знаешь такого? – проявил несвойственное ему человеколюбие и пустил их на недельку. В связи с этим нас ждет Большой бой за дуэм.

– Кааак? Я думал это запретили сто лет назад.

– Ошибаешься. Официально – никто не запрещал. Просто считали нецелесообразным. Слегка зверски-устарелым, что ли. Но Ее Величеству гости с Делихона понравились, и она решила попотчевать их эксклюзивным лакомством. Твой отец – в главных организаторах.

– Ты так спокойно об этом говоришь.

– А что волноваться-то? Все пройдет как по-писаному: выберут из корпуса симпатичного мальчишку в альцеда, привяжут к столбу на турнирной арене, все желающие могут драться. Цель – затащить его в круг у ног королевы. Приемы – любые, включая летные, ибо без орадов. Можно сражаться по одному, можно образовывать команды. Победителю – мальчишка в качестве дойе, если у него никого нет. Если есть – может подарить, может отпустить...

– Что еще может? – спрашивает Сид ледяным тоном.

– Утопить. Зарезать. Да не знаю я...

Сид несколько секунд молчит, собираясь с мыслями. Безрукавку, которую надо бы давно уже надеть, он вертит в руках, и голой спине холодно. Почему-то одновременно по ней ползут капли пота.

– А ты? Ты драться будешь? – спрашивает он у Хьелля, невозмутимо складывающего баночки и щетки в футляр.

– С какой стати? У меня есть ты... мой карун.

– А если я тебя попрошу?

– Попроси. Пошлю в пасть к демону Чахи. Я в этих играх не участвую. Мне противно.

– А если я сам пойду? Пойдешь со мной?

Пузырек с кровоостанавливающим разбивается о стену в сантиметре от Сидовой щеки.

– У. Тебя. Альцедо. Ты даже внизу будешь полудееспособен, не говоря уже о воздухе. И что за маньячество? Хочешь переделать мир? Чтобы ничто в нем не будило твои лучшие чувства? Не выйдет. Придем, посидим на трибунах, посмотрим. Пусть лезут те, кому позарез надо. Лично я обмякну среди зрителей и дам возможность другим помахать мечами.

Дверь в комнату растворяется без стука.

На пороге стоит лорд Дар-Эсиль. Он не один. Рядом с ним высокая делихонка, которую Хьелль видел на дворцовом приеме. Волосы у нее такие же темные, как у большинства даров, но не прямые, а завиваются в упругие крупные кудряшки, едва достающие до плеч.

Сид смущенно натягивает безрукавку.

– Сид, не надо. Я хочу показать нашей гостье, что такое альцедо.

– По-ка-зать?

– Разденься, как был, и ляг на живот. Хьелль я попрошу тебя: возьми снова щетку и расчеши, как ты обычно делаешь.

Оба молодых дара, не шелохнувшись, смотрят на канцлера, будто это он прилетел с другой планеты. Но они имеют дело с верховным даром Эсиля, его взором не прожжешь. Только отец Сиды умеет потирать подбородок так угрожающе, что хочется закопаться в самое глубокое подземелье Хаяроса и не вылезать из него несколько лет. И эти молочно-белые глаза... обволакивающие, засасывающие в призрачную муть. Не зря мать Хьелля именовала соседа «болотным аспидом» (хотя, может быть, ей просто было завидно, что двоюродной сестре достался более родовитый дар). Игра в гляделки безнадежно проиграна в самом начале. Сид первым отводит глаза.

– Быстро! – рявкает лорд-канцлер.

Безрукавка падает на пол, Сид устраивается на диване, положив руки под голову и распушив крылья. Хьелль продолжает сидеть, не меняя позы.

– Наследный лорд Дар-Халем, мои приказы Вас не касаются? – канцлер с расчетливой легкостью переходит от испепеляющего гнева к ледяной холодности.

– Оооо, – тянет Хьелль. – Это приказ? С кем воюем?

– Хьелль, – просит Сид, – не надо.

Кончик черно-фиолетового крыла успокаивающе поглаживает Хьелля по бедру. Этого он не понимал никогда. Отношений покорности и подчинения старшим, принятых в роде Эсилей. Древнейшие дары, которые все могут себе позволить, которым нечего бояться плохих дуэмов или королевской немилости: слишком много общей крови течет в жилах даров Эсиля и владительниц Аккалабата.

И эта непримиримая жесткость в воспитании детей... Не грубая сила, нет – лорд Дар-Эсиль ни разу в жизни не поднял на сына руку, тогда как отец самого Хьелля мог хорошенько врезать за какую-нибудь дерзость, глупость или небрежность в бою. А почти гипнотическое навязывание своей воли в критические моменты, в непредсказуемые моменты, подавление малейшего сопротивления со стороны младших. Старший знает, что тебе нужно. И что нужно от тебя. Твое дело – выполнять. Только так получается династия лорд-канцлеров Аккалабата. Сид уже много раз объяснял это Хьеллю. Ну, раз так...

Хьелль молча вынимает набор для альцеда обратно. Перья очень красивые, лишнее вычесывание им не повредит. Он склоняется над блестящей иссиня-черной поверхностью и начинает работу.

Лорд Дар-Эсиль удовлетворенно кивает. Темноволосая делихонка стоит к нему очень близко, как будто почувствовав негодование Хьелля, и тоже не говорит ни слова. Лорд-канцлер сквозь зубы бросает редкие объяснения. Хьелль, как это всегда с ним бывает, увлекается, придыхает сквозь зубы, глубоко запускает пальцы в податливую пушистую ткань, склоняется все ниже...

– Лорд-канцлер, это..?

– Все! Хватит! – вопрос делихонки и окрик лорд-канцлера звучат одновременно, и первый остается неоконченным. Хьелль замирает, возвращаясь к реальности. Старший лорд как ни в чем ни бывало поворачивается к госте:

– Леди, я с удовольствием продолжу отвечать на Ваши вопросы в каминном зале.

Он делает несколько шагов к двери. Делихонка кивает молодым дарам и следует за ним. Не успевают Сид подняться, лорд Дар-Эсиль возвращается. Не обращая внимания на враждебный взгляд Хьелля, подходит к постели, садится на край, вдруг резко притягивает сына к себе, гладит по голове, тихо шепчет в ухо:

– Спасибо. Для меня это было важно.

– Да что ты, па... – бормочет Сид. – Мы же понимаем.

– Слава прекрасной Лулулле, не понимаете, – в голосе лорд-канцлера звучит непонятная горечь. – Оденься, холодно.

Он отпускает сына и, легко прикоснувшись к плечу Хьелля, выходит, не оборачиваясь, из комнаты. На лице у младшего Дар-Халема недоумение. Если первую часть этого спектакля он видел уже не раз, то вторая... лорд Дар-Эсиль *обнимает* Сиду... Немыслимо. С того момента, как он начал сознательно воспринимать мир вокруг себя, Хьелль не мог себе представить таких нежностей. На Аккалабате это не принято. Даже с маленькими детьми. Дары устают от дуэзных отношений и на простой телесный контакт с себе подобными идут не очень охотно.

– Сид?

– Забудь. Отец элементарно творит очередное дипломатическое чудо. Вот увидишь, Делихону придется отвалить нам что-нибудь полезное в сфере товаров и услуг за простой показ того, как ты елочишь щеткой по моим перьям.

Молодые дары сидят спина к спине на кровати и пытаются угадать, чем Делихону предстоит расплачиваться за возможность посмотреть альцеда, щедро предоставленную темноволосой деле канцлером Дар-Эсилем.

Сид Дар-Эсиль шесть лет назад

Лорд Дар-Эсиль принимает от лорда Дар-Пассера, недавно сменившего старика-отца на посту ректора военного корпуса, свиток с порядком проведения Большого боя за дуэм.

– Кто у тебя сейчас в альцеда из мальчишек попримичнее? Чтобы было на что глаз положить.

– А у нас без вариантов. Только один и есть. Красавец, умница. Альцеда – через два дня. И не под дуэмом. Остальные – румяные толстячки из Ямбрена. Смотреть не на что. И дуэмы-междусобойчики расписаны родителями – третьесортными дарами – на много поколений вперед. Зачем связываться? Не стоит овчинка выделки.

– Один? – разочарованно тянет лорд-канцлер. Причины его не интересуют.

– Тебе понравится... сама идея, – загадочно усмехается Дар-Пассер и перебрасывает через стол список воспитанников корпуса, находящихся сейчас в состоянии линьки или готовых со дня на день войти в него. – Там подчеркнуто.

Сид, напросившийся с отцом в корпус за компанию, заглядывает через плечо. В списке действительно подчеркнуто. Лорд Рейн Дар-Акила. Хорошенькая же репутация у клана Эсильей, если Дар-Пассер считает, что нам понравится эта идея.

– Младший брат того бедолаги, которого зарубил Сид, – поясняет Дар-Пассер. – Средний безвылазно сидит у себя в замке... точнее, в замках. И не то, чтоб был недоволен. Твой сын значительно увеличил его владения и сделал его верховным даром. Так что возражать не будет. Если мальчишка пойдет под дуэм, так ему еще больше достанется.

Сид ждет от отца хоть какой-то реакции, но тот только еще раз скользит глазами по списку. Потом брюзгливо интересуется:

– И больше совсем никого? Что ж так плохо?

– Ну, прости, альцедо по приказу не начинается. И говорю ж тебе: не плохо, а очень даже хорошо. Сходи взгляни на парня и успокойся. Тебе только его привязать посреди арены и сделать ноги... а то задавят. Желающие.

– И ты один из них? – опасно шутит лорд-канцлер. Он знает, что у Дар-Пассера есть своя деле.

– Смотри, как бы тебе одним из них не оказаться. Знаешь же, как альцедо действует на окружающих. Не зря в замках прячемся.

– Стар я уже для таких игрищ. А вот Сид, может, и не прочь? Ты как, сын? – лорд Дар-Эсиль поворачивается к Сиду, расположившемуся на краю подоконника.

От неожиданности Сид чуть не выпадает наружу. Или он ослышался, или его отец только что предложил ему участвовать в драке за жизнь и тело молодого дара, которого он никогда не видел, но может, если повезет, получить в полное свое распоряжение. И драться надо будет не на холодную голову, как он делал это много раз на турнирах, не в азарте вассальной преданности, как сражаются в войнах за королеву и Империю, а в состоянии тупого, жадного опьянения, вызываемого чужим альцедо. Не видом и даже не запахом ободранной кожи, а какими-то скрытыми феромонами, заразными бактериями, распространяющимися в воздухе и вызывающими животное, неискреннее желание обладать. Это еще одна из причин, по которой дары во время альцедо запираются в замках и не допускают к себе никого, кроме своего каша. Они боятся не только быть убитыми, они боятся спровоцировать влечение.

– Сиийд, ты меня слышишь? – голос отца вырывает его из размышлений. – Почему бы тебе не размяться?

– А как ты думаешь? – вопросом на вопрос отвечает Сид. – Может быть, потому что у меня самого только что закончилось альцедо? Или потому что я уже достаточно наслаждался общением с Дар-Акилами? Или потому что я, вообще, не считаю...

– А вот твои любимые Дар-Халемы считают. И отец, и сын. Что Большой бой за дуэм – это прекрасная древняя традиция, в которой каждый уважающий себя дар должен хоть раз в жизни принять участие. Они уже записались. Королева в честь этого даже отменила команды. Каждый за себя.

Лорд Дар-Пассер залиvisto хохочет. Ему нравится представлять, что было бы, если бы Ее Величество позволила Дар-Халемам сражаться вместе. Это всколькером же надо на них ломиться, чтобы хоть какой-то шанс был? Ох, как бы они вынесли всех с арены за пять минут перед обалделыми делихонами! Нет, поистине смешно. Зато теперь...

– Каждый за себя, говоришь? – Сид недоверчиво кривит губы.

«Мальчишка Дар-Эсиль совсем не дурак», – думает Дар-Пассер. Хотя какой он мальчишка, скоро разменяет третий десяток и крови и пота на войне с Виридисом хлебнул не меньше самого Дар-Пассера.

– Судьи, главный из которых лорд Дар-Пассер, будут следить, чтобы тайных объединений не было и удалять за откровенную поддержку своих. Так что задача становится еще интереснее: подыгрывать друг другу незаметно.

– Это не игра, – упрямится Сид.

– Ну, как хочешь, – вздыхает лорд Дар-Эсиль, лениво извлекая свое сухощавое тело из кресла. – Бездельник ты у меня. Что, Пассер, пойдем смотреть мальчишку?

Осмотр проводится на скорую руку из окна, выходящего на галерею, где воспитанники корпуса тренируются в рукопашном бое. Никаких крыльев, никаких мечей, только нож в одной руке – это тоже надо уметь молодому дару. Младшего Дар-Акилу Сид замечает сразу: парень похож на старшего брата – не внешне, а манерой двигаться, уходить от удара, подныривать под руку соперника и оказываться в более выгодной позиции одним легким движением ног. Невооруженным глазом видно, как хорош у него навык владения внутренним временем, насколько разумна и эффективна техника. Даже аккуратничая в плечевых движениях (сказывается приближение альцедо), Рейн Дар-Акила выглядит на голову выше других. Победив в очередном спарринге, он облегченно сдувает навех челку и присаживается у стены на корточки. В черных глазах, следящих за ходом других поединков, лучики удовольствия.

– Зачем они его здесь держат? – интересуется Сид. – Дар-Акилы – древний род и хорошие бойцы. Дару из этого клана, пусть даже и младшему, не место в корпусе среди новоиспеченных тейо и неумех из южных дариатов. Его должны были учить дома.

– Все благодаря тебе, мой мальчик, – информирует Дар-Пассер. – Приказ королевы. Ее Величество больше не желает, чтобы ее потомственные лорд-канцлеры подвергались опасности наследной вражды. Поэтому учат мальчишку здесь, а не в замке. Там бы толку было больше. А здесь... он не выучит половины того, что уже знал бы, тренируясь дома. Хотя теперь это безразлично.

Лорд-канцлеру тоже, судя по всему, безразлично. Он коротко кивает. Жертва выбрана и утверждена. Осталось договориться с Дар-Пассером, кому, кроме него, из даров, уже имеющих свою деле, можно доверить судейство Большого боя. Ловить за руку нарушителей правил и желающих втихомолку помочь друг другу – серьезная ответственность. Лорды-судьи должны быть не только честны и внимательны во время состязания, они должны быть достаточно уважаемы и сильны, чтобы либо избежать выяснения отношений с обиженными после боя, либо вышибить дух из любого, кто вздумает им противоречить.

Наконец, список согласован. Старшие дары пожимают друг другу руки, Сид почтительно склоняется перед ректором Дар-Пассером. Ночью ему снится, что он сам теперь ректор и у него есть прекрасная деле, по-мальчишески сдувающая вверх черную челку.

Хьелль Дар-Халем шесть лет назад

– Хьелль, я тебя записал, – лорд Дар-Халем делает глубокий выпад.

– Отец? – Хьелль уходит и начинает свою атаку. Правая рука побаливает. Они тренируются в реальном времени, не ускоряясь, поэтому поединок продолжается уже минут двадцать. Это очень долго для даров Халема.

– Мы деремся, – обходной маневр Хьелля пресечен в зародыше. – Два Дар-Халема в Большом бое за дуэм.

– Ты с ума сошел. Не пил из одного стакана с Сидом? – еще одна попытка пробить оборону лучшего мечника Империи.

– А что? Он тоже? – отец захватил меч Хьелля своими клинками и начинает выкручивать, пытаясь заставить того опуститься на колени.

– Ага. Видно, болезнь заразная. Все хотят драться. При этом вместе со мной. При этом по какому-то дурацкому поводу. Из-за какого-то дурака из корпуса, – Хьелль вывернулся уже на «заразной» и каждую фразу сопровождает резким рубящим ударом, стараясь прижать лорда Дар-Халема к стенке.

– От дурака слышу, – отец и сын снова меняются ролями. Старший опять нападает, а младший защищается. Разговор на время прерывается: оба сосредоточены только на свистя-

щих перед глазами клинках. Бой продолжается еще несколько минут, в конце которых Хьелль обнаруживает себя прижатым к стене так крепко, что кажется, отец готов его спиной продавить каменную кладку наружу. Волосы Хьелля намотаны у отца на руке, старший Дар-Халем запрокидывает ему голову и, пристально глядя в глаза, чеканит:

– Драться будем. В паре нам не дадут – это делает бой безнадежным для всех остальных. Значит, по одному, заранее хорошенько продумав, как будем помогать друг другу. У Дар-Пасера глаз наметанный, его не так просто обвести вокруг пальца. Тактику обсудим после. Все ясно?

Мощная рука чувствительно дергает Хьелля за волосы, потом отпускает. Он стучается затылком об стену и тяжело дыша съезжает вниз.

– Нет.

Хьелль еле успевает поднять руки, чтобы заслониться от удара наотмашь.

– Па, ты что?

Отец хрипит, задыхаясь от ярости.

– Чтоооо «нет»?!! Повтори, мерзавец, чтоооо «нет»?!!

– Я не сказал, что не буду драться. Я ответил на твой вопрос. Мне. Не. Все. Ясно, – спокойно поясняет Хьелль. Тянется вперед за валяющимся на полу мечом, но одним глазом все-таки следит за движениями отца.

– А, извини. Спрашивай, – лорд Дар-Халем поддает ногой меч, тот скользит по плитам по направлению к Хьеллю. Хьелль ловит его рукой, вновь садится у стены. Вставать желания нет. Уж если отец, всегда уважительно относящийся к оружию, пинает его ногой, дело совсем плохо.

– Почему нам надо драться? Тебя лорд Корвус попросил? Для зрелищности?

Отец, почти уже присевший рядом с Хьеллем, вдруг наклоняется вперед, хватая его одной рукой за шиворот:

– Не смей при мне упоминать эту гниду.

Хьелль выпучивает глаза. Это он о лорде Дар-Эсиле? Аккалатат сошел с орбиты. Предки не просто поссорились, у них серьезные политические разногласия.

Дар-Халем старший долго ерзает, устраиваясь рядом с сыном, наконец, обмякает, сгорбившись, прикрывает глаза, руки свешиваются с коленей, как две гигантские клешни речного омара.

– Хьелль, Большой бой за дуэм – это самая грязная мерзость, которую только придумали наши предки. Одной коронованной стерве, занимавшей трон через триста лет после введения дуэма, захотелось посмотреть, как будет вести себя толпа вооруженных мужиков, возбужденных близостью мальчишки в альцеде. И... ты знаешь, ей понравилось. Трупы унесли быстро, арену замыли. Правда, парня – уж не помню, как его звали – зарубили во всеобщем озверении. Тогда им давали оружие, жертвам, чтобы могли хоть как-то сопротивляться. Ну, его и... не насмерть, конечно, но покалечили так, что он сам жить не захотел. Ты бы хоть в библиотеку зашел иногда, ознакомился со славными и бесславными деяниями наших прадедов.

Почувствовав неуютное шевеление возле себя, лорд Дар-Халем открывает глаза. На лице у Хьелля такое выражение, будто это его самого должны через несколько дней привязать к столбу перед королевскими трибунами. Но щадить сына лорд Дар-Халем не намерен. Поэтому продолжает, стараясь, чтобы голос звучал отстраненно и без эмоций:

– Ты не видел этого, Хьелль. И слава прекрасной Лулулле. А я видел, еще мальчишкой. И успел почувствовать. Дикое, неуправляемое желание, которого потом становится стыдно: желание выиграть, желание убить, желание получить. Я понимаю, почему это нравится королевам: наглядная демонстрация, с одной стороны, того, как хороши их лорды, с другой – того, насколько мы ничтожны и омерзительны. Она же презирает нас, Хьелль, с высоты своего трона – за нашу слепую преданность, за нашу неспособность...

– А теперь? – Хьелль прерывает, явно думая о чем-то своем. Высокие мотивы его не интересуют. Встретив недоуменный взгляд отца, он поясняет:

– Теперь оружия им не дают, верно?

– Да. Просто раздевают до пояса, чтобы было видно окровавленные крылья и спину, и привязывают за волосы. Королева решит – прямо на площадке или повыше, чтобы нужно было подняться в воздух, чтоб достать.

– За волосы? Повыше? Без опоры для ног? Парня, который не может пользоваться крыльями? Отец, ты бредишь!

– Не нравится? – лицо лорда Дар-Халема пересекает кривая усмешка. – Скажи спасибо, что был рожден в нашем клане, от сестры самой королевы. Имеешь право не знать реальной жизни.

Лорд Дар-Халем понимает, насколько далеки от реальной жизни эти его слова. Он видел сына на полях сражений с Виридисом. Видел и оценил. Хладнокровный расчет, безжалостность, четкость в выполнении приказов, изощренный тактический ум, ироничную уверенность в том, что всякий личный поединок заканчивается так, как этого хочется ему, Дар-Халему, и зрелую трезвость оценок, когда речь заходит о бое, в котором на кону – жизнь воинов Аккалабата.

Иногда Дар-Халему старшему казалось, что, по-прежнему уступая ему во владении мечом, сын превзошел его, маршала Аккалабата, в тактическом мышлении, в умении расположить засады, прикрыть фланги, вовремя ввести в бой подкрепление, увидеть слабые места обороны противника и ужалить их точечным ударом аккалабатской конницы... Он любил после совещания высших военных чинов в палатке, где Хьелль по обыкновению и по молодости предпочитал помалкивать, подсунуть сыну под нос карту вражеских укреплений или план боя, спросить: «А ты что думаешь?» – и слушать, что, наматывая и разматывая вокруг носа черную прядь, предлагает аккалабатской армии его отпрыск. Который сейчас, нахохлившись, сидит на затертом полу и краешком крыла выводит на пыльной поверхности какие-то знаки.

– А мы как располагаемся? – вдруг деловито осведомляется Хьелль.

– По кругу. В зависимости от того, сколько даров захочет принять участие, будет определен радиус. Места – по жребию.

– Значит, к кому-то жертва будет лицом, к кому-то спиной? – уточняет Хьелль. – Ладно, па, я все понял. Можешь набросать мне на листочке, где кто – где мы, где судьи, где этот круг у ног королевы, в который надо тащить ребенка? И дай точные правила. Только не впутывай Сиду, ладно? Он после альцедо.

Больше всего в этот момент лорду Дар-Халему хочется обнять сына. Но такие нежности в доме Халемов не приняты даже с шестилетними. Он только коротко кивает, поднимаясь, и протягивает Хьеллю руку. Тот, как будто не замечая, продолжает сидеть, отгородившись серыми пушистыми стенами от всего мира.

– И еще, пап, – голос Хьелля, отраженный дугообразными перекрытиями, настигает старшего у выхода из оружейного зала. – Ты должен рассказать мне, насколько... – он с трудом подбирает слова. – Насколько затуманивается мозг из-за этого... ну, что парень будет в альцедо.

– Это я тебе могу сказать точно. Хотя сам не участвовал. Соображать ты не будешь почти ничего. Фактически будешь махать мечом с помощью того, что находится ниже пояса. Мне проще, у меня была твоя мать – деле королевской крови. Говорят, на таких, как я, подобные штучки не действуют. Поэтому рассчитывай на то, что волочь мальчишку будешь ты, а я – орудовать в арьергарде, прикрывая вас.

Голос отца со спины слышится глухо. На последних словах лязгает железная дверь, и не слышно шагов, удаляющихся вниз по винтовой лестнице. Хьелль продолжает угрюмо смотреть в одну точку, запуская правую руку себе в волосы... «Рассчитывай... – мысленно воет

он. – А на то, что несколько десятков одуревших даров забудут про силу Халемов, мне тоже рассчитывать?»

Глава IV. У всех есть что-то, за что стоит драться

Сид Дар-Эсиль шесть лет назад

Музыка умолкает, и останавливают свое движение плавно кружащиеся пары. Сид почтительно раскланивается с партнершей – одной из леди многочисленного клана Дар-Умбра – и отводит ее на место. Он любит танцевать. И умеет делать это, не задумываясь о том, кем раньше была прекрасная деле, которую он почтительно к себе прижимает. В глубине души Сид подозревает, что Хьелль не танцует именно поэтому: не может абстрагироваться, все ему мерещатся то бывшие соперники по турнирам, то соратники на войне с Виридисом. После победы хлынул такой поток дуэмов, что немудрено и счет потерять тому, кого еще можно увидеть на дружеской пьянке в кабаке «У пьяного мышелова», а кто уже носит платье со шлейфом. Но Сид Дар-Эсиль умеет не думать, именно поэтому с ним так любят танцевать молодые деле.

Вернув очаровательную леди Дар-Умбра мужу, Сид опускается на угловой диванчик возле отца. Даже хорошему танцору нужна передышка. Как и хорошему дипломату. Лорд-канцлер полвечера убил на единственную среди делихонов деле, обучая ее аккалабатским неспешным танцам. Даме явно понравилось, теперь она с раскрасневшимися щеками беседует с королевой. Лорд-канцлер, вальяжно откинувшись на спину сына, прихлебывает вино и щурится, как кот.

– Лорд Дар-Эсиль, можно Вас на два слова, – немолодая деле в черном закрытом платье смело кладет руку на предплечье лорд-канцлера.

Сид немножко отодвигается, давая отцу возможность привстать и поклониться. То, что происходит дальше, заставляет его потерять дар речи. Непререкаемо соблюдающий все придворные манеры лорд-канцлер лишь обозначает небрежный кивок и похлопывает рукой по дивану, приглашая незнакомую деле сесть рядом с собой. С точки зрения дворцового этикета, это не просто грубость, это неприкрытое оскорбление. Но пока Сид тревожно шарит глазами по залу – не видит ли кто – женщина молча, с тяжелым вздохом, усаживается по другую руку лорд-канцлера.

– Ваш сын... – начинает она, потупив голову.

– Мой сын совершеннолетний. И он будущий лорд-канцлер Аккалабата, спасибо Вашему сыну, миледи, – почти весело отвечает Дар-Эсиль.

И тут до Сида доходит. Глазами он впиивается в лицо женщины, пальцами нервно поглаживает безобразный рубец на шее. Значит...

– Значит, Вы отказываете мне в беседе наедине, лорд-канцлер?

– Значит, отказываю, – лорд Дар-Эсиль явно получает удовольствие от разговора.

– Хорошо. Я буду говорить при Вашем сыне. Тем более, что он будущий лорд-канцлер Аккалабата, – насмешку в голосе леди Дар-Акила трудно не заметить. Эта деле слишком высококородна и опытна, чтобы растеряться от дерзости Дар-Эсиля.

– Рейна вчера забрали из корпуса. Говорят, по Вашему приказу. Для боя за дуэм, – она не спрашивает, а констатирует.

– Упаси нас прекрасная Лулулла, моя леди! С каких пор я распоряжаюсь такими вещами?! – лорд-канцлер беспомощно разводит руками. – Приказ королевы, моя милая, приказ Ее Величества королевы.

– Лорд-канцлер! – кричать, оказывается, можно и вполголоса. Сид уверен, что никто, кроме него, не слышит эту беседу, хотя многозначительный взгляд Дар-Пассера из другого конца зала от него не укрылся. Но музыка играет достаточно громко.

– Лорд-канцлер, у меня трое сыновей. Было – трое. Что случилось со старшим – Вы знаете, и я не могу винить Вашего мальчика за это. Второй... я не хочу о нем говорить, спросите у Вашего друга Халема, сколько толку от него на войне. Разжирел, не высовывает нос за пределы дариата, мнит себя наследником и блюстителем родовых земель, плодится, как боров...

– Вы слишком строги к своему сыну, миледи, – лорд-канцлер только что допил бокал и придирчиво изучает узор на стенках. – Насколько я помню, Ваш муж тоже не жаждал блистать на полях сражений, хотя он-то имел для этого все основания.

– Рейн пошел не в него, – глаза леди Дар-Акила впервые за время разговора светятся нежностью. – Несмотря на то, что его отправили в корпус... с ямбренискими бездарями. Он способный, талантливый мальчик. Из него выйдет мечник, за которого Вам Дар-Халем спасибо скажет.

– Мнение Дар-Халема... Это плохой аргумент сегодня, миледи. Хотя я видел мальчишку, он хорош, да...

– С мечами или с ножом? Вы его видели – с мечами или с ножом? – леди Дар-Акила всем корпусом подается в сторону собеседника, ее глаза горят уже не нежностью, а гордостью и азартом.

Сид вытаращивает глаза. Конечно, она любящая мать, но интересоваться такими подробностями в такой момент... Отец, кажется, тоже заметил, но делает вид, что орнамент на стенках бокала интереснее. Что с ним такое?

– С ножом, – медленно отвечает он. И повторяет, задумчиво покусывая губу:

– С ножом. В рукопашной.

Теперь в глазах у леди Дар-Акила зажигается надежда. Но лорд-канцлер решительно ставит бокал на пол и машет рукой, подзывая слугу.

– Эгребского?

– Нет, спасибо, – она провожает глазами очередной бокал до самых губ лорд-канцлера, не отрываясь, смотрит, как он сглатывает, прищелкивает языком, смакуя вино. – Лорд-канцлер, я знаю, что в корпусе есть другие... тоже в альцеде. Можно ведь заменить... что-нибудь сделать.

– Поздно, моя госпожа, – лорд Дар-Эсиль полностью удовлетворен – вином, вечером, танцами и разговором. – Вам нужно было поговорить со мной раньше.

– Все произошло слишком неожиданно. Лорд Дар-Пассер даже не предупредил нас.

– Нам нужно было поговорить, когда твой старший объявил дуэму Дар-Халему, – не меняя тона, отвечает лорд-канцлер, глядя поверх головы ссутулившейся рядом с ним деле. Сид цепенеет. Он понимает, что отец не оговорился, а сознательно перешел все границы приличий. Он первый раз слышит, чтобы лорд-канцлер говорил «ты» женщине. «Сейчас она его ударит», – думает Сид и отводит взгляд в сторону.

– Я... не могла, Корвус. Заметь, мы и сейчас злостно нарушаем Регламент.

Глаза Сида распахиваются против его воли. Корвус? Он успеваешь заметить, как отец болезненно морщится, словно пьет не вино, а уксус, но все же залпом заливает бокал в горло. Ставит его рядом с первым, громко хлопает ладонями по дивану.

– Ну, вот и я не могу, – заявляет он облегченно. – И давайте закончим эту бессмысленную дискуссию, моя госпожа. Дар-Пассер уже четыре раза на нас смотрел. Не стоит давать повод для слухов.

– Я поняла Вас, милорд, – леди Дар-Акила выпрямляет плечи, царственно кивает отцу и сыну и поднимается с дивана. На этот раз лорд-канцлер встает вместе с ней, склоняется в низком поклоне и прижимает к губам ее руку. Сид слышит, как, разгибаясь, он шепчет:

– Прошу прощения, леди. Я не могу заменить Вашего сына другой жертвой на Большом бое. Молитесь, чтобы он достался Халемам... с их завиральными идеями.

– Халемам всегда достается все самое лучшее, – невесело улыбается леди Дар-Акила. – Я не прощаю Вас, лорд-канцлер.

Хьелль Дар-Халем шесть лет назад

И зачем надо было несколько дней готовиться и разрабатывать тактику с учетом желающих участвовать, внесенных в список? Зачем – я себя спрашиваю? Если по правилам проведения, которые сейчас зачитывает лорд Корвус, любой совершеннолетний дар может в любой момент вступить в бой. С любого места. Например, абсолютно свеженький свалиться тебе на голову, когда ты, перебив уже половину соперников, будешь втаскивать жертву в круг у ног королевы. Спасибо тебе, гадина наша драгоценная...

Хьелль сжал руки на поясе. Больше всего не хотелось сейчас смотреть на отца. Он и так ходил как пришибленный со времени размолвки с лорд-канцлером, а сейчас, когда тот выдает новые ценные указания, вообще жалко выглядит. Свинья Вы, лорд Корвус, хотя и наше дипломатическое светило и отец Сиды.

Сид тоже свинья. Он же обещал не участвовать. И вот как ни в чем не бывало нарисовался в полном боевом облачении рядом с... это ж, простите, кто там стоит? Это у меня в глазах помутнение или в рассудке? Сам владетельный лорд Дар-Акила – средний брат нашей жертвы. Брат на брата? Или за брата? Кто их разберет, но мурашек по коже это добавляет.

Рука отца, опустившаяся на плечо, возвращает Хьелля к реальности.

– Твои предложения, сын?

– Всё, как договорились, пап. Только теперь в три линии. Не я тащу, а ты всех раскидываешь, а Сид тащит, я его прикрываю, а ты держишь всю остальную свору на расстоянии. А свора большая, заметь...

Старший Дар-Халем прикладывает руку козырьком ко лбу. Они стоят на самой высокой точке трибун, откуда хорошо видно арену.

– Все молодые Дар-Умбры. Неженатые Дар-Пассеры все до единого. Но это ничего. Плохо, что Дар-Гавиа нарисовались. Встречался с ними?

– Нет. Покажи.

– Вон, уже без орадов. Черные крылья с золотым окаемком. Волосы в две косички.

– Откуда они?

– Из Ямбрена.

– На юге есть хорошие мечники? – Хьелль удивленно поднимает брови.

– Они почти не покидают своих владений. Для дуэмов берут низкорощенных даров и тею из окрестных земель. Разнообразие ставят выше чистоты крови. В результате за счет мышечной силы и выносливости они способны компенсировать недочеты в управлении внутренним временем. В воздухе большинство из них нам не конкуренты. Но в наземном бою, особенно рукопашном, могут быть серьезной проблемой. Даже для нас с тобой. Иногда мне кажется, что мечи им только мешают. В любом случае, не подпускай близко – получишь ножом между лопаток. Но это еще полбеды. Те немногие из них, кто рожден от браков с высокородными деле, одинаково ловко управляют с мечом и ножами. Техничны до безумия. Лучшие из них способны на ходу выдумать такой прием, что мало не покажется. Даже нам с тобой.

– А ты откуда знаешь?

Отец делает вид, что не слышит. Но Хьелль решает достучаться.

– Пап, откуда ты знаешь про Дар-Гавиа, если они, как я понял, первый раз с моего рождения выбрались к королевскому двору?

Старший лорд Халем хмурится, тщательно поправляет перевязь и только потом отвечает:

– Один из них, разумеется, еще до твоего рождения, чуть не получил дуэм с отцом Сиды.

– Как дойе? Ну и вкус был у лорда Кор... – Хьелль осекается под тяжелым взглядом отца.

– Как карун. И лорд Корвус не то, чтобы возражал.

Теперь уже приходит очередь Хьелля внимательно осмотреть снаряжение. Поднимая взгляд на отца, он безоблачно улыбается:

– Ты решил даже не снимать орада?

– А ты решил даже не убирать волосы? – добродушно подкалывает старший лорд.

Тень, возникшая между ними во время предшествующего разговора, рассеивается. Рука об руку отец с сыном спускаются на арену. По пути Хьелль извлекает любимую заколку «с Земли» (те, которые с Анакороса, уже поломались, но лорд Корвус изыскал возможность заказать приятелю сына такие же на Когнате), забирает волосы высоко наверх, бросает орад на ступеньках. Их провожают взглядами: кто – завистливыми, кто – восторженными. С некоторыми из даров, принимающих участие в бое, Халемы обмениваются рукопожатиями и перекидываются дружескими шуточками. Это не мешает и тем, и другим безжалостно рубить друг друга спустя десять минут.

По жеребьевке Сиду досталось место у противоположного края круга, бок о бок со средним Дар-Акилой. Хьелль коротко кивает другу: нельзя, чтобы их заподозрили в сообщничестве. Сид смущенно улыбается в ответ.

Сид Дар-Эсиль шесть лет назад

Он виноват: надо было предупредить Хьелля, что решил участвовать. Вопреки обещанию, несмотря на отзывающиеся на резкие движения тягучей болью плечи. Он и не собирался. Просто, встав сегодня утром, на всякий случай наточил мечи, проверил снаряжение и затянул специальными эластичными повязками основания крыльев. А когда по дороге во дворец отец, еще более, чем всегда, полный сарказма и недомолвок, проговорился о том, что к бою в любой момент может подключиться любой желающий... В общем, Сид успел к началу жеребьевки.

В сторону королевского трона, где над Ее Величеством, разодетой в пух и прах по столь торжественному поводу, заботливо склонился лорд-канцлер, только что закончивший зачитывать правила, Сид старается не смотреть. Зато он чутко впитывает все обрывки разговоров, все намеки и двусмысленности, шелестящие над головой. Успеваешь заметить, как, словно случайно, задевают друг друга плечами младшие клана Дар-Умбра – его ровесники и вечные приятели в ночных шатаниях по Хаяросу, как на мгновение соприкасаются пальцами, взглядами, крыльями все, кто заранее договорился об общей стратегии...

Сиду вдруг становится не по себе. Он понимает, что никакие запреты королевы на командную борьбу здесь не сработают. Уже выработаны планы, распределены роли, каждый клан готов действовать как единое целое, а одиночки заранее сбились в пары и тройки. Все друг друга знают, все примерно догадываются, что от кого ожидать.

Элемент неожиданности вносят только неизвестно откуда свалившиеся лорды Дар-Гавиа. Этим даже королева удивилась. Вначале нахмурила брови, гневно привстала с трона, повысила голос... Но уж больно хороши собой стройные рослые парни с черными косичками, с ярко блестящими даже под нещедрым солнцем Хаяроса золотыми узорами на перьях, а если вспомнить все слухи об их боевом мастерстве, то...

– Почему бы не украсить Большой бой за дуэм такими участниками? – прошелестел в ухо властительнице Аккалабата верный лорд-канцлер. – Какое впечатление для гостей с Делихона! – И еще тише добавил: – И надо бы нам посмотреть, что они там умеют, на юге. Чтобы не было потом неожиданностей.

Так что королева сменила гнев на милость, лишь пожурила Дар-Гавиа за то, что редко бывают в столице, и разрешила участвовать.

Краем глаза Сид ловит какое-то шевеление на другом краю площадки. Шевеление, явно ему предназначенное. Хьелль стоит, поглаживая двумя большими пальцами лезвие длинного меча. Есть у него такая привычка: перед поединком разминать сталь, словно мягкую ткань, подушечками пальцев и внимательно рассматривать при этом, что получилось. Так он сосредотачивается. Только губы его шепчут, обращаясь вовсе не к мечу, а к Сиду, и, когда тому

удается прочесть, что они шепчут, он дуреет от радости. «Прос-то та-щи». Небо, подернутое серыми тучками, сразу кажется ясным, лорды Дар-Гавиа совсем не страшными.

В таком уверенном и спокойном расположении духа Сид пребывает до того момента, когда по команде ректора Дар-Пассера все участники делают несколько шагов назад от своего места на линии окружности и в круг выволакивают сегодняшнюю жертву. Раздетый до пояса, с окровавленной спиной и разодранными крыльями, лорд Рейн Дар-Акила совсем не похож на того счастливого мальчишку, которого Сид несколько дней назад видел в корпусе. Он безропотно откидывает шею назад, пока распорядители ставят его на колени и аккуратно привязывают длинные черные волосы к деревянному столбу в центре арены, только слабо шевелит крыльями, пытаясь пристроить их так, чтобы не было очень больно.

– Дурашка. Сейчас тебе будет еще больнее, – слышит Сид справа от себя характерный северный выговор Дар-Умбры, уже нечеткий, задыхающийся от волнения, от желания – первым добежать до столба, отвязать, схватить, подтащить к трону.

Сиду хочется посмотреть, что там делает Дар-Умбра, но он не может отвести взгляд от выгнутой полуголой фигуры у деревянного столба, от которой исходит животный зов такой силы, что нет никакой возможности противиться ему. И что же там ждет Дар-Пассер? Почему не дает сигнала? Сид сглатывает и издает низкий гортанный звук, мало чем напоминающий звуки человеческого голоса. Ну же, ну...

– На линию! – крик Дар-Пассера доносится как сквозь туман. Вместе с другими лордами Сид занимает свое место на окружности. Отовсюду тянутся прерывистые вздохи, хрипы, слышна чья-то отчаянная ругань. Отовсюду, кроме как...

Сид скашивает глаза налево. Конечно, средний Дар-Акила ничего подобного не чувствует, ведь Рейн его брат: зов альцедо не затрагивает кровных родственников. Среди задыхающихся от жажды молодого тела даров, только один сохраняет трезвую голову и смотрит на привязанную в центре круга жертву не с желанием обладать, а... Пресвятая Лулулла! Он же убить его хочет! Сид чувствует, будто его окатили ушатом холодной воды.

Кому, как не ему, знать это выражение по-волчьи сощуренных глаз, эту линию подбородка, выдающую крепко сжатые зубы и упрямо выдвинутую вперед нижнюю челюсть... Только в тот раз он видел сведенные в точку глаза и злобно выпяченный подбородок близко-близко. Но и теперь присутствие хищника, уже загнавшего свою добычу, действует на Сиду отрезвляюще. Отточенная веками придворных интриг логика Дар-Эселей заставляет все животные страсти забиться далеко на окраину сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.